

XXIV

а. 457

Цѣна 1 рубль.

Проф. Д. И. Багалъй.

Украинская старина

(очерки, замѣтки, материалы изъ стародавняго Харьковскаго быта и культуры).

1925
3617

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1896.

XXIV

457

Проф. Д. И. Багалъй.

УКРАИНСКАЯ СТАРИНА

*(очерки, замѣтки, матеріалы изъ старо-
давняго Харьковскаго быта и культуры).*

„Безъ частныхъ описаній тѣхъ
и другихъ частей Россіи не можетъ
быть и ея полнаго описанія“.

Изм. Ив. Срезневскій.

1925
3617

I.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губ. Правленія, Петровскій пер., № 17.

1896.

EB_1896_SLAVFOND_SF00001097

Дозволено цензурою. Г. Харьковъ, 12 октября 1896 г.

Отдѣльные оттиски изъ „Харьковскихъ Губ. Вѣдомостей“ за 1896 годъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
1) Предисловіе	1— 7
2) Наказы харьковскаго дворянства въ Екатерининскую комиссію 1767 года	8—115
3) Харьковскій городской голова Егоръ Егорьевичъ Урюпинъ . . .	116—196
4) Два культурныхъ дѣятеля изъ среды харьковскаго духовенства (священникъ Василій Фотіевъ и священникъ Андрей Самборскій) . .	197—304

УКРАИНСКАЯ СТАРИНА.

(Очерки, замѣтки, матеріалы изъ старо-
давняго харьковскаго быта и культуры).

Подъ этимъ заглавіемъ мы намѣре-
ны помѣстить цѣлый рядъ отдѣльныхъ,
самостоятельныхъ статей по внутрен-
ней, бытовой исторіи Харьковскаго
края, носившаго въ прежнее время,
какъ извѣстно, названіе Слободской
украины. Въ 1884 году, на одес-
скомъ археологическомъ съѣздѣ, я сдѣ-
лалъ свое первое сообщеніе по его
исторіи и съ того времени не пере-
стаю собирать относящіеся сюда ма-
теріалы, печатать изслѣдованія, статьи

и замѣтки. Занявшись въ послѣднее время составленіемъ исторіи харьковскаго университета, которая, по своимъ рамкамъ и плану, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и очеркомъ мѣстнаго просвѣщенія и культуры, я, естественно, долженъ былъ обратить вниманіе на выдающихся харьковскихъ дѣятелей XIX вѣка и на ихъ общественную дѣятельность. Извѣстно, что внутренняя исторія нашего края XVII—XVIII вв. разработана весьма слабо, и это зависитъ главнымъ образомъ отъ недостатка матеріаловъ. И хотя мнѣ удалось собрать и издать въ теченіе послѣдняго десятилѣтія не мало новыхъ архивныхъ документовъ, но ихъ все-таки оказывается недостаточно, и мнѣ, такимъ образомъ, волей-неволей приходится отложить до поры до времени выходъ въ свѣтъ 2-го тома моихъ „Очерковъ“, который будетъ посвященъ давно задуманному мною систематическому обзрѣнію внутренняго

быта Слободской украины. Что касается XIX в., то эта эпоха, можно сказать, совершенно не затронута исследователями, хотя и она имѣетъ, по связи съ нынѣшнимъ временемъ, огромный интересъ. Будемъ надѣяться, что уясненіемъ ея займутся тѣ лица, которыя будутъ составлять „исторію Харькова“ къ предстоящему 250-лѣтнему юбилею города.

И вотъ въ ожиданіи этихъ трудовъ, а также въ виду того, что *систематическій* обзоръ нашего старого быта оказывается, при настоящемъ состояніи источниковъ, несвоевременнымъ, мы рѣшаемся печатать отдѣльные, такъ сказать, этюды, посвящая ихъ изслѣдованію различныхъ сторонъ жизни, біографіямъ болѣе выдающихся дѣятелей и новымъ матеріаламъ, по содержанію и характеру своему доступнымъ и для читателя-неспеціалиста. Эти статьи не будутъ находиться другъ съ другомъ въ тѣсной органи-

ческой связи—между ними будетъ гораздо болѣе отдаленное отношеніе: всѣ онѣ будутъ посвящены *внутреннему быту и культурѣ одной и той же мѣстности*. Но это неудобство (если только оно является таковымъ) имѣетъ и свою выгодную сторону: оно даетъ мнѣ возможность теперь же познакомить читателя, интересующагося прошлымъ своего края, съ различными эпизодами этого прошлаго; съ другой стороны эти частичныя изслѣдованія приближаютъ и меня самого къ воссозданію полной исторической картины.

Мои очерки, конечно, будутъ отличаться вполне научнымъ характеромъ, но такъ какъ отъ меня зависитъ выборъ сюжетовъ, то я думаю, что они могутъ быть интересны и для болѣе широкаго круга читателей. Несомнѣнно, что и въ большой публикѣ существуетъ интересъ къ историческому чтенію вообще, и къ родной, мѣстной старинѣ въ частности. Уваженіе къ

этой послѣдней, заботливость о ней составляетъ характерный признакъ всякаго культурнаго общества; и можно сказать, что чѣмъ культурнѣе извѣстная среда, тѣмъ съ большимъ уваженіемъ и интересомъ относится она къ своему прошлому, его письменнымъ и вещественнымъ памятникамъ. Западная Европа намъ можетъ служить въ этомъ отношеніи прекраснымъ образцомъ.

И на столбцахъ мѣстныхъ газетъ приходится нерѣдко встрѣчать дѣльные статьи по мѣстной исторіи, хотя рядомъ съ ними попадаются и такія, которыя только повторяютъ общеизвѣстное (не такъ давно г. Балабуха перепечаталъ почти полностью на страницахъ „Ю. Кр.“ „Историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи“ преосв. Филарета; а между тѣмъ тамъ же помѣщались вполне самостоятельныя работы по исторіи харьковского театра и по исторіи лѣвобережной Украйны гг. Н. Ч. и Д. М.).

Мы рѣшились напечатать часть своихъ вынѣшнихъ очерковъ въ газетѣ, руководствуясь двумя соображеніями: желаніемъ, по мѣрѣ силъ своихъ, способствовать распространенію историческихъ свѣдѣній, касающихся нашего края, въ мѣстномъ обществѣ и надеждою опубликованіемъ ихъ получить новыя дополнительные матеріалы какъ по затронутымъ здѣсь вопросамъ, такъ и вообще по мѣстной исторіи. Пользуясь настоящимъ случаемъ, извѣщаемъ своихъ читателей, что въ Харьковѣ, при университетѣ, имѣется историческій архивъ, гдѣ недавно учрежденъ особый отдѣлъ для храненія фамильныхъ и частныхъ бумагъ (писемъ мѣстныхъ дѣятелей, дневниковъ, документовъ, рукописныхъ сочиненій, проектовъ, записокъ и т. п.); все это можно присылать въ харьковское историко-филологическое общество (въ зданіи университета) съ условіемъ даже не распечатывать ранѣе извѣстнаго срока.

Но въ виду того, что наши статьи, въ совокупности своей, составляютъ довольно обширную коллекцію, мы, по мѣрѣ накопленія матеріала, будемъ выпускать ихъ въ свѣтъ и отдѣльными сборниками—книгами, чтобы дать возможность познакомиться съ ними всѣмъ желающимъ.

Наказы харьковскаго дворянства въ Екатерининскую комиссію 1767 года.

I.

Первые годы царствованія Екатерины II-й были ознаменованы событіемъ огромнаго государственнаго и общественнаго значенія: по державному слову Государыни, были созваны въ Москву со всѣхъ областей Россіи избранные самимъ народомъ депутаты для составленія проекта новаго уложенія. Въ этомъ послѣднемъ давно уже чувствовалась насущная потребность, такъ какъ дѣйствующимъ законодательнымъ памятникомъ являлось и теперь еще главнымъ образомъ

„Соборное уложеніе“ царя Алексѣя Михайловича, составленное въ XVII вѣкѣ и, конечно, давнымъ давно уже переставшее соответствовать строю русской жизни и потребностямъ времени. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить, какія огромныя измѣненія во всѣхъ сферахъ управленія, соціально-экономической жизни, быта и нравовъ произведены были у насъ реформами Петра Великаго, не говоря уже о послѣдующихъ царствованіяхъ. Екатерина II-я своею рѣшительной мѣрой хотѣла добиться того, что не удалось сдѣлать ея предшественникамъ: она рассчитывала ввести новыя реформы, но не въ видѣ искусственной надстройки къ устарѣвшему уже зданію, а въ видѣ новаго грандіознаго сооруженія, которое было бы создано согласно новымъ условіямъ русской жизни и либеральнымъ, просвѣщеннымъ взглядамъ мыслителей Западной Европы. Неудивительно

что вызовъ депутатовъ произвелъ глубокое впечатлѣніе какъ на русское, такъ и на европейское общество. Особенно большія надежды мѣра эта, конечно, вызвала въ Россіи, между прочимъ, потому, что всѣ сословія, получившія право избранія депутатовъ, должны были вручить этимъ послѣднимъ особыя *наказы* и челобитья о своихъ общественныхъ нуждахъ и желаніяхъ. Эти то *наказы*, по мысли правительства, должны были послужить основою реформъ, которая предположено было внести въ новое Уложеніе. Такимъ образомъ, на долю русскаго общества выпалъ рѣдкій, счастливый случай заявить о своихъ желаніяхъ правительству, подвергнуть ихъ обсужденію депутатовъ Большой комиссіи, объединить и ввести въ новые законы на „впредь будущія“ времена. Сама Императрица, въ своемъ наказѣ, задавала какъ бы тонъ для будущаго концерта и, нужно сознаться, что

тонъ этотъ былъ высокаго строя. Правда, и задача комиссіи была необычайно трудная: ей предстояло примирить такіе общественные интересы, непримиримость которыхъ (если можно такъ выразиться) была создана самою жизнью; въ ея распоряженіи, въ видѣ наказовъ и челобитенъ, очутился слишкомъ огромный матеріаль, который невозможно было разобрать и систематизировать въ теченіе короткаго промежутка времени; для этого нужны были многіе годы, даже десятки лѣтъ или, правильнѣе говоря, *временная комиссія должна была превратиться въ постоянную*. По крайней мѣрѣ, мы приходимъ теперь невольно къ такому заключенію, послѣ опубликованія значительной части (но далеко не всѣхъ еще) депутатскихъ наказовъ. Эти послѣдніе заключали въ себѣ богатые данныя не для одного только новаго Уложенія, которое было бы общимъ для всей Россіи; еще больше, пожалуй,

въ нихъ было матеріаловъ для болѣе частныхъ правительственныхъ мѣропріятій, которыя бы относились къ отдѣльнымъ областямъ, мѣстностямъ нашего обширнаго отечества. Каждый городъ, каждая губернія имѣли свои особыя, спеціальныя нужды—и вникнуть, разобраться въ нихъ не легко было постороннимъ; это могли сдѣлать только мѣстные общественные органы (въ родѣ нашихъ нынѣшнихъ земствъ), которыхъ тогда не существовало. Не говоримъ уже о томъ, что, не смотря на успѣхи, сдѣланные централизаціей въ царствованіе Петра и самой Екатерины II, въ нѣкоторыхъ областяхъ (напримѣръ, Остзейскомъ краѣ, Малороссіи, Запорожьѣ и даже нашей Слободской украинѣ) сохранялись еще старыя особенности ихъ гражданскаго строя и управленія. Изъ этого видно, что едва-ли правы тѣ, кто неудачу комиссіи приписываетъ самой Императрицѣ. Правда, что у нея очень быстро

прошло увлеченіе этимъ предпріятіемъ; быть можетъ, она отказалась отъ него въ виду слишкомъ серьезныхъ послѣдствій, какія могло имѣть оно въ будущемъ; важную роль могли сыграть въ этомъ случаѣ и внѣшнія затрудненія (турецкая война), а еще вѣроятно, что императрица, получивъ отъ депутатовъ свѣдѣнія о современномъ состояніи Россіи, ея нуждахъ и желаніяхъ, рѣшилась этимъ только и ограничиться и не связывать себя и своей дальнѣйшей дѣятельности проектами комиссіи. Но что она не пренебрегла этой драгоцѣнною сокровищницей совѣтовъ и свѣдѣній, видно изъ того, что многія изъ ея послѣдующихъ реформъ представляютъ прямое исполненіе желаній, выраженныхъ въ наказахъ; эти послѣдніе являются, такимъ образомъ, какъ-бы программой ея реформаторской дѣятельности, въ которой, впрочемъ, къ сожалѣнію, не были гармонически слиты интересы

всѣхъ тогдашнихъ сословій. Во всякомъ случаѣ, повторяемъ, и самая задача, предстоявшая комиссіи, была настолько сложна и трудна (въ особенности, въ дѣлѣ примиренія различныхъ общественныхъ интересовъ), что понадобилось-бы не мало времени, пока она была бы доведена до благополучнаго окончанія; представители разныхъ общественныхъ группъ и различныхъ мѣстностей, привезшіе въ Москву только сознаніе *своихъ сословныхъ* интересовъ, должны были бы не мало поработать надъ собою, пройти въ нѣкоторомъ родѣ форсированную политическую школу, чтобы путемъ взаимныхъ уступокъ, переговоровъ, уясненія истиннаго положенія вещей, прійти ко взаимному соглашенію и выработать законодательныя нормы, обезпечивающія возможность матеріальнаго, умственнаго и нравственнаго преуспѣянія для всего русскаго народа.

Разсмотрѣвъ содержаніе дворянскихъ и городскихъ наказовъ всѣхъ губерній, новѣйшій историкъ Екатерининской комиссіи проф. Латкинъ приходитъ къ заключенію, что они не возвышались надъ узкопонятыми сословными интересами, имѣли въ виду только эти послѣдніе и нисколько не заботились объ ихъ взаимномъ примиреніи. Выводъ этотъ сохраняетъ свою силу и по отношенію къ наказамъ отдѣльныхъ губерній и областей, хотя при болѣе детальномъ сравненіи ихъ между собою откроется нѣкоторая разница и въ этомъ отношеніи (т. е. въ отношеніи ихъ сословнаго характера). Но для того, чтобы уловить эти особенности, необходимо подвергнуть спеціальному анализу по крайней мѣрѣ наказы нѣкоторыхъ мѣстностей, попытаться объяснить ихъ мѣстными историческими условіями, дать къ нимъ живой реальный комментарий. Само собою разумѣется, что

этого не могъ сдѣлать проф. Латкинъ, который рѣшилъ дать въ своей книгѣ читателю общее понятіе обо всѣхъ наказахъ. Теперь же, разъ это сдѣлано, нужно болѣе детальное изученіе драгоцѣннаго матеріала, заключающагося въ наказахъ, и оно можетъ быть полезно въ двоякомъ отношеніи—съ одной стороны оно будетъ уяснять намъ внутренній смыслъ и значеніе Екатерининской комиссіи, а съ другой дастъ понятіе о внутренней, социально-экономической жизни въ к. XVIII в. всѣхъ областей Россіи. И такое изученіе уже начато по отношенію къ Малороссіи, Сибири и Слободской украинѣ. Настоящій очеркъ является продолженіемъ статьи, напечатанной 10 лѣтъ тому назадъ *).

---

*) Статья эта была посвящена выборамъ и дѣятельности харьковскихъ депутатовъ въ Москвѣ и напечатана въ журналѣ „Кіевская Старина“ („Къ исторіи Екатерининской комиссіи для составленія проекта новаго уложенія“, 1885, сентябрь). Настоящій очеркъ вызванъ появленіемъ въ печати подлинныхъ

II.

Не будемъ останавливаться на выборахъ депутатовъ, такъ какъ объ этомъ подробно разсказано въ нашей первой статьѣ. Напомнимъ только, что Харьковская губернія называлась тогда Слободско-Украинской и дѣлилась на 5 провинцій, соотвѣтствовавшихъ прежнимъ казачьимъ полкамъ, (Харь-

---

наказовъ харьковскаго дворянства, изданныхъ Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ въ 68-мъ томѣ его „Сборника“. Въ концѣ своей первой статьи я писалъ: „быть можетъ, наши свѣдѣнія и соображенія не лишними окажутся для будущаго историка Екатерининской комиссіи и онъ воспользуется ими для своего цѣльнаго и болѣе виднаго труда“. Съ удовольствіемъ могу теперь констатировать фактъ, что надежды мои оправдались. Въ 1887 году вышло обширное изслѣдованіе пр. доцента Петербургскаго университета В. Н. Латкина, посвященное спеціальному изученію законодательныхъ комиссій XVIII в. вообще и Екатерининской комиссіи въ частности. И оказывается, что авторъ его внесъ цѣликомъ въ свою книгу первую часть моей статьи, посвященную выборамъ депутатовъ, (особенно 6—14 стр.), перепечатавъ ее буквально, моими подлинными выраженіями, хотя и безъ кавычекъ.

ковскую, Ахтырскую, Изюмскую, Сумскую и Острогожскую); провинціи въ свою очередь дѣлились на комиссарства. Три сословія были призваны къ избранію депутатовъ—дворяне, горожане и такъ называемые войсковые обыватели, т. е. потомки прежнихъ Слободскихъ казаковъ; духовенство и крестьяне, къ сожалѣнію, не были привлечены къ дѣлу комиссіи. Во главѣ Слободско-Украинской губерніи стоялъ тогда Щербининъ, недавно передъ тѣмъ произведшій коренныя реформы въ Украинѣ, по желанію и порученію Императрицы: прежнее полковое устройство, соотвѣтствовавшее строю гетманской Малороссіи (только безъ центральной гетманской власти) было имъ уничтожено и вмѣсто него введено общее гражданское управленіе; вмѣсто прежнихъ казацкихъ полковъ были учреждены регулярные гусарскіе; палъ вообще весь прежній казацкій строй; радикально измѣнилось

и положеніе сословія: съ уничтоженіемъ казацкой службы, полковая старшина должна была сосредоточить свое вниманіе почти исключительно на землевладѣльческихъ интересахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ позаботиться о пріобрѣтеніи дворянскаго званія, такъ какъ оно одно теперь только давало привилегированное положеніе въ обществѣ и право владѣнія крѣпостными крестьянами. Правда, крестьяне въ Слободско-Украинской губ. тогда еще не были прикрѣплены къ землѣ—они пользовались правомъ вольнаго перехода; но превращеніе б. казацкой старшины въ русское дворянство открывало ей заманчивыя перспективы и въ этомъ отношеніи давало надежды на возможность уничтоженія этого вольнаго перехода и превращенія посполитыхъ въ крѣпостныхъ. И въ прежнее время существовалъ сильный антагонизмъ между старшиной и простыми казаками; но эти двѣ общественныя группы все та-

ки не представляли изъ себя двухъ различныхъ сословій: старшина не пользовалась наслѣдственностью своего званія; выборное начало еще дѣйствовало; переходъ изъ простыхъ казаковъ въ ряды старшины былъ вполне возможенъ; у казаковъ и старшины было не мало общихъ интересовъ: извѣстно, что многочисленныя привилегіи, которыми пользовались, на основаніи царскихъ жалованныхъ грамотъ, слободскіе полки, относились одинаково и къ старшинѣ, и къ рядовому казачеству (льготы по части заимки земель, свобода винокуренія и разныхъ другихъ промысловъ). Теперь обстоятельства измѣнились: бывшая казацкая старшина стремится превратиться въ дворянство, т. е. въ особое замкнутое сословіе; старается отгородиться прочною стѣною отъ своихъ прежнихъ соратниковъ въ походахъ; эти же послѣдніе превращаются исключительно въ мелкихъ земледѣльцевъ; антаго-

низмъ между ними и помѣстными владѣльцами чрезвычайно усиливается; общихъ интересовъ у тѣхъ и другихъ теперь уже не существуетъ; одни возвышаются до верхней ступеньки социальной лѣстницы; другіе спускаются на нижнюю. Что касается городского сословія, то его, въ собственномъ смыслѣ этого слова, не существовало, ибо главнымъ контингентомъ въ составѣ городскихъ жителей являются тѣ же войсковые обыватели и небольшое количество мѣщанъ и купцовъ. Таково было въ общихъ чертахъ положеніе и взаимное отношеніе трехъ сословныхъ группъ, которыя были призваны высказать въ Екатерининской комиссіи свои общественныя нужды и желанія. Въ дѣлѣ выборовъ дворяне съ горожанами были поставлены въ болѣе привилегированное положеніе, чѣмъ войсковые обыватели: первые непосредственно избирали депутатовъ, послѣдніе же предварительно выбирали уполномо-

ныхъ и только эти послѣдніе уже участвовали непосредственно въ выборахъ депутата, при томъ каждая группа представлена была одинаковымъ количествомъ депутатовъ—именно пятью (по числу провинцій), хотя число избирателей въ каждой изъ нихъ было далеко не одинаковое. При выборѣ дворянскихъ депутатовъ прежде всего нужно было выяснитъ вопросъ, кто могъ пользоваться избирательными правами. Дѣло въ томъ, что настоящаго дворянства, въ томъ смыслѣ, какъ его понимало русское законодательство, въ Слободско-Украинской губерніи совсѣмъ почти не было. Такимъ званіемъ пользовалось только небольшое число пришлыхъ великорусскихъ и иностранныхъ помѣщиковъ, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, получившихъ здѣсь земли или путемъ пожалованія, за свои службы, или благодаря женитьбѣ на дочеряхъ мѣстной казацкой старшины, или путемъ купли.

Что же касается мѣстныхъ привилегированныхъ фамилій, то почти всѣ онѣ вышли изъ рядовъ бывшей казацкой старшины; большая часть ея представителей была теперь въ отставку и только нѣкоторые поступили на службу во вновь сформированные регулярные полки. Вопросъ о дворянствѣ старшинскаго сословія въ Слободской Украинѣ еще не былъ рѣшенъ—это было дѣло будущаго—но онъ какъ бы самъ собою предрѣшался самимъ фактомъ выборовъ. Право участія въ дворянскихъ выборахъ получили не только настоящіе дворяне, а и бывшая казацкая старшина. Мы имѣемъ полный списокъ всѣхъ дворянскихъ избирателей и рассмотрение его позволяетъ намъ сдѣлать нѣсколько любопытныхъ заключеній. Всѣхъ ихъ оказалось 588 душъ (126 чел. въ харьковской провинціи, 138 въ ахтырской, 91 въ сумской, 163 въ изюмской и 70 въ острогожской).

Тутъ мы находимъ отставныхъ казацкихъ старшинъ—б. полковниковъ, судей, обозныхъ есауловъ, хорунжихъ, сотниковъ, подпрапорныхъ, старшинскихъ сыновей, писарей, б. канцеляристовъ и т. п.; отставныхъ и служащихъ военныхъ—генераловъ, бригадировъ, полковниковъ, подполковниковъ секундмайоровъ, майоровъ, капитановъ, ротмистровъ, подпоручиковъ, прапорщиковъ, капраловъ, вахмистровъ и гвардейскихъ солдатъ; гражданскихъ чиновниковъ—дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ, коллежскихъ ассессоровъ, титулярныхъ совѣтниковъ, коллежскихъ регистраторовъ—въ разныхъ должностяхъ; бывшихъ малороссійскихъ старшинъ разнаго званія (напримѣръ, бунчуковыхъ товарищей); есть одинъ крупный землевладѣлецъ—протоіерей; попадаются титулованныя лица—князья, графы, обладающіе значительнымъ количествомъ подданныхъ, а рядомъ съ ними разночинцы

вовсе не владѣющіе этими послѣдними; но наиболѣе крупными собственниками оказываются все-таки въ массѣ представители б. мѣстной казацкой старшины, занимавшіе нѣкогда полковничьи и другіе уряды и приобрѣвшіе путемъ займокъ и скупки огромныя помѣстья; въ списокѣ избирателей стоятъ монастыри, а также тѣ женщины, въ рукахъ которыхъ сосредоточено было владѣніе помѣстьями; и такихъ женщинъ (вдовъ) оказалось значительное количество. Чтобы дать понятіе о личномъ составѣ тогдашняго харьковскаго дворянства, мы помѣщаемъ въ примѣчаніи перечень тѣхъ, кому принадлежало болѣе сотни подданныхъ или крестьянъ. *)

---

*) Въ Харьковской провинці такими крупными собственниками были: подпрапорный Романъ Картавой (въ с. Салтовѣ) съ 338 подданныхъ и 5 кр., отставной секундъ-майоръ Николай Логачевъ съ 392 под., полк. есауль Иванъ Ковалевскій съ 282 под., отставной поручикъ Павелъ Ковалевскій со 144 под., отставной судья Никита Ковалевскій съ 254

Этотъ списокъ даетъ прекрасное понятіе о его составѣ и имущественномъ цензѣ. Мы видимъ здѣсь нѣсколько родовитыхъ великорусскихъ дворянъ,

---

под., подпрапорный Семень Ковалевскій съ 149 под., адъютантъ Петръ Ольховскій съ 309 под. и 2 кр., адъютантъ гус. полка Константинъ Ковалевскій съ 246 под., отставной поручикъ Алексѣй Авксентьевъ со 133 кр. и 9 под., поручикъ и комиссаръ Павелъ Чернякъ со 167 кр. и 14 под., ген. аншефъ гр. Иванъ Симоновичъ Гендриковъ съ 1206 под., бригадирша Капнистова со 178 под., полковница фонъ-Диглеръ съ 380 под. и 7 кр., полк. Матвѣй Куликовскій съ 1015 под., полк. квартирмейстеръ и подпрапорный Яковъ и Антонъ Бородаевскіе со 171 под., сотникъ Василиій Авксентьевъ со 127 под., вдова есаула Карпова со 144 под., вдова подполковница Марія Полтева со 160 под. и 8 кр. майорша Шидловская съ 1325 под. и 133 кр., ген. аншефъ гр. Петръ Антоновичъ Девьеръ съ 286 под., супруга ген. пор. княгиня Софья Богдановна Кантемирова съ 643 под. и 50 кр., вдова д. стат. сов. Прасковья Спичинская съ 2131 под. и 67 кр., ген.-майоръ кн. Евдокимъ Килдяшевъ со 193 под., полковница Прасковья Квиткина съ 277 под., отставной сек. майоръ Петръ Щербининъ съ 1858 под., отставной сек. м. Александръ Дунинъ съ 285 под., отставной капит. Иванъ Земборскій со 118 под., поруч. Яковъ Квитка со 147 под., прапорщикъ Григорій Квитка со 122 под. и 6 кр., полко-

небольшое количество военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ русскаго и отчасти иностраннаго происхожденія (нѣмецкой и волошской націи), а главное

вой писарь Иванъ Романовскій со 117 под.,
вдова сотника Христина Голуховичъ со 156 под.,
подпрапорный Иванъ Квитка со 175 под.,
подпрапорный Григорій Квитка со 170 под.
Въ Изюмской провинціи болѣе ста душъ имѣли: отст. ген.-м. Георгій Мейеръ 346 под. и 12 кр.,
отст. майоръ Иванъ Зарудневъ 854 под. и 34 кр.,
отст. м. Федоръ Кириловъ 143 под.,
отст. поруч. Василій Шидловскій 340 под. и 30 кр.,
отст. пор. Яковъ Данилевскій 622 под.,
отст. пор. Илья Андреевъ 169 под.,
отст. прап. Георгій Скерлетъ 104 под.,
вахмистръ Илья Мечниковъ 206 под. и 43 кр.,
пор. Елисей Лисаневичъ 147 под.,
пор. Осипъ Сошальскій съ братьями—отставнымъ сотникомъ Иваномъ,
отст. подпрапорнымъ Георгіемъ и вахмистромъ Алексѣемъ—605 под.,
пор. Георгій Капустянскій 198 под. и 2 кр.,
пор. Дмитрій Купчиковъ 111 под. и 5 крестьянъ,
вахмистръ Василій Зайцовъ 142 под.,
капраль Григорій Богуславскій 164 под.,
секретарь Слоб.-Укр. губ. канцеляріи (бывш. полк. писарь) Александръ Любицкій 106 под.,
ротмистръ въ должности комиссара Корнилій Капустянскій 200 под. и 2 кр.,
сотникъ Алексѣй Быстрицкій 196 под.,
сот. Федоръ Симборскій 115 под.,
полк. судья Иванъ Капустянскій 200 под.,
б. полк. хорунжіи Степанъ Адамовъ 241 под.,
отст. ротмистръ Захарій

ядро составляют туземныя украинскія фамиліи, представители которыхъ не занимаютъ видныхъ должностей, не имѣютъ большихъ чиновъ, иногда со-

Горожанъ 169 под., б. сотникъ Иванъ Пештичъ 146 под. и 2 кр., б. сотн. Александръ Сошалъскій 227 под., б. сот. Денисъ Кунчиковъ 104 под., вдова б. бригадира Слоб. полковъ Ефимья Банческулъ 418 под. и 31 кр., вдова полк. Ивана Мерескула 180 под., вдова подполк. Ѳедора Капустянскаго Софія 242 под. и 9 кр., вдова вахмистра Андрея Пештича Іуліанія 101 под., вдова б. полковника Ѳед. Краснокутскаго Параскевія 1253 под. и 51 кр., Михаила Милорадовича Анна 187 под. и 1 кр., бригадиръ Илья Булацель 139 под. и 66 кр., полк. Матвѣй Куликовскій 242 под., подпрапорный Романъ Картавой 253 под., вдова. майора Романа Шидловскаго Екатерина 747 под. вдова полк. Михаила Захаржевскаго Настасія 2614 под. Въ Ахтырской провинціи: сек. майоръ Степанъ Левицкій 297 под. и 3 кр. ротмистръ Аванасій Карповъ 187 под. и 3 кр., б. полк. судья Иванъ Карповъ 327 под., вдовствующая майорша Анна Надаржинская 1355 под., отст. подпрап. Михайло Надаржинскій 184 под., отст. сек. м. Ефимъ Зварыкинъ 302 под., жена бунчуковаго товарища Анна Миклашевская 479 под. и 3 кр., отст. коллежскій комиссаръ Михаилъ Нахимовъ 338 под., ген. м. Подгоричани 642 под., прап. Максимъ Павловъ 229 под., отст. прап. Иванъ Боярскій

стоятъ даже въ отставку, а между тѣмъ многіе изъ нихъ владѣютъ огромнымъ количествомъ подданныхъ; таковы Шидловскіе, Куликовскіе, Кон-

334 под. и 3 кр., вдова отст. поруч. Евдокія Осипова 791 под., прап. Иванъ Огроновичъ 177 под., гвард. подпрапорщикъ Петръ Коновницынъ 905 под. и 4 кр., б. полк. обозный, исправляющій должность воеводскаго товарища въ ахт. провинц. канц. Василій Боярскій 102 под., вдова б. полк. Анастасія Лесевицкая 571 под. и 10 кр., вдова ротмистра Ульяна Лесевицкая 287 под., отст. подполк. Иванъ Верещатинъ 278 под. и 2 кр., премьеръ майоръ Андрей Хрущовъ 449 под. и 18 кр., отставной пор. Алексѣй Хрущовъ 360 под. и 22 кр., отст. пр. м. Николай Абаза 809 под. и 6 кр., отст. кап. Андрей Смаковскій 182 под., б. сотники малор. Гад. полка Юліанъ и Левъ Быковскіе 156 под., бунч. товар. Корнилій Кобеляцкій 334 под. *Въ Сумской провинціи:* отст. стат. сов. Яковъ Шубскій 176 под., отст. полков. Степанъ Кондратьевъ 5958 под., отст. сек. м. Александръ Анненковъ; за его женою Анастасіей съ сестрами и братомъ Оаддѣемъ 5071 под., отст. ротмистръ Андрей Савичъ 709 под., отстав. сотникъ Василій Савичъ 1631 под., отст. судья Иванъ Рубановъ 150 под., вдова полковница Настасья Захаржевская и ея сыновья 527 под., майорша Настасья Кондратьева съ сыномъ Романомъ 532 под., отст. пор. Андрей Кондратьевъ 273 под., б. сотникъ Иванъ Кондратьевъ 150 под.,

дятьевы, Довцы-Захаржевскіе, Квитки, Сошальскіе, Краснокутскіе, Надаржинскіе, Лесевицкіе, Осиповы, Савичи, Данилевскіе, Ковалевскіе и др.; нѣ-

---

бунч. тов. Иванъ Лизогубъ 708 под., от. кап. Николай Антоновъ 156 под., от. есаулъ Яковъ Подлесной 264 под., от. ес. Федоръ Алферовъ 567 под., отст. сотн. Василій Подлесной 111 под. подпр. Павелъ Кондратьевъ и мать его 227 под., надв. сов. Федоръ Юдинъ 196 под., бунч. тов. Василій Лизогубъ 149 под., пор. Иванъ Кужоль Яснопольскій 622 под., пор. Петръ Кужоль—Яснопольскій 510 под., прап. Иванъ Подольскій 167 под., кол. рег. Василій Курской 125 под., от. ес. Иванъ Давыдовъ 235 под., подпр. Григорій Давыдовъ 444 под., вдова сотника Евдокія Романова 289 под., ст. сов. Никита Бестужевъ 472 под., полк. графъ Семенъ Фонъ-Волькенштейнъ 652 под., от. сек. м. Иванъ Буровъ 510 под., от. полк. обозный Сергѣй Савиновъ 140 под., от. ес. Данило Глуховцовъ 235 под. от. пор. Иванъ Апостоль Кигичъ 162 под., от. пор. Иванъ Романовъ 202 под., от. пор. Василій Ямпольскій 255 под., от. подпр. Андрей Кондратьевъ 198 под., от. подпр. Степанъ Апостоль Кигичъ 116 под., помѣщикъ Михаилъ Апостоль Кигичъ 111 под., бунч. тов. Василій Полуботовъ 1523 под., вахмистръ Иванъ Красковскій 272 под., от. судья Иванъ Пустовойтовъ 262 под., б.-сот. Василій Романовъ 244 под., б. подпр. Данило Штецинъ 170 под., ген. лейт. Яковъ Аршеневскій 126 под., ген.

которые породнились съ захожимъ русскимъ дворянствомъ, которое такимъ путемъ (а частію пожалованіемъ) приобрѣло значительныя имѣнія въ Слободско-Украинской губерніи; таковы Щербинины, Хрущовы, Подгоричани, Анненковы и др.

За перечисленными нами лицами, составлявшими верхній слой харьковскаго дворянства, такъ сказать, аристократію его, шла масса мелкопомѣст-

---

аншефъ дѣйств. камергеръ Александръ Михайловичъ Голицинъ 4514 под., духовникъ Ев. Имп. Вел. и протоіерей Моск. Благовѣщенскаго собора Ѳедоръ Дубянский 1792 под., д. тайный сов. сенаторъ князь Яковъ Шаховской 100 под., полк. Ѳедоръ Полозовъ 259 под., кн. Николай Алексѣевичъ Шаховской 797 под. *Въ Острогожской провинціи:* бриг. Степанъ Тевяшовъ 2657 под. и 60 кр., полк. Степанъ Тевяшовъ 4256 под. и 40 кр., полк. Василій Бедряга 108 под., судья Ѳедоръ Татарчуковъ 961 под., пор. Тихонъ Лисаневичъ 247 под., капралъ Алексѣй Ершевскій 847 под., пор. Иванъ Москаленковъ 109 под., б. полк. писарь Иванъ Тимошенкоу 174 под., рот. Мина Сиверскій 208 под., подпр. Андрей Куликовскій 376 под. сек. м. Иванъ Лисаневичъ 325 под. (Мои „Матеріалы“, I, стр. 328—341.)

ныхъ владѣльцевъ, у которыхъ подчасъ вовсе не было ни крестьянъ, ни подданныхъ. *) Въ общемъ, слѣдовательно, какъ мы видимъ, харьковское дворянство было по происхожденію своему очень демократично. Только немногіе дѣйствительно могли вести свой родъ отъ западно-русскаго гербоваго дворянства, да и то едва-ли съумѣли бы доказать посредствомъ документовъ свое родство съ заднѣпровскими шляхетными предками. Гораздо дѣйствительнѣе могла быть ихъ ссылка на военныя заслуги ихъ и ихъ предковъ въ качествѣ выдающихся представителей бывшей Слободско-Украинской старшины. И здѣсь, на этой почвѣ, интересы ихъ были тождественны съ интересами остальной массы избира-

---

*) Нужно отличать крестьянъ отъ „подданныхъ“, первые—это крѣпостные великорусскаго происхожденія; вторые — малорусскіе сельскіе обыватели, жившіе на владѣльческихъ земляхъ и отбывавшіе въ пользу ихъ извѣстныя повинности, но пользовавшіеся еще пока правомъ вольнаго перехода.

телей, желавшей, подобно имъ, получить російское дворянство.

Къ выборамъ харьковское дворянство отнеслось, повидимому, съ достаточнымъ интересомъ; по крайней мѣрѣ объ этомъ свидѣтельствуется цифра съѣхавшихся въ Харьковъ избирателей: туда явилось 60% (52 изъ 87*) чел.; не явилось 35). Въ числѣ

*) Въ первоначальномъ спискѣ харьковскихъ дворянъ числилось 126 чел., но нѣкоторые изъ нихъ, вѣроятно, были почему либо исключены, такъ что въ концѣ концовъ осталось 87 душъ; не вошли, нужно думать, и избиратели отъ монастырей, владѣвшихъ значительнымъ числомъ подданныхъ; трудно объяснить себѣ отсутствіе на челобитьяхъ подписей именитыхъ, титулованныхъ особъ; неужели онѣ не принимали участія въ составленіи наказовъ? И если да, то по какой причинѣ? Г-жи Кантемиръ и Дунинова также пріѣхали на выборы въ Харьковъ, а между тѣмъ мы не находимъ ихъ фамилій подъ наказомъ и челобитьемъ дворянъ Харьковской провинціи. Впрочемъ наказъ и челобитную подписало всего 34 чел. (а пріѣхало на выборы 52); подъ наказомъ и челобитной Сумской провинціи было 32 подписи; Острогожской—40; подъ наказомъ Изюмской—17, а подъ двумя челобитными—52, подъ остальными подписались тѣ же, что и подъ наказомъ съ небольшимъ

пріѣхавшихъ были такія видныя пер-
соны, какъ графъ Гендриковъ, графъ
ген.-аншефъ Девьеръ, княгиня Софья
Кантемиръ, г-жа Дунинова, но, кажет-
ся, впрочемъ, что участія въ соста-
вленіи наказа эти лица не принимали.
Результатомъ совмѣстнаго обсужде-
нія избирателей и явились подлежа-
щія нашему разсмотрѣнію челобитья
харьковскихъ, изюмскихъ, сумскихъ,
ахтырскихъ и острогожскихъ дворянъ
и старшинъ; харьковское дворянство
избрало своимъ депутатомъ бывшего
полковника Харьковскаго слободскаго
полка Матвѣя *Куликовскаго*, сумское—
отст.-пор. Андрея *Кондратьева*, ах-
тырское—б. полковаго обознаго Васи-
лія *Боярскаго*, изюмское—отст. сек. м.
Заруднева, острогожское—б. острогож-
скаго полковника Степана *Тевяшова*.
Четыре депутата принадлежали къ
прибавленіемъ лицъ, скрѣпившихъ челобит-
ныя. Среди подписавшихся мы не находимъ
ни одного титулованнаго лица, ни одной жен-
щины.

наиболѣе выдающимся мѣстнымъ фамиліямъ, а три изъ нихъ играли самую видную роль въ упраздненномъ теперь казацкомъ урядѣ; и только одинъ Зарудневъ вышелъ изъ среды русской регулярной арміи (если только впрочемъ и онъ раньше не состоялъ въ рядахъ казацкой старшины— къ сожалѣнію объ этомъ мы ничего не знаемъ). Уже одинъ этотъ выборъ свидѣтельствуетъ о томъ, что главную силу среди избирателей имѣло не настоящее дворянство, которое, какъ мы видѣли, даже не явилось на выборы, а б. казацкая старшина, выдвинувшая теперь своихъ кандидатовъ и давшая тонъ и направленіе составленнымъ здѣсь депутатскимъ инструкціямъ.

Но спрашивается: подвергся ли напечатанный теперь текстъ наказовъ какимъ нибудь цензурнымъ урѣзкамъ и ограниченіямъ со стороны тогдашней администраціи, или онъ вполне соотвѣт-

ствуется первоначальному? Этот вопрос необходимо задать себѣ, потому что намъ извѣстны случаи подобныхъ измѣненій; мы знаемъ, на примѣръ, что такое veto наложилъ на нѣкоторые пункты малороссійскихъ наказовъ тогдашній генераль губернаторъ Малороссиі извѣстный гр. П. А. Румянцевъ — Задунайскій. Мало того: подобную же мѣру примѣнилъ къ наказамъ слободско-украинскихъ горожанъ и войсковыхъ обывателей Харьковскій губернаторъ Щербининъ. Произведенная имъ коренная реформа прежняго строя вызвала реакцію въ разныхъ слояхъ мѣстнаго общества, въ томъ числѣ и среди старшинъ. Но въ данномъ случаѣ никакой реакціи съ ихъ стороны не было; по крайней мѣры мы не нашли на нее никакихъ указаній въ бывшемъ въ нашихъ рукахъ „дѣлѣ о выборѣ депутатовъ“; и можно думать, что и текстъ наказовъ сохранился въ полной неприкосновенности. Бывшая стар-

шина, очевидно, убѣдилась въ томъ, что возвращеніе прежняго строя невозможно—правительство считаетъ его несоотвѣтствующимъ духу и потребностямъ времени—и рѣшилась съ одной стороны закрѣпить за собою все, что возможно было изъ старины, а съ другой воспользоваться этой реформой, чтобы выхлопотать себѣ нѣкоторыя новыя права и преимущества. И того и другого она рассчитывала достигнуть на почвѣ лояльности, ярко выраженнаго патріотизма и полного сочувствія къ реформѣ, только что введенной императрицей въ Слободско-Украинской губерніи. Такое нѣсколько искусственное соединеніе старыхъ и новыхъ тенденцій нашло себѣ прямое выраженіе и въ наказахъ: въ нихъ видно и стремленіе сохранить старину, и готовность идти на встрѣчу новымъ началамъ, проводимымъ правительствомъ и проникнутымъ духомъ централизаціи и государственнаго единства. Впрочемъ едва

ли въ этомъ послѣднемъ случаѣ имѣло мѣсто ясное сознаніе превосходства новыхъ порядковъ надъ старыми формами жизни—это, очевидно было только приспособленіе къ „новинѣ“, основанное на желаніи сохранить льготы и преимущества, развившіяся и выросшія въ старыхъ условіяхъ жизни; даже „новшества“ челобитныхъ, какъ увидимъ далѣе, имѣютъ корни въ той же старинѣ и являются попытками осуществленія старыхъ сословныхъ идеаловъ.

III.

Обращаясь къ содержанію наказовъ, мы прежде всего замѣчаемъ въ нихъ одну общую статью, одно общее желаніе—чтобы всѣ привиллегіи старшинъ, предоставленныя имъ царскими жалованными грамотами, вновь теперь были подтверждены и внесены въ проектируемое уложеніе. Дворянство Харьковской провинці прямо просило го-

сударыню, чтобы „жалованныя ему привиллегіи въ предслѣдующія времена вѣчно особливою Всевысочайшею и Всемилостивѣйшею грамотою Е. И. Величество пожаловавъ *утвердила въ законъ*“ ¹⁾). Еще подробнѣе объ этомъ распространяется дворянство Острогжской провинціи (т. е. старшины бывшаго Острогжскаго Слободскаго полка). Они просятъ, чтобы Высочайшимъ указомъ повелѣно было подтвердить всѣ прежнія грамоты и привиллегіи б.-Острогжскаго полка, съ утвержденіемъ благоустроеній, происшедшихъ въ настоящее благополучное царствованіе и со включеніемъ и всѣхъ тѣхъ челобитенъ, которыя теперь приносятся, если онѣ заслужать одобренія. „А для совершеннаго свѣдѣнія, прибавляютъ далѣе челобитчики, каждому судному

---

¹⁾ Сборникъ Имп. Рус. Истор. общ. т. 68, стр. 263; см. также стр. 277, 304, 306.

мѣсту, на какомъ основаніи мы, низайшіе, съ давнихъ временъ состоимъ и въ потомственные роды остаться имѣемъ, Всемилостивѣйше повелѣтъ внести въ новосочиняемое уложеніе“. Все это заканчивается слѣдующимъ заключеніемъ: „сіе Вашего Имп. Вел. сколь неизреченное милосердіе, столь и благовиднѣйшее премудрое основаніе на будущіе вѣки ко всеобщему ненарушимо благоденствію онаго народа пребудетъ навсегда незабвенною памятью, такъ что и потомки наши сіе счастливѣйшее время обязаны считать за первую эпоху совершеннаго нами обитанія въ оныхъ мѣстахъ и за толь златой вѣкъ нашей жизни, въ которой просвѣщеніе и блаженство совокупно В. Имп. Величествомъ на высочайшую степень въ семъ народѣ поставлены¹⁾“. Депутаты должны были въ самой комиссіи

---

1) Ibidem, 291 — 292.

отстаивать привилегіи своихъ избирателей или, какъ выражается остроужскій наказъ, настаивать „сколько благопристойность дозволить, въ удержаніи права общества въ его потребностяхъ и истинныхъ пользахъ“; они могли это сдѣлать, такъ какъ хорошо знали его состояніе и нужды¹⁾; дворяне Харьковской провинціи твердо надѣялись на своего депутата, такъ какъ онъ былъ мѣстнымъ „патріотомъ“ и хорошо зналъ всѣ мѣстныя обстоятельства.²⁾“

Но полагая въ основаніе своихъ желаній старинныя жалованныя грамоты, дворяне старались при этомъ поставить на видъ, что они вполне сочувствуютъ только что произведенной реформѣ, хотя она уничтожила основу привилегій, заключавшихся въ

---

1) Ibidem, стр. 285.

2) Ibidem, стр. 261.

этихъ громахъ—ихъ прежнее самоуправленіе. Любопытно, что краснорѣчивѣе всѣхъ объ этомъ говорятъ острогожскіе старшины, которые, какъ мы видѣли, болѣе всѣхъ ратовали и за сохраненіе старыхъ привиллегій. Они просятъ, чтобы тѣмъ казацкимъ старшинамъ, которые вышли въ отставку, не вступивъ въ армейскую службу, были присвоены офицерскіе чины. Вотъ какъ они говорятъ объ этомъ своимъ нѣсколько темнымъ и риторическимъ стилемъ: „Высокомонаршее и матернее В. И. В. милосердіе, провозглашенное и обнародованное чрезъ манифестъ В. И. В. отъ 28 іюля 1765 г. о возстановленіи насъ, всеподданнѣйшихъ рабовъ В. И. В., изъ казацкаго слободскихъ полковъ безгласно закоснѣлаго рода начальства, именуемаго полковыхъ и сотенныхъ старшинъ, на нынѣшній не мало изящнѣйшій степень отъ армии В. И. В. въ штабъ и оберъ офицерскіе

ранги, толико обществу нашему есть чувствительно, что и тѣмъ собратія наши до сего В. И. В. полезнѣйшаго для насъ благоустроенія, служа въ Слободскихъ полкахъ полковыми и сотенными старшинами и по древнимъ лѣтамъ своимъ, другіе же за болѣзнями отпущены въ отставку съ награжденіемъ старшинскихъ же чиновъ, нынѣ, видя преподающееся толь изобильно ко всѣмъ В. И. В. поданнымъ Высочайшее благоволеніе съ достодожнымъ благоговѣніемъ прибѣгаютъ къ матернимъ щедротамъ В. И. В. со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ, дабы они участниками быть сподобились того достоинства, кои осчастливлены прочіе изъ насъ въ переименованіи казацкихъ ихъ старшинскихъ армейскими чинами, для счисленія потомковъ ихъ при вступленіи въ службу не старшинскими уже, но офицерскими дѣтьми“¹⁾). Кромѣ острогож-

1) Ibidem, I, стр. 288.

скихъ дворянъ касаются еще реформы, но очень кратко, и харьковскіе и изюмскіе ¹⁾). Предпочтеніе, оказываемое армейскимъ чинамъ надъ казацкими, объясняется, конечно, тѣмъ, что первые давали дворянское достоинство, которое такъ настойчиво теперь стремились получить б. казацкіе старшины.

Вопросъ о *дворянствѣ* занимаетъ видное мѣсто въ наказахъ. Это былъ, такъ сказать, спеціальный вопросъ малороссійскихъ и слободско-украинскихъ старшинъ; великорусское дворянство ходатайствовало о расширеніи своихъ сословныхъ правъ; малорусское же еще должно было просить о включеніи его въ ряды русскаго дворянства вообще, и однимъ изъ самихъ простыхъ средствъ было переименованіе б. казацкихъ старшинъ въ армейскіе и, прибавимъ отъ себя, гражданскіе чины петров-

---

¹⁾ Ibidem, стр. 263—306.

ской табели о рангахъ. Впослѣдствіи такимъ именно путемъ малороссійская и слободско-украинская старшина дѣйствительно превратилась въ россійское дворянство. И такъ какъ въ основаніи табели о рангахъ лежала *служба*, заслуги лица на военномъ или гражданскомъ поприщѣ, то естественно, что и б. старшины Слободскихъ полковъ ссылаются, въ подтвержденіе своихъ правъ на дворянство, на свои военныя доблести, на полезную для русскаго государства службу своихъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ. Въ сущности одной этой ссылки было бы достаточно—и она кромѣ того вполне бы соотвѣтствовала исторической дѣйствительности. Но для вѣщей убѣдительности бывшіе старшины отмѣчаютъ еще одно обстоятельство, которое является уже исторической фикціей и, если существовало въ живой дѣйствительности, то рѣдко и во всякомъ случаѣ не имѣло того

общаго характера, какой ему приписуется;—они утверждаютъ, что сословіе казацкихъ Слободскихъ старшинъ образовалось изъ иностранныхъ выходцевъ шляхетскаго происхожденія. „Въ начальное Слободскихъ полковъ поселеніе, говорятъ б. острогожскіе старшины, между выходимыми иностранными народами находились разныхъ націй шляхтичи, кои и опредѣляемы были въ здѣшнемъ народѣ въ разные чины съ дозволеніемъ пользоваться преимуществами во владѣніи земель и другихъ угодьевъ, неотъемлемо оставшихся и при ихъ потомкахъ. А какъ продолженіе времени ко отличенію ихъ отъ другихъ способствовало, тѣмъ паче, что по превосходству имѣнія, отцы за возможность и домъ почитали отмѣнно содержать и воспитывать дѣтей своихъ, а сіи, тщась службами и честнымъ поведеніемъ сохранить достояніе отцовъ своихъ, происходили въ чины, то въ здѣш-

немъ краю составился особый сортъ фамилій, съ коихъ происшедшіе удостоиваны чинами полковой и сотенной старшины. Хотя по обстоятельству твамъ бывшей нерегулярной службы никто изъ старшинъ не старался о различеніи своего отъ другихъ состоянія такъ, чтобы оное служило основаніемъ ко удержанію впредь извѣстности о ихъ природѣ, сіе однако не препятствовало старшинъ издавна признавать шляхтичами“, неопровержимымъ доказательствомъ чего является выраженіе въ инструкціи, данной Петромъ Вел. въ 1722 г. Бѣлгородскому воеводѣ Лачинову, гдѣ сказано: въ слободскихъ полкахъ вышнее и нижнее шляхетство содержать по государственнымъ уставамъ и даннымъ привилегіямъ. Такъ же точно, когда при имп. Аннѣ Іоанновнѣ былъ учрежденъ регулярный полкъ, то старшинъ, вступившихъ въ него, переименовали въ штабъ и оберъ-

офицеры, дѣти же старшинъ, оставшихся въ нерегулярной службѣ, въ отличіе отъ простыхъ казаковъ, при поступленіи въ войско, прямо получали чинъ подпрапорныхъ и теперь, при обращеніи казацкихъ полковъ въ регулярные гусарскіе Высочайше повелѣно на должность губернаторскихъ и воеводскихъ товарищей назначать лицъ, принадлежащихъ старшинскому сословію, давая имъ соотвѣтственные гражданскіе чины и также жаловать штабъ и оберъ офицерскими чинами тѣхъ изъ нихъ, которые вступили въ новые регулярные полки или даже пожелали выйти въ отставку. Все это возвело насъ, прибавляютъ челобитчики, на степень благородныхъ, съ тѣмъ только различіемъ, что мы не занесены въ герольдію и не имѣемъ подлежащихъ дипломовъ. А такъ какъ премудрый монархъ Петръ Великій издалъ законъ о дарованіи дворянства всѣмъ

оберъ офицерамъ и ихъ дѣтямъ, то и мы, всеподданнѣйшіе, рабски просимъ осчастливить насъ пожалованіемъ потомственнаго дворянскаго достоинства всѣмъ нынѣшнимъ старшинамъ и тѣмъ подпрапорнымъ, коихъ дѣды служили въ старшинскихъ чинахъ съ наименованіемъ шляхтичами Слободской украинской губерніи со включеніемъ въ герольдію и съ выдачей надлежащихъ дипломовъ и гербовъ“.¹⁾)

Приведенное нами мѣсто изъ остро-гожской челобитной чрезвычайно важно и любопытно: оно заключаетъ въ себѣ исторію происхожденія слободско-украинскаго шляхетства, какъ ее представляли себѣ сами-же старшины.

И въ общемъ эта исторія изложена вѣрно, за исключеніемъ только перваго основнаго исходнаго пункта, который, какъ мы уже замѣтили выше, является исторической фикціей и требуетъ во всякомъ случаѣ сильнаго ограни-

¹⁾ Ibidem, стр. 298—300.

ченія. Въ составъ полковой и сотенной старшины вошли не только выходцы шляхетскаго происхожденія, а и лица, не принадлежавшія у себя дома, въ Заднѣпровской украинѣ, Бѣлоруссіи и Лѣвобережной Малороссіи, къ дворянскому сословію. Нѣкоторыя изъ нихъ выдвинулись изъ рядовъ казачества и получили старшинскіе уряды еще на родинѣ; другія добились этого положенія своею службою уже въ Слободской украинѣ. Шляхетское званіе не было обязательно уже потому, что старшинскаго уряда можно было достигъ казацкою службою, не говоря о томъ, что идея привилегированнаго шляхетства стояла въ противорѣчій съ тѣмъ выборнымъ началомъ, которое господствовало въ Слободскихъ полкахъ, особенно въ первое время ихъ существованія. На первыхъ порахъ привилегированнымъ сословіемъ было здѣсь вообще казачество, доминировавшее надъ

мѣщанствомъ и посольствомъ; въ немъ еще не было рѣзкаго разграниченія между старшинами и простыми казаками; это послѣднее создано постепенно и исторію его прекрасно рассказали намъ острогожскіе старшины. Рѣшительнымъ моментомъ въ этой исторіи нужно признать изданіе указа о предоставленіи старшинскимъ дѣтямъ должностей подпрапорныхъ; этимъ было положено начало наслѣдственности старшинскаго званія, *юридической привилегіи* слободскихъ урядниковъ, которой, конечно, предшествовало ихъ фактическое выдѣленіе изъ общей и дотолѣ все таки довольно однообразной въ правовомъ отношеніи массы казачества. Затѣмъ кромѣ этой существенной ошибки острогожскіе старшины допускаютъ еще въ своей челобитной и другую неточность: они говорятъ (если мы только правильно понимаемъ смыслъ этого мѣста), что и старшины, выхо-

дившіе въ отставку, получали штабъ и оберъ офицерскіе чины. Но это въ дѣйствительности служило еще только предметомъ желаній и просьбъ. Масса б. старшинъ, не пожелавшихъ вступить въ регулярную службу, должна была выйти въ отставку со своими казацкими, а не армейскими чинами.

Изюмскіе старшины доказываютъ свое право на дворянство почти такими же аргументами, какъ и острожскіе: они ссылаются на шляхетское достоинство своихъ предковъ, переселившихся въ Слободскую Украину, но потерявшихъ свои дворянскія грамоты частію еще въ Польшѣ, а частію на новыхъ мѣстахъ жительства, благодаря безпрестаннымъ татарскимъ набѣгамъ, пожарамъ, моровымъ повѣтріямъ и т. п.; съ другой стороны, понимая, что глухая ссылка на дворянство безъ всякихъ документальныхъ доказательствъ совершенно недостаточна, потому что ее могъ сдѣлать и

простой казакъ, дослужившійся до старшинскаго ранга, они указываютъ на свою вѣрную службу въ б. слободскихъ полкахъ, прибавляя, что и россійское дворянство пріобрѣло свое званіе такимъ же путемъ и по милости монарховъ. Въ заключеніе они просятъ о сравненіи ихъ съ иностраннымъ лифляндскимъ, эстляндскимъ и Выборгскимъ дворянствомъ (вѣроятно, потому что и на себя они смотрѣли какъ на первоначальныхъ выходцевъ изъ иностранной державы Польши).¹⁾ О пожалованіи дворянскаго достоинства ходатайствовали также, хотя очень кратко, и сумскіе старшины; они просили при этомъ, чтобы дворянское званіе подтверждено было и тѣмъ фамиліямъ, которыя принесли грамоты и гербы еще изъ Польши;²⁾ отсюда видно, что въ сумской провинціи были такія лица.

¹⁾ Ibidem, стр. 308—310.

²⁾ Ibidem, стр. 280.

Важнѣйшими прерогативами дворянскаго сословія было право владѣть помѣстьями и крѣпостными. Вотъ на этихъ то двухъ вопросахъ и сосредоточились главнымъ образомъ желанія слободско-украинскаго дворянства. Въ области землевладѣнія давала себя чувствовать старина, прежняя тѣсная связь между казаками и старшиною. Дѣло въ томъ, что значительная, если не большая часть земель, принадлежавшихъ старшинѣ и козакамъ была такъ называемаго *старозаимочнаго происхожденія*, т. е. пріобрѣтена была путемъ вольной, свободной заимки, которая впрочемъ не была захватомъ, а юридическою формою происхожденія поземельной собственности, формою, утвержденною царскими жалованными грамотами. Такимъ путемъ возникали и частныя, и общественныя владѣнія, и старшинскія, и казачьи. Въ связи съ полковымъ и сотеннымъ дѣленіемъ Слободской украи-

ны, ея войсковымъ устройствомъ, явились *окружныя* общественныя казачьи земли, на которыхъ то тамъ, то сямъ устроили себѣ хутора и захватили участки нѣкоторые казаки и члены старшинскаго сословія. И вотъ до тѣхъ поръ, пока эти двѣ общественныя группы не были строго разъединены, онѣ сообща владѣли землями въ предѣлахъ своихъ округовъ. Владѣніе старшинъ весьма часто было бездокументальное и это потому, что происхожденіе его было самое разнообразное. Ахтырскіе дворяне объясняютъ эту бездокументальность такимъ образомъ. При заселеніи слободскихъ полковъ старшины и обыватели безпрепятственно покупали и продавали земли и хотя уже въ 1711 и 1734 годахъ велѣно было всѣ эти покупки и продажи записывать, но благодаря военнымъ командировкамъ, отлучкамъ, смерти покупателей многіе остались безъ формальныхъ купчихъ вѣрностей и яв-

ляются теперь собственниками только по безспорному владѣнію. Но такъ какъ ихъ участки состоятъ въ общихъ обывательскихъ округахъ, а войсковые обыватели нынѣ отдѣлены отъ старшинъ, то необходимо укрѣпить эти участки за владѣльцами, чтобы ихъ не присвоили себѣ, по легкомыслію своему, войсковые обыватели. ¹⁾ Но на самомъ дѣлѣ бездокументальность владѣнія зависѣла отъ другихъ причинъ—между прочимъ отъ того, что старшина скупала такія земли, которыхъ по закону не могла пріобрѣтать—именно земли казацкихъ подпомощниковъ и отчасти самихъ казаковъ. Это ясно видно изъ челобитія харьковскихъ дворянъ. Оказывается, что до 30-хъ годовъ XVIII в. старшины свободно скупали у казаковъ ихъ заимочныя земли; но въ 30-хъ годахъ комиссія объ учрежденіи слободскихъ полковъ запретила покупку земель у казацкихъ

¹⁾ Ibidem, стр. 256.

ПОДПОМОЩНИКОВЪ; но такъ какъ казаки съ подпомощниками несли казачью службу сообща и очень часто подпомощники вписывались въ казаки, а казаки переписывались въ подпомощники, то старшины покупали земли такихъ казаковъ, которые прежде были подпомощниками и брали у нихъ купчія крѣпости. Но недавно учрежденный при Слободскоукраинской губ. вотчинный департаментъ, писали харьковскіе дворяне, не принимаетъ такихъ крѣпостей, основываясь на указѣ, который нынѣ распространенъ на земли всѣхъ войсковыхъ обывателей. Опасаясь того, что такія земли вовсе не будутъ утверждены за ними, харьковскіе дворяне ходатайствовали¹⁾, чтобы опредѣленіе комиссіи было отмѣнено, вотчинный департаментъ утверждалъ купчія крѣпости и наконецъ, чтобъ и на будущее время сно-

---

¹⁾ Ibidem, стр. 263—264.

ва была разрѣшена имъ свободная покупка земель у войсковыхъ обывателей.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ очень характернымъ явленіемъ въ исторіи нашего южнорусскаго землевладѣнія. Въ то время какъ XIX-й вѣкъ (особенно 2-я его половина) является эпохою „оскудѣнія“ дворянскихъ земель, сильнаго сокращенія и перехода ихъ въ руки другихъ непривилегированныхъ сословій, XVIII-е столѣтіе можетъ быть названо „золотымъ вѣкомъ“ дворянскаго землевладѣнія, его счастливѣйшей эрой, временемъ, когда создавались, формировались и возрастали земельныя богатства отдѣльныхъ фамилій и всего сословія. Пути къ созданію этихъ помѣстій были крайне разнообразны и здѣсь не мѣсто останавливаться на ихъ характеристикѣ. Замѣтимъ только, что огромную роль играла тогда „скупля“ старшинами казачьихъ грунтовъ, носившая систематическій характеръ и вызвав-

шая рядъ запретительныхъ указовъ, которые впрочемъ все-таки не вполне достигли своей цѣли. Необходимость запрещеній вызывалась тѣмъ, что скупля имѣла очень вредныя послѣдствія для казацкаго землевладѣнія и даже непосредственно для самаго государства. Дѣло въ томъ, что земли эти являлись фондомъ казацкой службы; казаки служили свои службы съ земель и угодій; а разъ казакъ продавалъ свой грунтъ, онъ долженъ былъ оставить свое казацкое званіе и превратиться въ „посполитаго“, т. е. крестьянина; какъ верѣдко и бывало. Старшина, покупая казацкій грунтъ, иногда вмѣстѣ съ нимъ пріобрѣтала и лишняго „подданнаго“ или „подсудка“, а правительство лишалось очень цѣннаго для него воина. Переформировавъ слободскіе полки въ гусарскіе, правительство для содержанія ихъ обложило особымъ сборомъ всѣхъ бывшихъ подпомощниковъ, превратив-

ши ихъ теперь въ войсковыхъ обывателей; подать эта опять таки шла въ сущности съ ихъ земель и угодій. Ясно, слѣдовательно, почему теперь снова было подтверждено запрещеніе старшинамъ покупать эти земли; ясно также, что ходатайство харьковскаго дворянства нарушало интересы цѣлаго класса мелкихъ собственниковъ и самаго государства. Подобное же ходатайство возбудило Изюмское дворянство съ тою только разницею, что оно хотѣло владѣть этими землями сообща съ войсковыми обывателями въ тѣхъ случаяхъ, когда кто нибудь изъ среды его и раньше владѣлъ ими совмѣстно съ этими послѣдними ¹⁾).

Въ другой своей челобитной ²⁾ изюмскіе дворяне даютъ намъ и объясненіе этой просьбы и дѣлаютъ нѣсколько любопытныхъ указаній на осо-

---

¹⁾ Ibidem, стр. 311—312.

²⁾ Ibidem, стр. 317—319.

бенности своего мѣстнаго землевладѣнія. Въ связи съ реформою мѣстнаго управленія центральное правительство рѣшило, очевидно, ввести въ Слободскую Украину и общерусскіе земельные распорядки; съ этою цѣлью оно учредило въ Харьковѣ вотчинный департаментъ; съ этою же цѣлью издало постановленія, уничтожавшія господствовавшее здѣсь нѣкогда *старозаимочное* право, стоявшее въ противорѣчїи съ документальнымъ владѣніемъ (по отводу и купчимъ крѣпостямъ), имѣвшимъ мѣсто въ остальныхъ частяхъ государства. Въ 9-мъ пунктѣ инструкціи Слободско-украинской и провинціальнымъ канцеляріямъ было повелѣно— „по неимѣнію въ Слободскихъ полкахъ никакого предѣла въ земляхъ, ограничить закономъ, дабы всякій удѣлъ или заимку зналъ и завладѣнное излишне возвратилъ и по правильнымъ крѣпостямъ учинилъ себѣ указанную дачу и имѣлъ бы вла-

дѣніе по указамъ, равно какъ и велекороссійскіе владѣльцы“; по 14-му пункту той же инструкціи повелѣно было описать ту полковую землю, которая окажется излишней за удовлетвореніемъ всѣхъ обывателей. Но оба эти пункта являлись серьезною угрозою для дворянскаго землевладѣнія, носившаго нерѣдко бездокументальный характеръ. Здѣсь въ Изюмской провинціи, граничившей еще недавно съ татарскою степью, больше чѣмъ гдѣ либо господствовала заимка, благодаря обилію пустопорожныхъ земель; значительная часть этихъ послѣднихъ представляла изъ себя общественныя пастбища, на которыхъ пасся скотъ и войсковыхъ обывателей, и старшинъ, остававшійся здѣсь круглый годъ, даже зиму для пользованія подножнымъ кормомъ. Такимъ образомъ, тутъ получило широкое развитіе скотоводство, которымъ Изюмскій уѣздъ славился очень долго и въ послѣдующее время. Но это скотовод-

ство, естественно, требовало большаго земельного простора, который теперь могъ, благодаря новому закону, уничтожиться; по крайней мѣрѣ такія послѣдствія онъ могъ имѣть для крупныхъ собственниковъ. Правительство же повидимому разсчитывало превратить эти участки въ резервный земельный фондъ для раздачи изъ него участковъ безземельнымъ и малоземельнымъ войсковымъ обывателямъ и старшинамъ. И это, конечно, было совершенно справедливо и основательно. Но изюмское дворянство считало болѣе удобнымъ для себя оставить эти земли въ общественномъ пользованіи: оно видѣло, что всѣ выгоды тутъ были бы на его сторонѣ, такъ какъ скота у него было несравненно больше, чѣмъ у войсковыхъ обывателей; оно сознавало также, что, если осуществится проектируемая раздача земель малоземельнымъ, онѣ будутъ переходить не къ дворянскому сословію, достаточно обез-

печенному въ этомъ отношеніи, а къ поселянамъ ¹⁾).

Иначе отнеслись къ этому вопросу острогожскіе старшины: они ходатайствовали о томъ, чтобы дворянамъ, владѣющимъ землями вмѣстѣ съ войсковыми обывателями, отведены были отдѣльные участки по пропорціи, узаконенной для Екатерининской провинціи, и чтобы такая же пропорція была установлена для всѣхъ тѣхъ, кто владѣлъ до сихъ поръ меньшимъ количествомъ поземельной собственности (т. е., чтобы всѣмъ имъ прибавили недостающее число десятинъ изъ общественныхъ земель). Если мы вспомнимъ, что пропорція, установленная для Екатерининской провинціи, была весьма значительна (тамъ дворяне получали участки начиная съ 1200 десятинъ), то для насъ станетъ ясною излишняя притязательность острогожскаго дворянства, и не подумавшаго

¹⁾ Ibidem, стр. 296—298.

о томъ, что подобныя требованія нарушаютъ интересы цѣлаго огромнаго сословія (бывшихъ казаковъ) и не оправдываются никакими серьезными мотивами. Въ Екатеринославской провинціи и вообще Новороссійскомъ краѣ правительство правда щедрою рукою раздавало земли помѣщикамъ; но тамъ были для этого особыя мотивы и соображенія: правительство хотѣло различными льготами привлечь сюда жителей, чтобы поскорѣе заселить этотъ пустынный край. Земель тутъ была такая масса, что онѣ не имѣли почти никакой цѣнности и могли бы пріобрѣсти ее только въ томъ случаѣ, если бы ихъ заняли колонисты; вотъ почему правительство раздавало пустыя земли подъ условіемъ заселенія ихъ въ опредѣленный срокъ; владѣльцамъ земель, такимъ образомъ, нужно было употребить не мало усилій, чтобы привлечь это населеніе, распахать дикое

поле, завести хозяйство и т. п. Мы не касаемся уже здѣсь вопроса, въ какой мѣрѣ эта помещичья колонизація Новороссіи оправдала надежды, возлагавшіяся на нее Потемкинымъ и другими тогдашними дѣятелями. Во всякомъ случаѣ Острогожская провинція находилась совсѣмъ въ иномъ положеніи: она во 2-й пол. XVІІІ вѣка въ сущности уже перестала быть Украиной; пустыхъ земель въ ней было не особенно много; земля пріобрѣла уже нѣкоторую цѣнность.

Сознавая, что пустопорожныхъ земель вообще въ губерніи было уже сравнительно немного, слободско-украинское дворянство въ своихъ наказахъ ходатайствовало о вознагражденіи ихъ за тѣ участки, которые нѣкогда принадлежали слободскимъ полкамъ, но были отторгнуты отъ нихъ. Такъ харьковскіе старшины просили о вознагражденіи ихъ за земли, отошедшія подъ Украинскую линію (по-

лосу въ 15 в. ширины и въ нѣсколь-
ко сотъ верстъ въ длину), мотивируя
это тѣмъ, что въ числѣ ихъ были и
дворянскія помѣстья и угодья¹⁾; они
же ходатайствовали о возвращеніи къ
Харьковской провинціи мѣст. Новыхъ
Водолагъ и Малыхъ Водолажекъ, ко-
торыя были присоединены къ Екате-
рининской провинціи, хотя постоянно
раньше принадлежали къ Слободскимъ
полкамъ и были заселены слобожана-
ми²⁾. Сумскіе дворяне просили объ
утвержденіи за Сумской провинціей
дачъ г. Бѣлополья, составлявшаго нѣ-
когда особую (Корыжскую) сотню
Сумскаго казачьяго полка³⁾. Выпол-
нить второе и третье ходатайство бы-
ло, конечно, не трудно, тѣмъ болѣе что
въ пользу ихъ были выставлены вѣс-
кіе мотивы; что же касается перваго,
то самая формулировка его является

¹⁾ Ibidem, стр. 264.

²⁾ Ibidem, стр. 265.

³⁾ Ibidem, стр. 283.

довольно неудачной: просить о возвращеніи земель, принадлежавшихъ Слободскимъ полкамъ, должны были всѣ провинціи и всѣ сословія или по меньшей мѣрѣ всѣ сословія Харьковской и Изюмской провинцій, ибо Украинская линія захватила именно участки этихъ двухъ областей; во всякомъ случаѣ, если бы взамѣнъ этихъ земель были отведены другія, то онѣ должны были бы сдѣлаться собственностью всѣхъ сословій, а не дворянъ одной Харьковской провинціи.

Таковы были пожеланія слободско-украинскаго дворянства въ области земельныхъ отношеній; тутъ оно стремилось къ укрѣпленію и расширенію своего сословнаго дворянскаго землевладѣнія.

Еще важнѣе, чѣмъ земельный вопросъ, былъ для слободско-украинскаго дворянства вопросъ о прикрѣпленіи подданныхъ къ землѣ, о превращеніи ихъ въ крѣпостныхъ крестъ-

янь. Въ Слободской украинѣ и помѣщичьи крестьяне малороссійскаго происхожденія или такъ называемые подданные пользовались все время правомъ вольнаго перехода, т. е. не были прикрѣплены къ землѣ, не были крѣпостными; въ самый моментъ выбора депутатовъ и составленія наказовъ они, какъ мы видѣли, строго отличались отъ крѣпостныхъ крестьянъ великорусскаго происхожденія: ихъ нельзя было ни продавать, ни покупать, ни переводить съ одного мѣста на другое, ибо каждый изъ нихъ могъ перейти не только къ другому владельцу, но и въ другую провинцію и даже выйти изъ Слободской украины въ Малороссію или Новороссію. Такъ было доселѣ; но теперь, когда въ Слободскихъ полкахъ введено было общерусское гражданское управленіе и стали распространяться общерусскіе порядки, когда мѣстная старшина должна была получить права россій-

скаго дворянства (а основнымъ правомъ его было владѣніе крѣпостными), явилась надежда осуществить давнишнюю мечту—превратить подданныхъ въ крѣпостныхъ, тѣмъ болѣе, что къ этому, казалось, естественно приводили и новыя распоряжки. Такъ правительство обложило опредѣленнымъ ежегоднымъ окладомъ подданныхъ всѣхъ помѣщиковъ и отвѣтственность за исправное поступленіе сбора возложило на этихъ послѣднихъ; ясное дѣло, что эта финансовая мѣра уже какъ бы логически вызвала необходимость прикрѣпленія; и старшины прекрасно поняли и отмѣтили это обстоятельство въ своей челобитной. Впрочемъ, прямо и ясно высказались за прикрѣпленіе только ахтырскіе и сумскіе дворяне: „по Высочайшей В. И. В. конфирмаціи, писали ахтырскіе избиратели, войсковымъ казеннымъ обывателямъ здѣшной губерніи переходы на поселеніе въ другія постороннія

мѣста запрещены. А какъ за нами имѣются подданные малороссіяне, состоящіе платежемъ положеннаго шести-гривеннаго оклада и судомъ въ вѣдомствѣ здѣшней губерніи, которые, по своей прежней заобычности (привычкѣ), не имѣя (старанія) о какой либо прочности содержанія въ хорошемъ порядкѣ домовъ и пашень, отъ одного къ другому владѣльцу, такожь въ постороннія губерніи и безъизвѣстныя мѣста, что и съискать ихъ невозможно, переходятъ оставляя не токмо владѣльческія отъ нихъ должныя работы и другія послуги, но и не заплатя указныхъ податей, кои, яко казенныя, принуждены тѣ владѣльцы отъ себя платить съ немалымъ убыткомъ; а оныя черезъ такой частый переходъ не токмо лишаются своего имѣнія и экономіи, но въ таковую нищету и бѣдность приходятъ, что и дневной пищи (не имѣють), а при томъ, по свободности своей и работать прилежности не имѣ-

ють, а когда принуждать и приводить къ законному порядку земледѣльству,—почитають за тягость. Въ разсужденіи тѣхъ ихъ обстоятельствъ со-благоволено-бѣ было онымъ поддан-нымъ черкасамъ учинить въ перехо-дѣ съ мѣста на мѣсто запрещеніе и безъ билетовъ не ходить; напротивъ того, помѣщики и владѣльцы должны подданнаго дворомъ къ подлежащему строенію, пахатною и сѣнокосною зем-лею и на отапливаніе, гдѣ есть лѣсъ, снабдить, дабы по недостатку не мог-ли переходить. А ежели по своеволь-ству будутъ уходить, таковыхъ безъ письменныхъ владѣльческихъ видовъ не принимать; а когда будутъ при-иманы, на таковыхъ положить взыски-вать штрафъ“. ¹⁾

Сумскіе дворяне хотѣли истолковать въ свою пользу правительственный указъ, касавшійся малороссійскихъ по-сполитыхъ. „Предъ симъ, писали они,

¹⁾ Ibidem, стр. 255—256.

въ здѣшнихъ слободскихъ поселеніяхъ подданнымъ черкасамъ въ свободномъ переходѣ съ мѣста на мѣсто никакого предѣла не было назначено, и оныя безъ отпусковъ и билетовъ отъ своихъ помѣщиковъ переходили, куда желали, безпрепятственно и не токмо помѣщичьи съ нихъ подлежащіе доходы, но и положенныя на нихъ казенныя подати уносили, чрезъ что въ прошлые годы и не малая осталась на разныхъ владѣльцахъ доимка. А въ 1763 году декабря 15 дня Е. И. Величество указомъ, при которомъ приложены малороссійскихъ правъ статуты, (повелѣла) малороссійскому посполитому народу, всѣмъ, гдѣ кто съ публикованія того указа на поселеніи въ земледѣльствѣ, въ работѣ или услуженіи находится, пребывать по ихъ собственнымъ желаніямъ спокойно безъ всякой высылки равножъ и свободный имъ по ихъ желаніямъ съ мѣста на мѣсто переходъ имѣть

во всемъ на точномъ и непремѣнномъ основаніи правъ малороссійскихъ; а напротивъ того никому малороссійскаго посполитаго народа людей безъ письменнаго отпуска одному отъ другого владѣльца отнюдь не принимать подъ штрафомъ, въ тѣхъ правахъ наложеннымъ. Согласуясь сему высочайшему указу, и нынѣ оный переходъ владѣльческимъ подданнымъ оставить на таковомъ же основаніи, токмо дабы подъ симъ видомъ не могли отходить по подложнымъ билетамъ, какъ то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сіе и случилось, для того оныя письменные отпуска, даваемые отъ помѣщиковъ, были бѣ засвидѣтельствованы здѣшнихъ правительствахъ, а безъ таковыхъ свидѣтельствъ никто бы изъ помѣщиковъ отнюдь принимать не дерзалъ подъ штрафомъ за всякую мужеска поладу по 5 руб. и отсылкою на прежнее жилище на своемъ коштѣ. А сверхъ того и оному переходу быть

въ одной здѣшной провинціи, а въ другіе провинціи и въ малую Россію переходъ вовсе запретить, дабы чрезъ то въ положенныхъ государственныхъ сборахъ подрыву не было и казеннаго убытку не послѣдовало ¹⁾“.

Дворянство трехъ остальныхъ провинцій—харьковской, острогожской и Изюмской воздержалось отъ ходатайства о прикрѣпленіи подданныхъ къ землѣ. Харьковское дворянство ²⁾ просило только о томъ, чтобы подданные не могли вступать, какъ это дѣлалось доселѣ, въ гусарскіе полки и въ сословіе войсковыхъ обывателей подъ тѣмъ предлогомъ, что предки ихъ отбывали нѣкогда казачью службу. Впрочемъ и эта просьба могла имѣть серьезное значеніе какъ для помѣщиковъ, такъ и для посполитыхъ. Дѣло въ томъ, что и прежде, и осо-

¹⁾ Ibidem, стр. 281—282.

²⁾ Ibidem, стр. 269.

бенно въ изучаемый нами моментъ, многіе подданные „доискивалась козачества“, т. е. подавали прошенія о зачисленіи ихъ въ казацкую гусарскую службу или въ ряды войсковыхъ обывателей, основываясь на томъ, что отцы, дѣды и прадѣды ихъ были казаками. И это не была фикція— очень многіе изъ казаковъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, частію добровольно, а часѣтю и невольно, превращались въ подданныхъ—и потомъ снова добивались своего прежняго званія. И такія ходатайства должны были особенно усилиться въ тотъ моментъ, когда начинали рѣзко обозначаться прежде слабо замѣтныя сословныя грани, когда вольныхъ крестьянъ старались обратить въ крепостныхъ. Само собою разумѣется, что всѣхъ такихъ лицъ принимали въ новое званіе, котораго они добивались, только въ томъ случаѣ, если они представляли убѣдительныя дока-

зательства своей казацкой „породы“; ясно, слѣдовательно, что и лишеніе ихъ этого законнаго права было бы крайне несправедливо.

Еще болѣе несправедливо, въ своей сущности, было домогательство о лишеніи посполитыхъ права вольнаго перехода. Мы видѣли, что оно было мотивировано весьма искусно; составители челобитенъ старались доказать что эта мѣра вызывается въ одинаковой степени и интересами помѣщиковъ, и интересами самихъ подданныхъ.

Но эта свобода передвиженія, которую старались уничтожить, на самомъ дѣлѣ была охраной и гарантіей для посполитаго; она одна только и могла охранить его отъ слишкомъ тяжелыхъ повинностей въ пользу землевладельца. Размѣръ этихъ повинностей не былъ опредѣленъ закономъ и регулировался отчасти обычаемъ, а отчасти закономъ спроса и предложенія рабочихъ рукъ. Обычай выработалъ

нормы повинностей, размѣръ которыхъ былъ, вѣроятно, не одинаковъ для различныхъ мѣстностей. Со стороны помещиковъ, естественно существовало постоянное стремленіе къ увеличенію ихъ; посполитые наоборотъ желали по крайней мѣрѣ удержатъ ихъ въ прежнемъ положеніи, оставить безъ повышения; и право вольнаго перехода играло здѣсь роль благотѣтельнаго клапана: лишь только помещикъ переходилъ извѣстную границу—крестьянинъ уходилъ отъ него въ другія мѣста, гдѣ количество повинностей было менѣе значительно; а такими мѣстами оказывались южныя части губерніи, ставшія заселяться позже сѣверныхъ; и помѣстное землевладѣніе, и подданическія отношенія здѣсь не получили такого развитія, какъ въ сѣверной части губерніи. Вотъ гдѣ, быть можетъ, лежитъ разгадка того, почему съ ходатайствомъ о прикрѣпленіи выступило дворянство болѣе сѣверныхъ,

провинцій—сумской, ахтырской и отчасти харьковской. Здѣсь почва была уже болѣе подготовлена для реформы; здѣсь зависимыя отношенія существовали дольше; здѣсь у помѣщиковъ успѣлъ уже развиться взглядъ на своихъ подданныхъ, какъ на невольныхъ крестьянъ; здѣсь, наконецъ, было и болѣе всего побужденій хлопотать объ уничтоженіи права вольнаго крестьянскаго перехода. Частые переходы, конечно, невыгодно отражались на помѣщичьемъ, а подчасъ и на крестьянскомъ хозяйствѣ; но противъ нихъ нужно было бороться не запрещеніемъ ихъ, которое отдавало поселанина въ полное распоряженіе владѣльца, а уменьшеніемъ повинностей. Конечно, попадались среди подданныхъ и лѣнтяи, не заботившіеся о своемъ хозяйствѣ; но проектировавшійся крѣпостной трудъ не могъ быть производительнѣе вольнаго. Едва ли къ этому нужно прибавлять, что слободскоукраинскіе

старшины не могли представить въ пользу своего права владѣть крѣпостными и такихъ основаній, какія существовали у великорусскаго дворянства. Взаимныя отношенія владѣльцевъ и „подданныхъ“ въ Слободской украинѣ (также какъ и въ Малоросіи) отличались постоянно свободнымъ договорнымъ характеромъ: одни давали свои земли во временное пользованіе для хозяйственной эксплуатаціи; другіе селились на этихъ земляхъ, воздѣлывали ихъ и за это несли извѣстные повинности въ пользу помѣщика (платили оброкъ или отбывали барщину); помѣщикъ получалъ правильный доходъ и кромѣ того самый капиталъ его постоянно возрасталъ: его пустыя земли прежде не стоили почти ничего, а съ появленіемъ на нихъ „слобожанъ“, превратившихся въ „подданныхъ“, пріобрѣтали все большую и большую цѣнность. Когда въ засѣданіяхъ комиссіи одинъ изъ ка-

зацкихъ представителей (Алейниковъ) потребовалъ, чтобы у слободскоукраинскихъ старшинъ было отнято право владѣть крѣпостными, какъ имъ по закону не принадлежащее, ни одинъ изъ харьковскихъ депутатовъ ему не отвѣчалъ по существу, за исключеніемъ Кондратьева, который сдѣлалъ ссылку на *природное шляхетство* старшинъ, которое, какъ мы видѣли, было явленіемъ частнымъ, но не общимъ.

Желая превратить „подданныхъ“ въ своихъ крѣпостныхъ, дворянство вмѣстѣ съ тѣмъ выражало готовность принять на себя заботу объ ихъ экономическомъ обезпеченіи; къ-этому, естественно, приводилъ новый характеръ отношеній: разъ вольный работникъ превращался въ раба, онъ дѣлался вещью, которая имѣла довольно значительную рыночную цѣну. Впрочемъ и въ своемъ тогдашнемъ положеніи „подданные“ составляли

предметъ нѣкотораго вниманія и заботъ помѣщиковъ; матеріальное благополучіе или неустройство ихъ было безразлично для этихъ послѣднихъ. Вотъ почему въ челобитныхъ мы встрѣчаемъ такіе пункты, которые имѣютъ въ виду облегченіе ихъ положенія, но только во всѣхъ случаяхъ помощь должно было оказывать правительство— дворянство же не хотѣло съ своей стороны принести для нихъ ни малѣйшей жертвы. Такъ сумскіе дворяне ходатайствовали о томъ, чтобы казна не брала съ владѣльческихъ подданныхъ денегъ за выдачу паспортовъ въ томъ случаѣ, когда ихъ отпускаютъ помѣщики на заработки; ¹⁾ о томъ же просили и харьковскіе дворяне; ²⁾ выдачу паспортовъ они хотѣли предоставить самимъ помѣщикамъ, что, конечно, должно было поднять ихъ престижъ надъ крестьянами; такая же

¹⁾ Ibidem, стр. 278.

²⁾ Ibidem, стр. 269.

тенденція (устранить посредствующее звено между собою и подданными) замѣчается у острогожскихъ старшинъ, которые ходатайствовали объ уничтоженіи официальныхъ письменныхъ договорныхъ записей, происходящихъ между помѣщиками и вольными слугами. ¹⁾ Дворянство харьковской провинціи, ссылаясь на примѣръ великороссійскихъ губерній, просило о предоставленіи льготъ по части казенныхъ податей тѣмъ владѣльческимъ селеніямъ, которыя постигнетъ какое нибудь народное бѣдствіе (напримѣръ, пожаръ). ²⁾ Сумскіе дворяне ходатайствовали, чтобы правительство не привлекало владѣльческихъ подданныхъ къ постройкѣ конюшенъ для гусарскаго полка. ³⁾ Послѣдними распоряженіями правительства владѣльческіе подданные обложены были шестигри-

---

1) Ibidem, стр. 302.

2) Ibidem, стр. 266—267.

3) Ibidem, стр. 278.

веннымъ окладомъ съ тѣмъ, чтобы больше съ нихъ не брать уже никакихъ поборовъ, между тѣмъ по указу слободско-украинской губернской канцеляріи была заведена почта и на содержаніе ея стали брать деньги между прочимъ и съ помѣщичьихъ крестьянъ. Въ виду этого дворянство харьковской, сумской и изюмской провинціи просило объ уничтоженіи этой новой повинности съ подданныхъ ¹⁾. Сверхъ того ахтырскіе и харьковскіе дворяне жаловались, что ихъ и ихъ подданныхъ привлекаютъ, наравнѣ съ остальнымъ населеніемъ, къ дорожной повинности, и просили, чтобы содержаніе въ исправности большихъ мостовъ взяло на себя правительство ²⁾. Само собою разумѣется, что всѣ эти льготы „за счетъ государства“ были въ интересахъ самаго дворянства.

Таковы были соціальныя нужды и

---

1) Ibidem, стр. 268, 277—278, 316.

2) Ibidem, стр. 253, 268.

желанія слободско-украинскаго дворянства. Въ сферѣ чисто экономической оно стремилось удержать за собою свои старыя льготы по части налоговъ и повинностей, которыя были предоставлены ему (впрочемъ наравнѣ съ простыми казаками) царскими жалованными грамотами. Онѣ касались винокуренія, добычи и продажи соли, мельницъ, постоянной и подводной повинности.

Сумскіе дворяне просили, что-бы имъ попрежнему было разрѣшено неограниченное выкуриваніе вина вмѣсто введенной недавно нормы (одинъ пудовой котель для владѣльца, имѣющаго 50 душъ подданныхъ) что-бы это право было распространено и на гг. Суджу и Мирополье, которые прежде имъ пользовались и чтобы ихъ не привлекали къ отвѣтственности по обвиненію въ корчемствѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда лица, купившія у нихъ на мѣстѣ вино, везли и продавали его

въ неуказанныхъ мѣстахъ ¹⁾), о свободной продажѣ вина всѣмъ желающимъ у себя на мѣстѣ, по смыслу существующихъ узаконеній, ходатайствовали и ахтырскіе и изюмскіе дворяне; ²⁾ харьковскіе прибавляли просьбу, что-бы не дѣлали имъ препятствій къ провозу его черезъ тѣ мѣста, гдѣ была казенная продажа ³⁾). Очень подробную челобитную о винокурени подали острогожскіе дворяне; ⁴⁾ она касается съ одной стороны винокурения, а съ другой продажи вина. Острогожане просятъ дать право свободного винокурени цѣлому ряду селеній ихъ провинцій (Слоновой, Мосту, Коровиной, Ливенской, Бюричей, Гвоздевкѣ, Церлевкѣ, Олимѣ, Ливнамъ, Черновѣ, Тальцамъ), у которыхъ эта льгота неправильно была отнята; ис-

---

¹⁾ Ibidem, стр. 279—280—282.

²⁾ Ibidem, стр. 254, 312—314.

³⁾ Ibidem, стр. 266.

⁴⁾ Ibidem, стр. 292—295.

торическими данными они доказываютъ, что поселенія эти были основаны на малороссійскихъ земляхъ и входили въ составъ острогожскаго слободскаго полка. За тѣмъ,—что очень любопытно для того времени—они стараются сами урегулировать производство посредствомъ устройства какъ бы особаго синдиката, въ составъ котораго должны были войти всѣ дворяне, занимавшіеся винокурениемъ (а имъ занималось, можно смѣло сказать, едва ли не все дворянство провинціи); такимъ образомъ, въ этотъ союзъ входили и крупныя и мелкіе производители; цѣлью его было достигъ „уравненія въ винокурении“; предполагалось назначать особыхъ смотрителей, которые должны были наблюдать за тѣмъ, чтобы никто не допускалъ излишества и выкуривалъ столько вина, сколько полагалось на его долю по общему, заранѣе составленному, положенію. Надзоръ же за лѣсами (чтобы ихъ

не истребляли хищнически на винокурение) сверхъ того предполагалось поручить провинціальной канцеляріи. вмѣстѣ съ тѣмъ острогожскіе старшины ходатайствовали, подобно харьковскимъ, о свободномъ провозѣ ихъ вина мимо великорусскихъ городовъ.

Всѣ эти просьбы вызваны были тѣмъ, что Слободская украинна съ перваго момента своего заселенія, стала пользоваться свободой винокурения, которой лишено было сосѣднее великорусское населеніе. Понятное дѣло, что, при такихъ условіяхъ, при огромной разницѣ въ цѣнѣ малоросійской „горилки“ и казеннаго хлѣбнаго вина, должно было существовать корчемство, противъ котораго тщетно боролось правительство. Въ особенности оно давало себя чувствовать въ Острогожской провинціи, окруженной почти со всѣхъ сторонъ великорусскими областями; да и въ ней самой рядомъ съ малорусскимъ населеніемъ

жило великорусское, великорусскія поселенія чередовались съ малорусскими. Между тѣмъ вопросъ о свободномъ винокурении въ жизни всего Слободскаго края игралъ огромную роль. Тогда хлѣбнаго экспорта черезъ порты Новороссіи еще не существовало, и весь излишекъ хлѣба, за мѣстнымъ потребленіемъ, шелъ на винокурни. Благодаря высокой стоимости казеннаго вина, малороссійская беспошлинная „горилка“ продавалась и на мѣстѣ, и въ другія мѣста по такой цѣнѣ, которая доставляла значительныя выгоды производителямъ. Земледѣльческое хозяйство въ то время, можно сказать, и привлекало всѣхъ почти исключительно доходностью винокурения. Затратъ капитала оно почти не требовало никакихъ: хлѣбъ былъ свой; рабочія руки—свои; стоимость орудій ничтожная. Заводчикъ нерѣдко былъ въ то же самое время и оптовымъ и розничнымъ продавцомъ

своего продукта; помѣщики отъ себя держали „шинки“, въ особенности въ своихъ собственныхъ деревняхъ. Объ огромной важности этой отрасли промышленности свидѣтельствуя сумскіе дворяне, говоря въ своей челобитной, что „въ здѣшнихъ мѣстахъ всѣ доходы большею частью отъ виннаго промысла происходятъ“.

Большое вниманіе мѣстнаго дворянства возбуждалъ также вопросъ о соли. Добыча соли была однимъ изъ самыхъ давнихъ промысловъ въ Слободской украинѣ. Слобожане первые начали эксплуатировать Торскіе (возлѣ нынѣшняго Славянска) и Бахмутскіе соляные промыслы и долго занимались этимъ свободно безъ всякаго платежа пошлинъ. Да и справедливо ли было взимать съ нихъ пошлины, когда они отвоевали эти мѣста у татаръ и ежеминутно подвергались опасностямъ нападенія съ ихъ стороны? Впослѣдствіи, съ умиротвореніемъ края,

казна стала взимать съ промышленниковъ-солеваровъ $\frac{1}{10}$ ихъ добычи. Затѣмъ казна взяла это дѣло въ свои руки: построила здѣсь заводы и стала отдавать ихъ сначала отдѣльнымъ лицамъ, съ уплатою за каждую сковороду въ сутки въ Бахмутѣ по 6 р., а въ Торѣ по 1 р. 80 к., а потомъ на откупъ цѣлой купеческой компаніи, съ тѣмъ чтобы бахмутская соль продавалась по 10, а торская по 11 коп. пудъ, и чтобы только ею одною и пользовались Слободскіе полки. Съ теченіемъ времени и цѣна соли, и цѣна оброка за пользованіе сковородами сильно были подняты; въ 1749 г. пудъ соли велѣно было продавать по 35 коп. (вмѣсто 10), потомъ (въ 1756 г.) по 50 к.; за сковороду въ сутки нужно было уплачивать по 14 р. въ Бахмутѣ (вмѣсто 6) и по 7 р. въ Торѣ (вмѣсто 1 р. 80 к.), а потомъ по 32 (въ Бахмутѣ) и по 16 р. (въ Торѣ). Государыня Екатерина II обра-

тила вниманіе на слишкомъ высокую цѣну соли и приказала продавать ее по 40 к. пудъ и брать за сковороды по 20 и 10 р. (вмѣсто 32 и 16); но это мало помогло горю, потому что въ послѣднее время сильно возвысилась стоимость производства—особенно поднялись цѣны на дрова—такъ что добыча соли уже перестала давать доходы предпринимателямъ¹⁾). Такова была печальная исторія солянаго промысла въ Слободской украинѣ;

¹⁾ Ахтырскіе дворяне сдѣлали точный расчетъ, во что обходился пудъ соли самимъ промышленникамъ, и оказалось, что свыше 40 коп. 20 р. съ коп. нужно было уплатить за сковороду, 21 р. за дрова (30 возовъ по 70 к.) 3 р. за трудъ мастерамъ и работникамъ, около 9 р. за доставку ея изъ Бахмута въ Слободскую украину (по 7 коп. съ пуда), а такъ какъ со сковороды получалось 125 пудовъ, то пудъ обходился свыше 40 к., не считая пропитанія самаго предпринимателя и разныхъ потерь, являвшихся результатомъ непогоды (утечки и т. под.). Такимъ образомъ, чтобы имѣть какой-нибудь барышъ, приходилось продавать соль все таки по 50 коп. за пудъ, къ отягощенію и неудовольствію обывателей.

финансовыя мѣры, которыми Шува-ловъ въ Петербургѣ пытался увеличить (и дѣйствительно увеличилъ) государственные доходы, отзывались крайне неблагопріятно на сотняхъ тысячъ жителей Слободско - Украинской губерніи: цѣна соли увеличилась на 500°/_o сравнительно съ недавнимъ еще временемъ, благодаря чрезмѣрному налогу и запрещенію ввозить соль изъ другихъ мѣстностей. Это запрещеніе казалось особенно несправедливымъ, потому что не распространялось на сосѣднія области—Донское войско, Малороссію и Новороссію. Донскіе казаки пользовались дешевою маньчскою солью безъ всякой пошлины; Новороссія получала соль изъ крымскихъ соляныхъ озеръ также безъ платежа пошлины; а Малороссія имѣла дешевую заграничную соль, уплачивая за нее въ казну только по 10 коп. съ пуда. Въ виду всего этого ахтырскіе, харьковскіе и изюм-

скіе дворяне ¹⁾ выражали желаніе, чтобы имъ разрѣшено было пользоваться Донскою и Крымскою солью съ уплатою за нее по 10 коп. съ пуда въ пользу казны; Торскія же и бахмутскіе солеварни должны были бы служить для потребностей окрестнаго однодворческаго и военно-служилаго населенія. Сумскіе дворяне ограничились еще болѣе скромнымъ желаніемъ, чтобы правительство позволило только ввозить волошскую горькую соль, которая употреблялась исключительно для скота ²⁾.

Безоброчное пользованіе мельницами являлось также одной изъ древнѣйшихъ привилегій Харьковскихъ слобожанъ, утвержденной царскими жалованными грамотами и вновь подтвержденной указомъ 1765 года. Между тѣмъ провинціальная канцелярія, неизвѣстно, съ какими цѣлями, стала

¹⁾ Ibidem, стр. 252, 266, 321, 324.

²⁾ Ibidem, стр. 280.

собирать свѣдѣнія о количествѣ мельницъ, шинковъ у разныхъ владѣльцевъ; это привело ихъ въ смущеніе— и они поручили своимъ депутатамъ отстаивать свою привиллегію беспошлинныхъ промысловъ ¹⁾; сумскіе дворяне ходатайствовали также объ уничтоженіи пошлинъ при продажѣ лошадей ²⁾ Одною изъ самыхъ тяжелыхъ и обременительныхъ повинностей для всего населенія слободскоукраинской губерніи, а въ томъ числѣ и для дворянства, была обязанность содержать на квартирахъ воинскія команды. Съ уничтоженіемъ Слободскихъ казачьихъ полковъ, населеніе освободилось отъ обязательной воинской службы и перешло къ мирному земледѣльческому промышленному и ремесленному труду. Но между военнымъ и гражданскимъ сословіемъ существовало постоянное соперничество и антагонизмъ: военные

1) Ibidem, стр. 280, 315.

2) Ibidem, стр. 282.

свысока смотрѣли на штатскихъ. Въ Слободскоукраинской губерніи взаимное положеніе этихъ двухъ элементовъ было еще болѣе обостренное: образовавшіеся вмѣсто иррегулярныхъ казачьихъ регулярные гусарскіе полки, сознавая свое привилегированное положеніе среди мѣстнаго населенія, дозволяли излишнія требованія и вообще относились свысока къ своимъ квартирнымъ хозяевамъ; еще большее неудовольствіе возбуждали армейскіе великорусскіе полки, расквартированные во всѣхъ провинціяхъ губерніи. Особенно чувствительна для дворянъ была доставка дровъ этимъ воинскимъ командамъ. И вотъ ахтырскіе дворяне, жалуясь на стѣсненіе обывателей, ходатайствуютъ о выводѣ отъ нихъ старооскольскаго пѣхотнаго полка; ¹⁾ харьковскіе просятъ о выводѣ Борисоглѣбскаго коннаго полка и объ освобожденіи ихъ отъ постоя и доставки

¹⁾ Ibidem, стр. 255.

дровъ; ¹⁾ Сумскіе ²⁾—о выводѣ Орловскаго пѣхотнаго полка и объ освобожденіи ихъ вообще отъ постоя (офицерамъ же Сумскаго гусарскаго полка они предлагаютъ выдавать квартирныя деньги изъ полковыхъ суммъ); острогожскіе ³⁾ ходатайствовали объ уничтоженіи постоевъ, заявляя, что иначе ихъ городскіе дома придутъ въ окончательное запустѣніе, отъ чего потерпѣтъ и городское благоустройство; изюмскіе ходатайствовали о томъ же и предлагали построить для офицеровъ квартиры изъ общихъ лѣсовъ. ⁴⁾ Наконецъ, дворянство трехъ провинцій (Харьковской ⁵⁾, Сумской ⁶⁾, Изюмской ⁷⁾, просило о томъ, чтобы лица, вышедшихъ въ отставку, не привлека-

¹⁾ Ibidem, стр. 267.

²⁾ Ibidem, стр. 283.

³⁾ Ibidem, стр. 287.

⁴⁾ Ibidem, стр. 317.

⁵⁾ Ibidem, стр. 269.

⁶⁾ Ibidem, стр. 282.

⁷⁾ Ibidem, стр. 319.

ли къ исполненію различныхъ порученій, которыя отвлекаютъ ихъ отъ домашнихъ дѣлъ.

Остальные пункты челобитенъ относятся къ области гражданскаго и полицейскаго права и носятъ уже не мѣстный, а болѣе общій характеръ. Съ обширнымъ разсужденіемъ о гражданскомъ процессѣ и опекаѣ выступило сумское дворянство. Въ немъ оно предлагало рядъ мѣръ для ускоренія судебного процесса въ гражданскихъ дѣлахъ, который отличался тогда страшною медленностью; главными изъ этихъ мѣръ было сокращеніе сроковъ для подачи письменныхъ объясненій и назначеніе штрафовъ какъ для отвѣтчика, такъ и для судей, „кто на срокъ какъ отвѣту и оправданія не подаетъ, такъ и справокъ не вынесетъ, такового винить безъ изъятія, въ какомъ бы то дѣлѣ не было—въ крѣпостномъ или некрѣпостномъ“—такую рѣшительную мѣру предлагали

Сумскіе дворяне; впрочемъ они понимали, что иногда отвѣтчикъ не могъ подать въ срокъ объясненія по болѣзни—и въ такихъ случаяхъ предлагали посылать для освидѣтельствованія больныхъ врача (если таковой окажется), или-же требовать отъ нихъ присягу. Въ связи съ этимъ они ходатайствовали о реформѣ, которая касалась основнаго принципа судоустройства—они просили, чтобы судебная власть была вручена представителямъ мѣстнаго дворянства, чтобы съ этою цѣлью дворянство ежегодно изъ своей среды избирало двухъ лицъ которыя бы, нося званіе воеводскихъ товарищей и получая штатное жалованье, судили всѣ гражданскіе иски, а воевода производилъ бы только „розыскныя и интересныя“ дѣла; такіе судьи, по мнѣнію составителей наказа, съ одной стороны будутъ свободны отъ нареканія въ корыстолюбіи, медлительности, а съ другой,

хорошо зная положеніе своихъ собратій, будутъ защищать ихъ отъ всяческихъ обидъ; за добросовѣстное же исполненіе своихъ обязанностей они должны получать отъ правительства чины¹⁾).

Важное значеніе для всего сословія должно было бы имѣть учрежденіе правильной опеки надъ имуществомъ тѣхъ малолѣтнихъ дворянъ, отцы которыхъ не оставили духовныхъ завѣщаній и не назначили опекуновъ, о чемъ также ходатайствовало сумское дворянство. Оказывается, что доселѣ правильной опеки не было въ Слободской украинѣ и благодаря этому имѣнія сиротъ расхищались и сами они не получали ни умственного, ни нравственного образованія.²⁾ Между тѣмъ слободскоукраинское дворянство (или по крайней мѣрѣ значительная его часть) сознало важность и необходимость просвѣщенія. Правда среди тѣхъ

---

1) Ibidem, стр. 271—275.

2) Ibidem, стр. 275—276.

старшинъ, которые были призваны къ выбору депутатовъ въ комиссію, нѣкоторые оказались неграмотными, такъ что за нихъ должны были росписаться ихъ товарищи, но это было послѣдствіе прежняго военнаго режима, не дававшего подѣ-часъ возможности мелкому казацкому уряднику „вырядить въ науку“ своего сына. Говоря же вообще, стремленіе къ грамотности и образованію было весьма значительно не только въ дворянствѣ, а и во всѣхъ низшихъ слояхъ слободско-украинскаго общества—у казаковъ и мѣщанъ. Это засвидѣтельствовано документальнымъ доказательствомъ—краснорѣчивой статистикой народныхъ школъ, существовавшихъ въ Слободской украинѣ въ 1732 г. Изъ переписи Слободскихъ полковъ, произведенной Хрущевымъ въ этомъ году, оказывается, что въ нынѣшней Харьк. губ. ихъ было тогда болѣе 129; одна школа приходилась на 2373 душъ насе-

ленія (а въ 1884 г. одна школа на 4270 душъ). Слободско - украинское дворянство получало образованіе преимущественно въ Харьковскомъ коллегіумѣ, который, какъ извѣстно, и по программѣ, и по составу учащихся, представлялъ изъ себя тогда всесловное учебное заведеніе, образцово поставленное и пользовавшееся симпатіями всего общества. Въ 1766 г. къ предметамъ, преподававшимся дотолѣ въ коллегіумѣ, велѣно было прибавить французскій и нѣмецкій языкъ, математику, геометрію, рисованіе и особенно инженерство, артиллерію и геодезію, для чего и назначена сумма до 3000 р. И вотъ дворянство Ахтырской провинціи, отмѣтивъ это обстоятельство, проситъ, чтобы, въ виду отдаленности отъ ихъ уѣзда Москвы, (гдѣ былъ университетъ) имъ всеѣмъ разрѣшено было безпрепятственно отдавать своихъ сыновей въ Харьковскій

коллегіумъ, гдѣ бы эти послѣдніе могли получать и образованіе, и военную подготовку, а для содержанія учителей и училища опредѣлена была бы достаточная сумма изъ неокладныхъ доходовъ губерніи; ¹⁾ изъ этого видно, что ахтырское дворянство имѣло въ виду выдѣленіе изъ коллегіума особаго училища для дѣтей свѣтскихъ лицъ. Дворянство Сумской провинціи пошло еще дальше и выступило съ ходатайствомъ объ основаніи въ г. Сумахъ двухъ новыхъ училищъ: университета для дворянъ и школы для разночинцевъ ²⁾. Вотъ подлинный текстъ его челобитной: „какъ во многихъ, состоящихъ подъ высокою державою Е. И. В. городахъ учреждены воспитываемымъ дворянскимъ и прочаго званія дѣтямъ училища, отъ которыхъ и немалый плодъ отечеству при-

---

¹⁾ Ibidem стр. 257.

²⁾ Ibidem, стр. 276—277.

носитя, а невѣжды и развращенные нравы, суевѣріе, расколы, и прочее тому подобное, совсѣмъ къ сожитію благонаправнаго народа непотребное, истребляется, то, взирая на столь высоко матернія Е. В. ко всѣмъ вѣрно-подданнымъ изливаемая щедроты и милости, необходимо нужно есть представить и о семъ, чтобъ повелѣно было и въ здѣшнемъ городѣ учредить училища: первое для благороднаго дворянства, второе для церковническихъ, подъяческихъ, мѣщанскихъ и прочихъ тому подобныхъ дѣтей, и обучать оныхъ такъ, какъ въ учрежденномъ въ Москвѣ Императорскомъ университетѣ и въ городскихъ протчихъ училищахъ предписано, чрезъ что можетъ произойти, что дворянство, а особливо не весьма достаточные, будутъ имѣть способъ не въ отдаленномъ отъ себя мѣстѣ и не съ такими издержки, какъ до сего происходило, но въ близости отъ домовъ и съ хорошимъ над-

зираніемъ для поученія дѣтей своихъ отдавать. Да и недостатокъ въ церковнослужителяхъ разумѣющихъ принадлежащія до церковнаго служенія правила проповѣдать Слово Божіе и научить простолудиновъ Закона; во многихъ мѣстахъ поправится, какая-жъ отъ наукъ можетъ въ просвѣщеніи разума послѣдовать польза, всему свѣту извѣстно“.

Заботясь о средствахъ своего духовнаго развитія, слободско-украинское дворянство не могло не обратить вниманія и на мѣры къ поддержанію тѣлеснаго здравія, тѣмъ болѣе, что въ нихъ чувствовалась настоящая нужда. Оказывается, что въ Слободско Украинской губерніи, считавшей у себя не менѣе 150,000 душъ мужеска пола, совсѣмъ почти не было докторовъ, за исключеніемъ пяти полковыхъ врачей, бывшихъ въ гусарскихъ полкахъ: между тѣмъ въ краѣ свирѣпствовали лихорадки, горячки и

разныя другія тяжелыя болѣзни. Это обстоятельство и побудило острогожскихъ дворянъ выступить съ ходатайствомъ о назначеніи во всѣ 5 провинцій докторовъ, а въ комиссарства — лекарей ¹⁾).

Въ заключеніе намъ слѣдуетъ отмѣтить еще одну характерную челобитную дворянства Харьковской провинціи. Выступивъ съ цѣлымъ рядомъ ходатайствъ, которыя требовали многихъ финансовыхъ жертвъ отъ правительства, оно рѣшилось и съ своей стороны принести одну жертву въ пользу этого послѣдняго; отказывалось въ его пользу отъ тѣхъ суммъ, которыя оно было должно ему за провіантъ, за волы и фуры, доставленные на счетъ дворянъ и ихъ подданныхъ въ прошлую турецкую войну. ²⁾ Правда эти суммы не легко было получить, — да правительство, какъ ка-

1) Ibidem, стр. 301.

2) Ibidem, стр. 270.

жется, и не воспользовалось этимъ любезнымъ подаркомъ—но тутъ важно доброе намѣреніе, и мы его съ удовольстіемъ подчеркиваемъ въ настоящемъ случаѣ.

IV.

Мы классифицировали наказы—челобитныя слободско - украинскаго дворянства, вполне исчерпали ихъ содержаніе и постарались уяснить ихъ происхожденіе, смыслъ и характеръ, т. е. поставили ихъ въ связь съ историческими условіями тогдашней жизни. Этотъ, такъ сказать, реальный комментарий къ наказамъ помогъ намъ разобраться въ многочисленныхъ и разнообразныхъ нуждахъ и желаніяхъ харьковскаго дворянства. Оказалось, что хотя выборы происходили по провинціямъ и дворянство каждой изъ нихъ составляло свой наказъ отдѣльно безъ совѣщанія съ сосѣдями, но въ содержаніи челобитенъ есть много общаго, всесословнаго,

что позволяет отмѣтить въ нихъ общія, типическія черты. Различныя стороны жизни нашли себѣ въ челобитныхъ далеко не одинаковое выраженіе: ярче всего отразились въ нихъ социальные и экономическіе интересы, несравненно слабѣе духовные и, можно сказать, совершенно отсутствуютъ политическіе. На первомъ планѣ стоялъ земельный вопросъ, который трактовался всѣми единодушно, исключительно съ точки зрѣнія сословныхъ выгодъ. Менѣе единодушія проявили бывшіе старшины въ двухъ другихъ вопросахъ, стоявшихъ въ тѣснѣйшей связи съ первымъ—о дарованіи имъ дворянскаго достоинства и о превращеніи ихъ „подданныхъ“ въ крѣпостныхъ. Но отсутствіе въ нѣкоторыхъ наказахъ этихъ пунктовъ еще не свидѣтельствуетъ о томъ, чтобы къ нимъ были равнодушны составители ихъ; мы объясняемъ это нѣкоторою застѣнчивостью и робостью избирателей или, правильнѣе

говоря, лицъ, составлявшихъ чело-
битья; у нихъ не было увѣренности,
что просьба ихъ будетъ уважена; у
нихъ не было въ виду и достаточно
вѣскихъ и серьезныхъ мотивовъ; въ
особенности это можно сказать отно-
сительно превращенія „подданныхъ“ въ
крѣпостныхъ, желаніе же, несомнѣнно,
было у всѣхъ и при томъ самые раз-
мѣры его были болѣе или менѣе оди-
наковы. Большое единодушіе прояви-
ли слободско украинскіе дворяне и
въ такихъ чисто экономическихъ хо-
датайствахъ, какъ просьбы о свобод-
ныхъ промыслахъ и льготахъ по части
нѣкоторыхъ налоговъ—но и въ осно-
вѣ ихъ лежатъ опять таки исключи-
тельно сословные интересы. Это нуж-
но сказать даже о такихъ ходатай-
ствахъ, которыя прямо направлены
были въ пользу „подданныхъ“. Впро-
чемъ тутъ интересы „подданныхъ“ сли-
вались все таки съ интересами ихъ
помѣщиковъ, а не расходились съ

ними, какъ это бывало въ другихъ случаяхъ. Не смотря на эгоистическій характеръ побужденій, получались благопріятные для обѣихъ сторонъ результаты. На большее въ тотъ эгоистическій вѣкъ трудно было и надѣяться; взаимные интересы сословіи нелегко было примирить; впрочемъ составители наказовъ и не заботились о такомъ примиреніи—каждое сословіе излагало *свои* нужды, *свои* желанія, не справляясь съ тѣмъ и не зная того, что написали другіе; наказы въ этомъ отношеніи напоминаютъ нашъ состязательный процессъ, гдѣ рѣчи прокурора и адвоката по необходимости отличаются одностороннимъ характеромъ. Столь же односторонни и исключительны были по содержанию своему и всѣ наказы, доставленные въ Екатерининскую комиссію; по крайней мѣрѣ это нужно сказать о напечатанныхъ доселѣ наказахъ дворянскаго и городского сословія; и эта

исключительность объясняется какъ невысокимъ уровнемъ общественнаго развитія этихъ сословій, такъ и самымъ характеромъ предстоявшей имъ задачи—они должны были говорить только за себя, отстаивать только свои интересы: такъ они во всякомъ случаѣ поняли свою обязанность. Конечно, можно сказать, что кому многое дано, съ того многое и спросится, и дворянство, обладавшее несравненно большими матеріальными и умственными ресурсами, чѣмъ другія непривилегированныя сословія, было гораздо виновнѣе ихъ въ полномъ почти равнодушіи ко всему тому, что являлось *общимъ благомъ*, что одинаково полезно было для всѣхъ классовъ общества. Кому же, какъ не ему, должно было ходатайствовать объ этихъ *дѣйствительно общественныхъ* нуждахъ, между тѣмъ харьковскіе дворяне указали только на одинъ изъ нихъ (дороговизну соли). Не говоримъ

уже о томъ, что въ некоторые классы общества (крестьяне, духовные) вовсе не участвовали въ выборахъ и было бы справедливо, чтобы въ пользу ихъ что либо сказали занимавшіе верхнюю ступень общественной лѣстницы дворяне, а они вмѣсто этого подняли вопросъ о закрѣпощеніи пользовавшагося еще дотолѣ свободою крестьянскаго сословія. Вопросы, касавшіеся общенароднаго блага, они трактовали съ узкой сословной точки зрѣнія и не давали имъ широкой общей постановки (таково было, на примѣръ, дѣло о возвращеніи отторгнутыхъ земель, объ освобожденіи отъ постоянной и подводной повинностей). Даже въ той сферѣ, гдѣ имъ удобнѣе всего было проявить свои общественные инстинкты, гдѣ ихъ интересы сливались съ интересами массы, — въ вопросѣ о просвѣщеніи — слободско - украинскіе дворяне проявили мало энергіи и высказали тотъ же сословный духъ. Толь-

ко дворянство 2-хъ провинцій (изъ 5) коснулось вопроса о расширеніи образовательныхъ средствъ, остальные же (въ томъ числѣ и дворяне Харьковской пров.), вовсе не поставили этого вопроса. Сумское дворянство, стоявшее въ этомъ отношеніи впереди другихъ и ходатайствовавшее объ учрежденіи двухъ новыхъ учебныхъ заведеній въ г. Сумахъ, хотѣло одно изъ нихъ (высшее—университетъ) предоставить только дворянамъ, а второе (низшее) духовенству и разночинцамъ. Еще болѣе сдержаннымъ оказалось слободско-украинское дворянство въ области политическихъ вопросовъ и пожеланій. Проживъ болѣе столѣтія политической жизнью, создавъ извѣстныя формы своего политическаго бытія, сохранивъ эти своеобразныя формы въ теченіе долгаго времени, не смотря на то, что они не гармонировали съ строемъ Московскаго гос. и Россійской имперіи при Петрѣ и его

ближайшихъ преемникахъ, слободско-украинское дворянство не проявило въ наказахъ ни желанія удержать ихъ, ни попытки замѣнить ихъ чѣмъ нибудь другимъ, болѣе подходящимъ къ условіямъ времени.

О внутренней автономіи дворянскіе указы безмолвствуютъ, хотя она существовала еще 3 года тому назадъ и хотя сама императрица вскорости даровала всѣмъ дворянамъ и горожанамъ значительныя привилегіи по части сословнаго и мѣстнаго самоуправленія.

Сравнивая указы слободскоукраинскаго дворянства съ дворянскими указами другихъ губерній, мы замѣчаемъ, что наибольшее сходство, по своему содержанію, они имѣютъ съ малороссійскими; но эти послѣдніе далеко превосходятъ ихъ опредѣленностью, ясностью пожеланій во всѣхъ отношеніяхъ и особенно въ политическомъ и культурно-просвѣтительномъ. Съ другими-же, русскими указами

харьковскіе сближаются только въ тѣхъ пунктахъ, которые касаются общихъ вопросовъ—напримѣръ, гражданскаго процесса, врачебнаго дѣла, просвѣщенія, хотя и здѣсь содержаніе ихъ довольно блѣдное.

Въ заключеніе вообще можно сказать, что указы харьковскаго дворянства носятъ на себѣ печать переходнаго состоянія, которое переживалъ край и все общество; этимъ объясняется ихъ блѣдность, неопредѣленность, умолчанія о томъ, что не могло не волновать всѣхъ, неясность редакціи, оппортюнизмъ—въ этомъ ихъ наиболѣе характерная особенность и отличіе отъ другихъ. Но все таки, какъ мы видѣли, сами по себѣ они очень интересны для характеристики современнаго общества, его нуждъ и желаній.

Харьковскій городской голова Егоръ Егорьевичъ Урюпинъ.

I.

Нерѣдко въ наши дни приходится слышать жалобы на недостатокъ у насъ такихъ общественныхъ дѣятелей, которые были бы преданы безкорыстно своему дѣлу и въ тоже время обладали всѣми необходимыми для него данными. Въ городахъ, считающихъ у себя болѣе сотни тысячъ жителей, въ центрахъ науки и образованія избиратели подъ часъ не знаютъ, кого имъ выбрать въ городскіе представители, или, сдѣлавъ такой выборъ, потомъ раскаиваются и упрекаютъ себя въ опрометчивости. Въ высшей степени почтенная задача предстоитъ теперь хозяину города, блюстителю его общественныхъ интересовъ — городскому головѣ: онъ много можетъ сдѣлать для его роста и процвѣтанія въ хо-

зайствено - экономическомъ, умствен-
номъ и даже нравственномъ отноше-
ніи. Конечно, его дѣло очень трудное
и сложное, какъ сложна и самая
жизнь въ наше время. Но онъ имѣетъ
сотрудниковъ, раздѣляющихъ съ нимъ
работу; на помощь ему приходитъ так-
же цѣлая коллегія гласныхъ, среди
которыхъ имѣются знатоки и специа-
листы по разнымъ отраслямъ званія
и практической жизни. Городское са-
моуправленіе существуетъ уже болѣе
столѣтія—основаніе ему положено зна-
менитой жалованной грамотой Екате-
рины II-й 1785 года; въ такой зна-
чительный промежутокъ времени долж-
на была уже выработаться извѣстная
традиція—вкусъ, привычка и опыт-
ность въ дѣлѣ городского самоуправ-
ленія; важнымъ коррективомъ его яв-
ляются также съ одной стороны выс-
шія инстанціи, а съ другой пресса и
общественное мнѣніе—они часто пре-
дохраниаютъ отъ возможныхъ ошибокъ

и увлеченій; благодаря гласности и печати теперь гораздо легче, чѣмъ прежде, сдѣлать оцѣнку всякаго общественнаго дѣятеля, а въ томъ числѣ и городского головы—и заслуги подобныхъ лицъ рѣдко когда не отмѣчаются даже благодарными современниками.

Въ старину положеніе такого общественного дѣятеля, какъ городской голова, было совсѣмъ иное (мы беремъ конецъ XVIII вѣка—первыя 15 лѣтъ послѣ изданія жалованной городской грамоты). Городское хозяйство и управленіе были, конечно, гораздо проще, чѣмъ теперь; но за то и идея общественности, можно сказать, только что нарождалась среди городского населенія, благодаря новымъ сословнымъ учрежденіямъ Екатерины II. И какъ слабо было городское сословіе сравнительно съ могущественнымъ дворянствомъ, въ особенности, когда это послѣднее являлось въ образѣ

гражданскаго или военнаго чиновничества! Настоящую силу представляла изъ себя тогда въ сущности только одна бюрократія. Грозное царствование Императора Павла не могло развить учрежденій, возникшихъ при его матери, тѣмъ болѣе, что, какъ извѣстно, онъ сильно не сочувствовалъ всѣмъ ея начинаніямъ и реформамъ; дач могли ли процвѣтать подобныя кнурженія, когда все общество какъ бы оцѣпенѣло въ какомъ то ужасѣ, видя страшныя проявленія безпричиннаго царскаго гнѣва. Золотой вѣкъ надеждъ наступилъ съ воцареніемъ Императора Александра I, и этимъ моментомъ постарались воспользоваться разные мѣстные общественные дѣятели, чтобы добиться для себя кое какихъ облегченій и льготъ; слѣдомъ за другими пошли и представители городскихъ обществъ. Но и въ это время все еще не было текущей прессы, а общественное мнѣніе только что

стало пробуждаться, стремленіе къ общественной дѣятельности было не велико и различныя общественныя предприятия обязаны были своимъ происхожденіемъ отдѣльнымъ, энергичнымъ, предприимчивымъ лицамъ, которыя принимали на себя инициативу и доводили до конца задуманное дѣло. Конечно, такіе люди заслуживаютъ особой похвалы, потому что они на своихъ плечахъ должны были выносить всю тяжесть борьбы и только въ самихъ себѣ могли находить запасъ нравственныхъ силъ, чтобы побороть равнодушіе однихъ и противодѣйствіе другихъ. Къ числу такихъ замѣчательныхъ общественныхъ дѣятелей, — стойкихъ, честныхъ, талантливыхъ, принадлежалъ и Харьковскій городской голова Егоръ Егорьевичъ Урюпинъ, которому и посвящается настоящій этюдъ.

Изучая прошлую общественную жизнь, невольно поражаешься незначительнымъ

числомъ положительныхъ типовъ, свѣтлыхъ и симпатичныхъ дѣятелей. И это явленіе въ одинаковой степени характерно какъ для великорусской, такъ и для малорусской старины. Неутомимый исследователь южнорусскаго стародавняго быта А. М. Лазаревскій представилъ намъ цѣлую галерею историческихъ дѣятелей старой Малороссіи—и почти всѣ они выступаютъ передъ нами съ темными отрицательными чертами характера и дѣятельности. Не на комъ отдохнуть взору наблюдателя: некого взять образцомъ и примѣромъ для настоящаго.

Спрашивается: неужели и въ дѣйствительности въ старину почти не было такихъ дѣятелей, которые бы безкорыстно служили общественнымъ интересамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выдѣлялись бы изъ окружающей среды нравственными чертами своего характера? Мы думаемъ, что хорошихъ, честныхъ дѣятелей и въ прежнее время

было не мало; но только исторія не сохранила о нихъ никакихъ свѣдѣній. И это объясняется главнымъ образомъ нѣкоторою односторонностью историческихъ архивныхъ матеріаловъ: основнымъ источникомъ для бытовой исторіи являются судебныя дѣла— а они рисуютъ намъ жизнь и дѣятельность разныхъ лицъ съ отрицательной стороны; панегирики, или вообще „описанія дѣяній“ выпадали на долю немногихъ (преимущественно военныхъ героев); а мирная гражданская дѣятельность, въ особенности на скромныхъ постахъ въ провинціи, не находила себѣ печатной оцѣнки и памятники ея мирно покоятся въ архивахъ, до тѣхъ поръ пока до нихъ случайно не дотронется рука современнаго историка. Мы намѣрены представить нѣсколько такихъ положительныхъ типовъ изъ бытовой исторіи слободской Украины въ самомъ началѣ XIX вѣка и вызвать изъ забвенія память

этихъ лицъ, тѣмъ болѣе, что дѣятельность ихъ не была оцѣнена современниками. Пусть же по крайней мѣрѣ воздасть должное имъ потомство.

25 января 1895 года я получилъ отъ уважаемаго попечителя харьковскаго учебнаго округа Николая Павловича Воронцова-Вельяминова одинъ документъ, касающійся Е. Е. Урюпина, при письмѣ слѣдующаго содержания. „Въ день университетскаго акта, 17 января, былъ полученъ мною конвертъ на мое имя съ надписью: „если возможно, заглянуть въ него сейчасъ“. По вскрытіи конверта, въ немъ оказались прилагаемыя при семъ 1) записка безъ подписи ея автора и 2) копія сенатскаго постановленія по дѣлу о пожалованіи Высочайшимъ указомъ 30 января 1803 года харьковскаго городского головы Егора Урюпина въ коллежскіе секретари „за содѣйствіе—между прочимъ—въ предположенномъ заведеніи въ Харьковѣ

университета“. Не зная автора записки и догадываясь лишь по слухамъ, что записка и документъ принадлежатъ г-жѣ Б—ой, у которой, вѣроятно, найдутся, какъ видно изъ записки, и другіе еще документы, относящіеся до заслугъ Урюпина, я считаю своимъ долгомъ препроводить конвертъ съ запискою и документомъ въ ваше распоряженіе, какъ матеріаль для предпринятаго и исполняемаго уже вами труда по исторіи Харьковскаго университета“.

Безъимянная записка гласила слѣдующее: „все Каразинъ да Каразинъ—нигдѣ ни словечка объ Урюпинѣ. Развитой, безкорыстный, онъ забылъ всѣ свои торговыя операціи, обязанности семьянина и весь отдался интересамъ г. Харькова. Онъ дважды ѣздилъ хлопотать объ открытіи университета. Къ несчастью за серьезной болѣзью не могу сейчасъ отыскать—1) письмо отъ университета Урюпину, съ просьбой

доставить въ университетъ свой портретъ, 2) благодарность университета за доставку портрета, 3) документъ о дарованіи дворянства Урюпину съ перечисленіемъ всѣхъ его заслугъ. Дочь Урюпина (дѣвица) 94 лѣтъ умерла 2 года назадъ, замѣчательно интересная личность; жила въ страшной нищетѣ; моей малой помощи не хватало ей, но по моей просьбѣ б. городской голова г. Фесенко ей выхлопоталъ 20 р. ежемѣсячной помощи отъ города“.

Мы чрезвычайно признательны глубокоуважаемому Николаю Павловичу Воронцову Вельяминову за то, что онъ далъ возможность намъ воспользоваться неизданнымъ документомъ объ Урюпинѣ и любопытнымъ письмомъ неизвестной корреспондентки. Пользуясь настоящимъ случаемъ, я печатно обращаюсь къ ней съ покорнѣйшей просьбой сообщить мнѣ все, что ей известно объ Е. Е. Урюпинѣ и преж-

де всего, разумѣется, доставить тѣ 3 документа, о которыхъ говорится въ письмѣ; не менѣе, если не болѣе интересны могли бы быть и тѣ данныя, которыя лично извѣстны г-жѣ корреспонденткѣ изъ рассказовъ дочери Урюпина о своемъ отцѣ. О частной жизни Урюпина мы не знаемъ ничего— намъ неизвѣстно даже, когда онъ родился и умеръ, каково было его семейное и матеріальное положеніе. Въ письмѣ неизвѣстной корреспондентки говорится о поѣздкахъ Урюпина въ Петербургъ по дѣлу объ учрежденіи въ Харьковѣ университета, а доступные намъ источники объ этомъ не говорятъ ни слова.

Замѣчаніе корреспондентки, что до сихъ поръ никто не говорилъ объ Урюпинѣ, а всѣ писали только о В. Н. Каразинѣ—несовсѣмъ справедливо: о его дѣятельности сообщилъ нѣсколько интересныхъ фактовъ исследователь харьковской старины г.

Устиновъ въ своей статьѣ „Харьковъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія“;*) его роли въ дѣлѣ основанія Харьковскаго университета коснулся и я въ 1-мъ выпускѣ своего „Опыта исторіи харьковскаго университета“ X. 1894, стр. 75—81; затѣмъ извѣстны были два письма къ нему старчика Григорія Саввича Сковороды. Эти отрывочныя свѣдѣнія правда не давали полнаго понятія о полезной общественной дѣятельности Е. Е. Урюпина; но и они все-таки указывали на него, какъ на выдающагося человѣка. Работая надъ исторіей Харьковскаго университета, я не могъ не обратить вниманія на роль Урюпина въ дѣлѣ основанія университета и постарался воздать должное и В. Н. Каразину, и Е. Е. Урюпину — *suum cuique tribuere*. Въ это же время мнѣ удалось найти и портретъ его (насланы

*) Харьк. Календ. на 1886 г.; ср. также его „Харьк. стар.“ (X. Г. В. 1878 г.).

ми красками) въ университетскомъ музеѣ изящныхъ искусствъ. Къ сожалѣнію, онъ очень плохо сохранился, такъ что требуетъ значительной реставраціи. Тѣмъ не менѣе я указалъ на него нынѣшнему г. харьковскому городскому головѣ И. Т. Голенищеву-Кутузову, который рѣшилъ собрать портреты всѣхъ прежнихъ харьковскихъ городскихъ головъ и поставить ихъ въ залѣ думскихъ засѣданій—и портретъ Урюпина, по его распоряженію, срисованъ въ большомъ видѣ художникомъ г. Данилевскимъ. Портретъ этотъ былъ пожертвованъ университету Натальей Егоровной Урюпиной, какъ это видно изъ опредѣленія правленія отъ 21 февраля 1878 года (Бумаги правленія № 457, мая 1878 г.; ст. 139; № матеріальной книги 1712).

Письмо неизвѣстной корреспондентки дало дальнѣйшій толчекъ моимъ поискамъ—я отправился въ архивъ харьковской городской думы и, затребо-

вавъ тамъ протоколы ея за 1800—1801 годы, нашелъ въ нихъ не мало новыхъ данныхъ для характеристики Е. Е. Урюпина, какъ дѣятеля по городскому управленію. Но я долженъ здѣсь же сознаться, что извлекъ изъ архива городской думы далеко не всѣ матеріалы объ Е. Е. Урюпинѣ. Дѣло въ томъ, что бумаги эти не описаны и хранятся не въ зданіи думы, а въ особомъ помѣщеніи (подвальномъ этажѣ биржеваго зала), и вслѣдствіе этого пользоваться ими не совсѣмъ удобно. *)

---

*) Мы полагаемъ, что въ интересахъ разработки исторія Харькова вообще и харьковского городского самоуправления въ частности, желательно было бы передать всѣ старыя дѣла харьковской городской думы (хотя бы съ 1785 г. по 1825 годъ) въ историческій архивъ при Харьковскомъ университетѣ, въ которомъ теперь уже сосредоточены архивы многихъ присутственныхъ мѣстъ г. Харькова и харьковской губерніи. Дѣла эти не нужны для

II.

Бросимъ теперь бѣглый взглядъ на г. Харьковъ въ исходѣ XVIII и первыхъ годахъ XIX вѣка. Основанный въ половинѣ XVII ст. вы-

текущихъ справокъ и представляютъ въ настоящее время только одинъ историческій интересъ и потому имъ естественно находится среди другихъ аналогичныхъ историческихъ документовъ, чѣмъ бытъ погребенными въ нынѣшнемъ помѣщеніи, которое при томъ очень скоро переполнится текущими бумагами; а если бы, сверхъ чаянія, оказалось необходимымъ навести въ нихъ какую нибудь справку, то это еще удобнѣе будетъ сдѣлать въ новомъ мѣстѣ, гдѣ къ нимъ будутъ составлены указатели. Въ учрежденныя, по Высочайшему повелѣнію, въ разныхъ городахъ губернскіе историческіе архивы передаются теперь всѣ старыя дѣла мѣстныхъ правительственныхъ и общественныхъ учреждений; харьковскій же историческій архивъ, хотя находится въ нѣсколько иномъ положеніи (заключаетъ въ себѣ документы нѣсколькихъ губерній и состоитъ при университетѣ), но въ тоже

ходцами изъ Заднѣпровской Украйны, Харьковъ въ теченіи столѣтія оставался однимъ изъ пяти полковыхъ казацкихъ городовъ Слободской Украйны. Въ 1765 году Слободскіе полки были преобразованы въ Слободскоукраинскую губернію, а Харьковъ сдѣланъ губернскимъ городомъ, и хотя въ 1780 она была переименована въ намѣстничество, но въ 1797 г. снова объявлена губерніей. Какъ бы то ни было, Харьковъ долго еще носилъ слѣды своего прежняго военнаго быта, не смотря на то, что въ теченіе послѣднихъ 36 лѣтъ XVIII вѣка

время соотвѣтствуетъ и губернскимъ архивамъ, (ибо заключаетъ въ себѣ огромную серію матеріаловъ по харьковской губ.), съ тою только разницею, что мѣсто ученой архивной коммисіи занимаетъ здѣсь историко-филологическое общество, въ вѣдѣніи котораго онъ и находится. Въ него, слѣдовательно, и должны поступать на храненіе старыя дѣла разныхъ учреждений.

въ немъ произошло много перемѣнъ и онъ замѣтно измѣнился какъ въ своемъ наружномъ видѣ, такъ и въ отношеніи своего населенія. На рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ въ немъ даже въ самомъ центрѣ сохранялись еще остатки прежнихъ, нѣкогда значительныхъ укрѣпленій. Но эти башни, стѣны и валы все болѣе и болѣе разрушались и получали новое, теперь уже мирное назначеніе—превращались въ мѣста для торговли; возлѣ деревяннаго тына прежней крѣпости (острога) на Московской улицѣ также пріютились лавочки и навѣсы (таши). Предѣлы тогдашняго Харькова были весьма незначительны: тамъ, гдѣ теперь садъ „Баварія“, были уже болота съ дичью и одно изъ нихъ слыло даже „озеромъ“. За Дмитриевскою церковью по Екатеринославской улицѣ тянулось по правую сторону до Холодной горы владбище, а по лѣвую находилась *слобода* Гончаровка; гдѣ те-

перь Екатеринивославскіе скверы, тамъ за городскими воротами было озеро, изъ котораго брали воду для питья; берега его были обсажены деревьями, а черезъ него перекинуть мостъ. Нынѣшняя Ключковская улица представляла тогда изъ себя *хуторъ* Ключки, а Панасовка-предмѣстье того же имени. Городъ дѣлился на три части—центральную, залопанскую и занетечинскую; каменныхъ строеній въ немъ было очень мало. Это были по большей части общественныя зданія: 8 церквей, коллегіумъ, губернаторскій и вице-губернаторскій домъ, недоконченный постройкой корпусъ присутственныхъ мѣстъ, гостинный дворъ съ лавками, губернское правленіе, городская полиція, дворянскій домъ, хлѣбный магазинъ, главное народное училище, магистратъ, аптека съ лабораторіей приказа общественнаго призрѣнія, самый приказъ и больница, домъ сумасшедшихъ и губернской почтамтъ;

сверхъ того, было еще нѣсколько каменныхъ домовъ и у частныхъ лицъ. Всѣ остальные зданія (въ томъ числѣ 2 церкви—Дмитріевская и Воскресенская) были деревянные, крытыя по большей части соломою, отчасти черепицею или гонтомъ; дома снаружи обыкновенно не штукатурились, а обмазывались глиною и бѣдились мѣломъ. Хотя постройки должны были происходить по плану, но такъ какъ онъ былъ утвержденъ недавно, то большой правильности въ нихъ не было; улицы не имѣли постоянныхъ названій, за исключеніемъ нѣсколькихъ самыхъ главныхъ, которыя впрочемъ назывались дорогами—Екатеринославская, Московская и Сумская. О деревенскомъ, такъ сказать, характерѣ города свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что въ предѣлахъ его были плотины и три водяныхъ мельницы, построенныя съ давняго времени и приносявшія значительный доходъ ихъ

владѣльцамъ. Въ городѣ была страшная грязь, масса навозу и вообще нечистота, противъ которыхъ вели тщетную борьбу мѣстные губернаторы. Харьковская грязь того времени представляла нѣчто по истинѣ изумительное, изъ ряда вонъ выходящее: она ужасала даже вполне привычныхъ къ ней русскихъ людей, не говоря уже объ иностранцахъ; проѣздъ по улицамъ былъ не только затруднительный, а прямо таки подъ часъ невозможный; изъ окружающихъ селеній не могли подвозить въ городъ съѣстныхъ припасовъ и вслѣдствіе этого въ немъ наступала дороговизна; ѣхавшіе тонули въ грязи. Напрасно губернаторы всячески понуждали городскую думу позаботиться о замощеніи города фашинникомъ; уже послѣ учрежденія въ Харьковѣ университета для профессоровъ и студентовъ существовали такъ называемые „грязные каникулы“ (*feriae luti*), когда чтеніе лекцій

должно было прекращаться по случаю невылазной, лежавшей на улицахъ, грязи. Въ 1799 году въ Харьковѣ было 1983 дома и 10000—12000 жителей обоого пола. Въ составѣ ихъ преобладали не купцы и ремесленники, а войсковые обыватели и крестьяне, составлявшіе главный контингентъ сельскаго населенія Украйны. Вслѣдствіе этого земледѣліе и другіе деревенскіе промыслы являлись виднымъ занятіемъ большинства его гражданъ. Впрочемъ, благодаря своимъ ярмаркамъ, Харьковъ былъ въ то же время и первымъ торговымъ центромъ въ своемъ краѣ. И тогда было уже въ немъ 4 ярмарки (тѣ же что и теперь), обороты которыхъ считались милліонами рублей. Купцовъ всѣхъ трехъ гильдій было 166 человекъ, большая часть которыхъ была великорусскаго происхожденія, но видную роль въ торговлѣ играли и представители и другихъ сословій. Цеховыхъ было

обоего пола 556 душъ; евреевъ 28 чел., изрощиковъ 17; книжная лавка 1; ювелиръ 1; глазной лекарь 1. Заводская дѣятельность была развита очень слабо.

Бюджетъ Харькова былъ очень скромный — равнялся 10000 р. асс.; но жители помимо денежныхъ взносовъ были сильно обременены еще натуральными повинностями. въ особенности военными постоями, которые сдѣлались совершенно невыносимыми въ царствованіе Императора Павла. „Постоянная повинность, говоритъ г. Устиновъ, въ высшей степени обременительная по своимъ размѣрамъ, дѣлалась еще невыносимѣе вслѣдствіе неравномернаго и пристрастнаго ея распредѣленія. Несмотря на то, что законъ прямо требовалъ размѣщенія военныхъ чиновъ по всѣмъ обывательскимъ дворамъ безъ исключенія, размѣщали ихъ только по дворамъ бѣд-

нѣйшихъ и безчиновныхъ. Понятно, что при несоразмѣрно большомъ составѣ квартировавшихъ тогда въ Харьковѣ войскъ и при относительно незначительномъ числѣ жилыхъ домовъ въ городѣ, постои, соединенные съ обязанностью давать еще даромъ дрова, свѣчи и т. п. могли разорить въ конецъ и безъ того небогатыхъ горожанъ тогдашняго Харькова“. Для расквартированія въ городѣ войскъ предположено было устроить казармы, но вмѣсто этого попрежнему размѣщали ихъ на частныхъ квартирахъ, а для командировъ и офицеровъ было приобретено нѣсколько большихъ домовъ, меблированныхъ и снабженныхъ дровами на городской счетъ. Въ Харьковѣ, въ царствованіе Императора Павла, было множество заставъ, шлагбаумовъ, будокъ, гауптвахтъ, ордонансъ гаузовъ—и онъ имѣлъ тогда совершенно военный видъ.

Въ 1785 году Харьковъ получилъ жалованную городскую грамоту и въ немъ началъ дѣйствовать цѣлый рядъ учрежденій и лицъ, на обязанности которыхъ лежала забота о городскомъ благоустройствѣ; это были губернаторы, полиціймейстеры, губернское правленіе, городской магистратъ, шестигласная дума подѣ предсѣдательствомъ городского головы, цеховыя управленія. Они должны были устроить полицію, пожарный обозъ, мостовыя, освѣщеніе. Особенно много сдѣлалъ для этого послѣдній намѣстникъ Харьковскаго намѣстничества А. Леванидовъ (съ 1793 по 1796 г.); онъ склонилъ всѣхъ гражданъ г. Харькова назначить добровольный взносъ на содержаніе пожарнаго обоза и замощеніе улицъ. Полицейскія обязанности лежали на городничемъ и смотрителяхъ; первый получалъ жалованья 300 р. асс. въ годъ, вторые по 200 р. асс.

Городская шестигласная дума находилась въ сильнѣйшей зависимости отъ мѣстной администраціи. „Она ничего не смѣла сдѣлать безъ позволенія или приказанія: на самомъ дѣлѣ городскимъ хозяйствомъ распоряжалось губернское правленіе. При томъ правительственная опека надъ всѣмъ подчинила торговлю и городскую промышленность совершенному произволу полиціи.... Точное исполненіе и тогда уже безчисленныхъ правилъ о торговлѣ было до того невозможно, что городничій имѣлъ полную возможность во всякое время запереть всѣ лавки на „законномъ основаніи“, отчего купцы и мѣщане были совершенно безгласными; ихъ головы и гласные даже иногда находились въ дѣйствительномъ подчиненіи у секретарей губернскихъ канцелярій. Ратманы въ полиціи исполняли только приказанія городничаго, не смѣя подать голоса, и исправляли иногда долж-

ности сторожей; засѣдатели въ тогдашнихъ палатахъ и судахъ также ничего не значили и, наконецъ, собранія этихъ сословій имѣли право обсуждать только то, что прикажетъ начальство“. Городское самоуправленіе было такимъ только по своему названію. Наконецъ, страшною язвою тогдашняго времени было взяточничество, которое царило вездѣ и въ администраціи, и въ судѣ.

И такое явленіе было тогда весьма распространеннымъ во всей Россіи, какъ это доказано академикомъ Н. Ѡ. Дубровинымъ на основаніи многочисленныхъ печатныхъ и неизданныхъ матеріаловъ (последніе извлечены имъ изъ архива министерства внутреннихъ дѣлъ*). „Губернаторы, писалъ се-

---

*) „Наполеонъ I въ современномъ ему русскомъ обществѣ и въ русской литературѣ“ („Русскій Вѣстникъ“ 1895, іюнь.)

наторъ Ключаревъ (во всеподданнѣйшей запискѣ) съ намѣреніемъ возбуждаютъ доносы, сами дѣлаются доносителями для пристрастныхъ пользъ и тѣснятъ хладнокровно несчастныхъ, погружаясь въ распутство и неблагопристойныя празднества съ палъбою и иллюминаціями, изъ чего ясно обнаруживаютъ народу, что они живутъ и веселятся на счетъ тайныхъ, а часто и явныхъ взятокъ“. „По ненависти и мщенію губернаторы возбуждали дѣла черезъ своихъ угодниковъ, тянули ихъ нѣсколько лѣтъ и во все это время держали обвиняемаго въ заключеніи. Если уголовная палата рѣшала дѣло не пожеланію губернатора, то онъ не стѣсняясь давалъ предложеніе перерѣшить его. Это вело къ тому, что многіе председатели палатъ, какъ гражданской, такъ и уголовной, предпочитали составленныя ими по дѣламъ резолюціи приносить губернатору на предварительное разсмотрѣніе и рѣ-

шать по его указанію“ *). Академикъ Н. Ѳ. Дубровинъ приводитъ отрывокъ изъ „Ябеды“ Капниста

Господиць гражданскій предсѣдатель
Есть сущій истины Іуда и предатель,
Что и ошибкой онъ дѣль прямо не
вершилъ...

Но вѣщшую его супруга дань дереть“,

и потомъ прибавляетъ: „эта дань львиною долею поступала къ губернаторамъ не только отъ предсѣдателей палаты, но отъ судей, полицмейстеровъ, исправниковъ и вообще отъ всѣхъ уѣздныхъ и земскихъ властей. Поэтому честные дворяне всѣми средствами уклонялись отъ выборовъ въ судьи и исправники, зная, что они должны платить ежегодно подати губернаторамъ, ихъ секретарямъ и совѣтникамъ правленія, а для этого собирать народъ, гдѣ можно и гдѣ случай дозво-

---

*) Ibidem, стр. 6.

лить. Если выбранные дворянствомъ лица пытались поступить по совѣсти, то не избѣгали гоненій губернаторовъ и даже были предаваемы суду подъ какимъ либо предлогомъ.*) Н. Витовтовъ писалъ государю, что подъ игомъ полиціи народъ стонетъ во всемъ государствѣ**). Самъ Императоръ писалъ: „изъ доходящихъ къ Намъ безпрестанно слуховъ съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ заключаемъ, что *нагубное лихоимство или взятки* въ Имперіи Нашей не только существуютъ, но даже распространяются между тѣми самими, которые бы гнушаться ими и всемѣрно пресѣкать ихъ должныствовали“***). Само собою разумѣется, что бывали и противоположныя явленія — попадались честные, хорошіе администраторы и судьи, но, къ сожалѣнію, довольно рѣдко.

*) Ibidem, стр. 7.

***) Ibidem, стр. 21.

****) Ibidem, стр. 18.

III.

Въ такое время и при такихъ условіяхъ пришлось дѣйствовать Егору Егорьевичу Урюпину. Е. Е. Урюпинъ принадлежалъ къ городскому купеческому сословію, но средства его были болѣе, чѣмъ скромныя—у него было свидѣтельство 3-й гильдіи. При томъ постоянная общественная дѣятельность отвлекала его отъ занятій торговыми дѣлами; и неудивительно поэтому, что дочь его впослѣдствіи жила и умерла въ полной бѣдности. Изъ его собственнаго прошенія мы узнаемъ, что онъ прекрасно подготовилъ себя къ роли городского головы предшествующею общественною службою: съ 1787 по 1790 г. онъ былъ, по выборамъ харьковскихъ купцовъ и мѣщанъ, бургомистромъ въ Харьковскомъ магистратѣ, а съ 1790-го по 1796-й годъ—засѣдателемъ губернскаго магистрата; затѣмъ былъ избранъ гласнымъ городской думы и, наконецъ, городскимъ

головою. Въ роли городского головы онъ выступаетъ передъ нами, какъ необычайно свѣдущій законникъ, смѣлый поборникъ правды, всецѣло преданный интересамъ города дѣятель. Чтобы убѣдиться въ этомъ, остановимся на нѣсколькихъ типическихъ примѣрахъ.

Дѣятельность Е. Е. Урюпина въ качествѣ городского головы характеризуется постоянною заботою о нуждахъ и благосостояніи роднаго ему Харькова. 31 января 1800 г. все засѣданіе думы было посвящено вопросу о городскомъ благоустройствѣ. „Разсуждали о томъ, что городъ не имѣетъ въ удобномъ мѣстѣ городскихъ мѣръ и вѣсовъ, а городское общество—дома для своихъ собраній и помѣщенія архива, и прочаго для него потребнаго—амбаровъ, магазиновъ, лавокъ для продажи съѣстныхъ припасовъ. Хотя изъ дѣлъ думы и видно было, что все это разрѣшилъ уст-

роить покойный ген.-пор. Дм. Авт. Норовъ на томъ мѣстѣ, гдѣ иногородные маркитанты торговали квасомъ и сбитнемъ, но это рѣшеніе не было приведено въ исполненіе; между тѣмъ все это было и нужно, и полезно для города. Въ виду этого дума постановила ходатайствовать передъ губернаторомъ П. Ѳ. Сабуровымъ о разрѣшеніи указанныхъ построекъ на счетъ городскихъ доходовъ. Подписали—городской голова и гласные Гр. Яковенко, Максимъ Бутовъ, Иванъ Жила, Ѳед. Шумейковъ, Петръ Манулинъ, Ив. Радченко, Сем. Репинъ“. Въ своемъ разъясненіи губернатору дума прибавляла, что она предполагаетъ выстроить для себя каменный домъ, который бы удовлетворялъ ея нуждамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, служилъ бы украшеніемъ города. Сенаторамъ-ревизорамъ, Ив. Ив. Куселеву и Ив. Алексѣевичу Алексѣеву въ томъ-же 1800-мъ году дума рѣшила указать на слѣ-

дующія городскія нужды: 1) городъ не имѣеть выгона; 2) гостиннаго мѣщанскаго двора, который требуется и жалованной городской грамотой (хотя гостинный дворъ въ Харьковѣ и былъ, но имъ владѣли не мѣщане, несшіе всѣ денежныя и натуральныя повинности, а церкви, казна, дворяне и духовенство), 3) у него нѣтъ гостиннаго ряда въ центральной части (тутъ лавки разныхъ частныхъ лицъ); 4) нѣтъ также своего дома и архива, которые требуются 39 § жалованной грамоты; 5) нѣтъ амбаровъ, магазиновъ, лавокъ для продажи съѣстныхъ припасовъ, требуемыхъ 167 § жалованной грамоты; для постройки ихъ были удобныя городскія мѣста, но они были розданы начальствомъ дворянамъ и другимъ лицамъ, кои, застроивъ ихъ, стали получать значительный доходъ; 6) отводъ квартиръ для войскъ долженъ зависѣть не отъ полиціи, а отъ маги-

страта; 7) городъ терпитъ недостатокъ въ чистой водѣ, для чего необходимо вырыть въ подходящемъ мѣстѣ колодезь; 8) нужны городскіе часы, чтобы каждый по нимъ зналъ время. Этимъ же сенаторамъ дума жаловалась на обремененіе города полицейскою повинностью.

Въ самомъ представленіи сенаторамъ эти положенія развивались подробнѣе. 154-мъ § жалованной грамоты, предписывается: если городовыя общества усмотрятъ что либо, необходимое къ общей пользѣ и къ украшенію города, то должны представить объ этомъ губернатору и ожидать его разрѣшенія, но губернское начальство, считая себя неограниченно дѣйствующимъ въ городскомъ хозяйствѣ, не ожидало отъ думы представлений, а, основываясь на архитекторской смѣтѣ, строило, что хотѣло, а если когда либо и бывали отъ думы представленія для пользы города, то они оставались

безъ должнаго уваженія, почему и положеніе города не улучшилось. Въ-сто же того губернское начальство тратило городскія деньги по своему произволу: покупало у гражданскихъ чиновниковъ подъ видомъ общей городской пользы по высокой цѣнѣ деревянныя дома, будто бы для полковыхъ командировъ, а на самомъ дѣлѣ тамъ стояли и стоятъ тѣ самыя лица, у которыхъ эти дома куплены (какъ-то г. Мордвиновъ и г. прокуроръ Чайковскій); оно обратило ихъ въ квартиры, требуя при томъ отъ думы съ угрозами дровъ для отопленія ихъ изъ городскихъ доходовъ, вслѣдствіе чего городская дума, вопреки 39 § жалованной грамоты, понынѣ не имѣетъ еще дома для своихъ собраній и архива; оно распоряжается также домами гражданъ въ противность законовъ (13-й и 14-й главы устава главнаго магистрата, даннаго въ 1721 году 16-го января, 11-го пункта ин-

струкціи всѣмъ магистратамъ, данной въ 1724 г., 48 § наказа губ. 1728 г. и другихъ на сей случай узаконеній) почему городъ Харьковъ, находясь доселѣ въ полной зависимости отъ посторонней власти, не соблюдавшей должнаго порядка и очереди, не могъ достигъ цвѣтущаго состоянія, какого желалъ ему Монархъ. И хотя въ 1798 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о постройкѣ въ г. Харьковѣ для облегченія жителей отъ постоевъ казармъ и губернаторъ Тепловъ вслѣдствіе того получилъ изъ городскихъ доходовъ для этой цѣли 4338 руб. 33½ коп., но ни постройки казармъ не видно, ни денегъ до сихъ поръ въ городскую кассу не возвращено. Вияная сумма употреблялась также, по предписанію губернскаго начальства, не на тѣ нужды, на которыя она предназначена. 6-мъ отдѣленіемъ 167 § жалованной грамоты городской думѣ предписывается ста-

ратся о заведеніи и постройкѣ торговыхъ площадей, пристаней, амбаровъ, магазиновъ—всего того, что можетъ быть полезно и выгодно для города. Но это Монаршее соизволеніе не достигло своей цѣли, ибо губернское начальство вмѣсто того, чтобы содѣйствовать пользамъ города позволеніемъ строить такія доходныя зданія, пораздавало принадлежавшія городу мѣста безденежно лицамъ разнаго званія, не отбывающимъ городскихъ повинностей, а получающимъ теперь все таки доходы. И хотя городская дума дѣлала представленіе объ этомъ губернскому правленію, но не получила законнаго удовлетворенія. 7 § жалованной грамоты требуетъ, чтобы власть имущія лица и учрежденія не налагали на города новыхъ податей, службъ или повинностей; а буде кто станетъ требовать ихъ, въ противность указовъ, то на это долженъ жаловаться городской магистратъ сенату, который

съ своей стороны не можетъ увеличивать налоговъ безъ Высочайшаго разрѣшенія. Между тѣмъ слободскоукраинское губернское правленіе, указомъ отъ 5-го іюля 1799 года, велѣло городской думѣ и магистрату сообщать расчислить штаты для учреждаемой, на основаніи именнаго указа полиціи. Магистратъ и дума, соображаясь съ истинными потребностями города, составили такіе штаты и препроводили ихъ къ губернатору П. Ѳ. Сабурову. Но онъ, безъ всякаго объясненія мотивовъ, сдѣлалъ въ нихъ свои измѣненія, и, не извѣстивъ даже объ этомъ думу, — вмѣсто 2040 руб., назначилъ 2880 р., вмѣсто 2-хъ полицейскихъ частей въ городѣ три (присоединилъ пригородную слободу и опредѣлилъ для нея частнаго пристава и двухъ квартальныхъ надзирателей съ жалованьемъ изъ городскихъ доходовъ), вмѣсто 120 р. на освѣщеніе поставилъ 700 р. Городская дума, видя

такое измѣненіе составленнаго ею положенія, вошла съ запросами въ губернское правленіе, — на какомъ основаніи оно сдѣлано, когда его превосходительству губернатору подтверждено было указомъ сената (26 января 1800 года) сообразоваться при устройствѣ полиціи въ Харьковѣ съ Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 14 мая 1799 г. Но на это послѣдовалъ отвѣтъ думѣ, чтобы она не обращалась впередъ въ губернское правленіе съ такими „недѣльными“ представленіями, затрудняющими только высшее начальство перепискою, подѣ угрозою не только одного денежнаго штрафа, но и преданія суду. Городская дума, считая это новое „положеніе“ въ высшей степени отяготительнымъ для гражданъ г. Харькова и въ тоже время опаснымъ, такъ какъ оно сдѣлано единственно изъ сознанія своей власти, а не въ интересахъ дѣла, проситъ гг. ревизоровъ, посланныхъ Монархомъ для

насажденія справедливости и защиты слабыхъ, возстановить законное право города или отнестись съ этимъ куда нужно, и быть мощными ходатаями за харьковскихъ гражданъ (30 мая 1800 года).

Отсюда мы видимъ, что главная забота Е. Е. Урюпина была обращена на то, чтобы поднять матеріальное благосостояніе харьковскихъ горожанъ и доставить имъ фактическую возможность пользоваться тѣми привилегіями, которыя предоставляла имъ жалованная грамота. Городское сословіе въ Харьковѣ было слабо, запугано, забито; состоя изъ различныхъ общественныхъ слоевъ, съ неодинаковыми экономическими интересами, оно не представляло изъ себя тѣсно сплоченной, сильной корпораціи. И вотъ Урюпинъ старается поднять его общественный духъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возстановить права, которыя имѣли важное экономическое значеніе, но

были нарушены представителями других болѣе сильныхъ группъ. Купечество подняло теперь голову и стало входить въ думу съ челобитьями о восстановленіи своихъ торговыхъ привилегій. Такъ по указу 1794 г. евреямъ было запрещено жить въ Харьковѣ. (Они могли проживать только въ минской, ярославской и др. губ. сѣв.-зап. края). Между тѣмъ они съ давнихъ поръ имѣли тутъ осѣдлость, занимались торговлей, мѣщанскими промыслами и ремеслами; нѣкоторые изъ нихъ даже какимъ-то образомъ поцали въ ремесленные цехи. Къ этимъ евреямъ являлись во время ярмарокъ другіе и разъѣзжали по губерніи, не платя никакихъ повинностей. Все это изложило въ своей жалобѣ харьковское купечество и просило объ освобожденіи его отъ такого вреднаго конкурента; затѣмъ здѣсь же указывалось на незаконную торговлю помѣщичьихъ

крестьянъ. Купцы 3-й гильдіи выступили съ жалобой на ктитора и причтъ соборной Успенской церкви, которые также наносили сильный ущербъ ихъ торговлѣ. „Подлѣ ограды соборной Успенской церкви, писали они, противъ гостиннаго двора, имѣются городскія мѣста, удобныя для постройки деревянныхъ подташекъ. Но мѣста эти, неизвѣстно на какомъ основаніи, захватилъ ктиторъ собора Литвиненко, и не допускаетъ насъ къ постройкамъ и отдаетъ ихъ на время ярмарокъ пріѣзжимъ великороссійскимъ купцамъ, а въ обыкновенное, не ярмарочное время, разночинцамъ, которые по закону не пользуются даже правомъ торговли. Мы въ Харьковѣ платимъ съ капиталовъ процентныя деньги (гильдію) и отбываемъ всѣ городскія повинности—а между тѣмъ не имѣемъ такихъ общественныхъ мѣстъ, гдѣ бы могли производить торговлю и потому принуждены ѣздить по другимъ

городамъ и селеніямъ на ярмарки и торжки; возвратившись же въ Харьковъ, хотя бы и желали вести въ немъ постоянную торговлю, не можемъ этого сдѣлать по указанной выше причинѣ и держимъ свои товары въ домахъ, въ своихъ складахъ, вслѣдствіе чего теряемъ капиталъ и лишаемся дневного пропитанія, посторонніе же купцы и разночинцы, пользуясь незаконно принадлежащими намъ мѣстами, обогащаются. Въ виду этого покорнѣйше просимъ харьковскую городскую думу объ отводѣ намъ, согласно законамъ, указанныхъ выше мѣстъ для постройки на нихъ деревянныхъ подташекъ противъ гостиннаго двора на разстояніи $\frac{1}{2}$ аршина отъ соборной ограды. (Подписали Гончаровъ, Гринченковъ, Ханайченковъ, Соловьевъ, Герасименковъ)...

Удобнымъ моментомъ для всякихъ челобитенъ было воцареніе юнаго государя Имп. Александра I-го. Начало

новаго царствованія было ознаменовано цѣлымъ рядомъ милостей и отмѣною тяжкихъ стѣснительныхъ распоряженій имп. Павла. Харьковъ переживалъ при воцареніи имп. Александра ужасный моментъ въ своей жизни. На него долженъ былъ обрушиться страшный гнѣвъ Павла Петровича за пасквиль, прибитый къ оградѣ Вознесенской церкви (объ этомъ эпизодѣ мы расскажем подробно въ біографіи свящ. Василія Фотіева, невинно здѣсь пострадавшаго). Гроза готова была разразиться надъ всѣми гражданами—какъ вдругъ полученъ былъ манифестъ о смерти Императора Павла, послѣдовавшей 12 марта 1801 г., и о восшествіи на престолъ Александра. Всѣ сословія г. Харькова отправили на коронацію своихъ депутатовъ: депутатомъ отъ городской думы и магистрата избранъ былъ Е. Е. Урюпинъ. Ему выдали свидѣтельство, что поведенія онъ „доб-

ропорядочнаго“ и порученное ему дѣло выполнить въ состояніи. Ему при этомъ былъ данъ наказъ о городскихъ нуждахъ; на путевые расходы купечество назначило для него по $\frac{1}{2}$ коп. со своихъ капиталовъ. Должность городского головы въ его отсутствіе исполнялъ купецъ Петръ Бѣляевъ. 1 сентября Е. Е. Урюпинъ былъ уже въ Москвѣ, присутствовалъ на коронаціи, поднесъ хлѣбъ-соль Государю и подалъ челобитную; возвратился въ Харьковъ онъ въ ноябрѣ, при чемъ представилъ думѣ отчетъ о своей поездкѣ. „По приговору, учиненному въ думѣ 19 авг. 1801 г., писалъ онъ тутъ, выдано было мнѣ серебряное блюдо для поднесенія Государю во время коронаціи въ Москвѣ. Блюдо это я, по существующему обычаю, велѣлъ вызолотить и обозначить въ срединѣ дна его рѣзьбою вензель Государя, а вокругъ сдѣлать гербъ города Харькова, т.-е. рогъ изобилія; сверхъ

того купилъ серебряную вызолоченую солонку и на нихъ преподнесъ 24 октября съ депутатами другихъ губерній хлѣбъ и соль Государю“. О подачѣ челобитной Е. Е. Урюпинъ далъ слѣдующій отчетъ: „будучи избранъ харьковскимъ обществомъ въ депутаты на коронацію и получивъ полномочіе отъ городской думы и магистрата представить данное мнѣ на Высочайшее имя прошеніе о городскихъ нуждахъ, пользахъ, недостаткахъ и тягостяхъ, я 7 октября представилъ его назначенному для этого дѣла тайному сов. Михаилу Никитичу Муравьеву“. Въ прошеніи же этомъ говорилось объ отводѣ г. Харькову выгонной земли, о предоставленіи винной откупной суммы въ непосредственное вѣдѣніе города (на основаніи 151—155 §§ жалованной грамоты), о принудительной продажѣ выстроенныхъ на городской землѣ разными владѣльцами лавокъ тѣмъ лицамъ, которыя имѣютъ право

вести торговлю, объ отводѣ квартиръ для воинскихъ постоевъ городовымъ магистратомъ (а не полиціей, какъ было раньше) или даже о полномъ освобожденіи отъ постоевъ, въ виду того, что Харьковъ всегда служилъ сборнымъ пунктомъ для войскъ; а если такой безпримѣрною милостью, прибавляли челобитчики, осчастливить насъ было бы невозможно, то по крайней мѣрѣ пусть на счетъ винной откупной суммы будутъ устроены для войскъ казармы, для которыхъ заготовлены были всѣ необходимые запасы еще при губернаторѣ Тепловѣ.

Взятничество представляло тогда обычное явленіе и выступать противъ него было очень рискованно: противъ такого „безпокойнаго“ человѣка обыкновенно вооружались всѣ, какъ противъ общаго врага, и въ концѣ концовъ такъ или иначе освобождались отъ него. Профессоръ Роммель въ своихъ воспоминаніяхъ, относящихся къ

1811—1812 г., передаетъ, что въ его время въ Харьковѣ брали взятки и предсѣдатель уголовной палаты, и врачебный инспекторъ, и полицмейстеръ. „Нерѣдко случалось, что когда предсѣдатель уголовной палаты, родомъ лифляндецъ, мастеръ пожить, ѣздилъ по городу съ приглашеніями, купцы бросали ему на дрожки разные подарки. Носились также слухи, что въ темныя ночи онъ высылалъ своихъ людей на фуражировку по сосѣднимъ садамъ“. „Другой оригиналъ былъ инспекторъ врачебной управы, который съ ничтожнымъ жалованьемъ въ 600 р. ас. держалъ роскошный открытый столъ. Тайна объясняется очень просто: отъ него зависѣло освидѣтельствованіе ежегодно поставляемыхъ помѣщиками рекрутъ (я видѣлъ однажды, какъ они бѣгали по двору совершенно нагіе); великодушно не досматривалъ онъ ихъ тѣлесныхъ недостатковъ, по мѣрѣ подарковъ. Relata

refero.! Полиціймейстеръ былъ обрусѣвшій нѣмецъ (по фамиліи Экъ). Слѣдующій случай, говоритъ Ромель, привелъ меня познакомиться съ нимъ: въ одну зимнюю ночь пропали обѣ мои курляндскія лошадки. Когда я сообщилъ объ этомъ полиціймейстеру, онъ спросилъ: „сколько жертвую я на это дѣло?“ Въ цѣнѣ мы скоро сошлись. Немедленно отраженъ былъ полицейскій чиновникъ, который на слѣдующую ночь нашелъ лошадей въ сосѣднемъ городѣ Богодуховѣ, взялъ ихъ прямо изъ конюшни воровъ и доставилъ въ цѣлости ко мнѣ“. Е. Е. Урюпинъ смѣло выступилъ со своими обличеніями противъ взяточничества оффиціальныхъ лицъ. 27 января 1800 года онъ сдѣлалъ въ думѣ слѣдующее заявленіе (и оно было занесено въ протоколъ): въ бытность его въ полиціи для утвержденія на февраль мѣсяцъ справочныхъ цѣнъ, базарный смотритель мѣщанинъ Мее-

ровъ жаловался ему, что въ полиціи городничій Грековъ принуждалъ его показать болѣе высокую цѣну на овесъ, чѣмъ та, какая была въ дѣйствительности (2 р. за четверть). Онъ, Урюпинъ, напомнилъ магистратскому ратману Москову, чтобы тотъ, по должности своей, вникалъ въ подобныя дѣла и защитилъ базарнаго, какъ мѣщанина, отъ принужденія. Тогда же Урюпинымъ было сдѣлано и другое заявленіе, что онъ въ полиціи вмѣстѣ съ исполняющимъ должность губернскаго предводителя дворянства Ефимомъ Пономаревымъ и городничимъ Грековымъ установилъ таксу, но потомъ оказалось, что на ней сдѣлана была подчистка и вмѣсто $2\frac{1}{2}$ р. (цѣна овса) написано было 3 р. 7 марта 1800 г. Е. Е. Урюпинъ объявилъ въ думѣ по присяжной своей должности, что наканунѣ вечеромъ къ нему явились по городскимъ дѣламъ члены харьковскаго городского магистрата — бур-

гомистръ Павелъ Павловъ, ратманъ Степанъ Смирновъ, секретарь Петръ Майстренковъ и сказали, что ихъ дважды призывалъ къ себѣ во дворецъ губернаторъ (губернаторомъ былъ тогда Сабуровъ) и велѣлъ перемѣнить въ справочныхъ вѣдомостяхъ указанныя ими цѣны на провіантъ—въ январьской таблицѣ за четверть овса выставить вмѣсто 2 р. 3 руб., а въ февральской вмѣсто 1 р. 60 к. 2 р. 75 коп., за пудъ сѣна вмѣсто 25—35 коп., иначе они будутъ преданы суду уголовной палаты. Дума, выслушавъ это заявленіе, порѣшила записать его „впредь для вѣдома“ въ протоколъ. По этому дѣлу впослѣдствіи началось формальное слѣдствіе.

Вообще при Е. Е. Урюпинѣ или правильнѣе благодаря Е. Е. Урюпину, дума перестала быть безгласной и ревниво отстаивала городскіе интересы и свою собственную честь и достоинство даже передъ такими всемогущими ли-

цами, какъ губернаторъ и прокуроръ — и это возможно было дѣлать, между прочимъ, благодаря тому, что Урюпинъ превосходно зналъ законы, предоставленныя ими думѣ права и сопряженныя съ ними обязанности; онъ твердо и неукоснительно держался этой законной почвы и не дѣлалъ передъ нею никакихъ отступленій въ угоду сильнымъ и власть имущимъ. Такова была его политика и благодаря ей онъ съ честью вышелъ изъ борьбы, изъ многихъ тяжелыхъ испытаній. 22 марта 1800 г. губернаторъ Сабуровъ велѣлъ думѣ для военного поста отвести купленный городомъ домъ Титова и отпустить для отопленія дрова. Дума, сославшись на жалованную грамоту и цѣлый рядъ указовъ (которые и приводятся буквально въ ея отзывѣ), доказывала, что она не имѣетъ права давать дровъ безъ разрѣшенія общаго собранія гражданъ. Это же послѣд-

нее, сославшись на тѣ же указы, отказалось отпустить требуемыя дрова. Губернаторъ предалъ думу суду за неисполненіе его приказаній и потребовалъ, чтобы она явилась въ уголовную палату. Дума не отказывалась это сдѣлать, но только спрашивала разъясненія, какъ ей поступить: явиться ли на судъ шестигласной думѣ, или общему собранію, или же, *какъ того требуетъ жалованная городская грамота*, только городскому стряпчему (общество градское, сказано было въ грамотѣ, не должно являться на судъ, а только его стряпчій). Губернаторъ велѣлъ являться въ судъ каждому изъ гласныхъ поодиночкѣ. Дума отвѣтила на это, что исполнить указъ, но будетъ искать защиты противъ этого беззаконія у имѣющихъ явиться въ Харьковъ сенаторовъ-ревизоровъ. Палата, конечно, подъ давленіемъ администраціи, наложила на думу пеню въ размѣрѣ 200

руб. Дума рѣшила жаловаться ревизорамъ-сенаторамъ Голохвастову и Багратиону. Мы говоримъ „подъ давленіемъ администраціи“, потому что губернаторъ и губернский прокуроръ дѣйствовали за-одно противъ думы и взаимно поддерживали другъ друга. Въ протоколахъ думы отмѣченъ между прочимъ такой эпизодъ. Губернаторъ требовалъ, чтобы Урюпинъ возвратилъ письмо, написанное ему губернскимъ прокуроромъ Чайковскимъ. По объясненію Урюпина, въ письмѣ этомъ Чайковскій просилъ его, чтобы онъ, какъ городской голова, росписался на свидѣтельствѣ о лекарѣ Кепенѣ, обѣщая въ благодарность за это оказывать и ему нужное содѣйствіе съ своей стороны. Любопытство, говоритъ не безъ ироніи Урюпинъ, заставило меня показать это письмо штабъ-лекарю акушеру Ѳ. Елинскому, навѣстившему меня во время болѣзни, а тотъ отдалъ его инспектору врачебной

управы Стурдзѣ, у котораго оно и затерялось. Въ объясненіи этомъ много недоговореннаго; но это послѣднее не трудно дополнить всякому, знакомому съ нашей старой дореформенной средой. Урюпинъ ловко воспользовался полученнымъ имъ письмомъ, чтобы документировать одинъ изъ многочисленныхъ случаевъ лицепріятія губ. прокурора, который, конечно, уже никогда не могъ простить ему подобнаго поступка и, само собою разумѣется, употребилъ всѣ усилія, чтобы обвинить его и остальныхъ членовъ думы въ „ослушаніи“ губернаторской власти. Другой разъ онъ сдѣлалъ замѣчаніе думѣ по поводу того, что купцы и мѣщане запрящаютъ войсковымъ обывателямъ и крестьянамъ вести въ городѣ розничную торговлю. Но дума съ достоинствомъ ему отвѣтила, что это обвиненіе основывается на жалобѣ волостного головы пригородной слободы и казенныхъ обывателей, и что эту жалобу

надобно еще провѣрить, прежде чѣмъ основывать на ней свое заключеніе. Съ такимъ же достоинствомъ разъяснилъ Урюпинъ губернатору его ошибку въ смѣшеніи суммъ, принадлежавшихъ думѣ и магистрату.

Губернаторы въ то время почему то не уживались долго въ Харьковѣ. Въ четыре года царствованія императора Павла ихъ было пять душъ—Тепловъ, Сабуровъ, Невѣровъ, Зильбергарнишъ и Артаковъ. Съ послѣднимъ Е. Е. Урюпину пришлось вести особенно упорную борьбу, изъ которой онъ вышелъ полнымъ побѣдителемъ, что ясно доказываетъ его правоту. Причины и поводы къ столкновеніямъ были очень многочисленны, а въ основѣ ихъ лежало повидимому то обстоятельство, что Е. Е. Урюпинъ боролся попрежнему противъ взяточничества, укоренившагося въ нравы мѣстной администраціи. „Харьковскій губернаторъ Артаковъ, говоритъ академикъ Н. О.

Дубровинъ, подговаривалъ городского голову Урюпина принять вмѣстѣ съ нимъ участіе въ городскихъ поборахъ. Когда Урюпинъ отказался, то Артаковъ, при содѣйствіи двухъ чиновниковъ врачебной управы, объявилъ Урюпина сумасшедшимъ, заключилъ его въ домъ умалишенныхъ, не спрашивая его родственниковъ, отдалъ имѣніе въ опеку посторонняго лица и велѣлъ выбрать другого голову. За такой противозаконный поступокъ Артаковъ 3-го ноября 1803 года былъ уволенъ отъ службы *). Этотъ фактъ намъ раньше вовсе не былъ извѣстенъ и его можно было бы счесть невѣроятнымъ, если бы онъ не былъ извлеченъ акад. Дубровинымъ изъ архива министерства внутреннихъ дѣлъ—передъ такимъ же официальнымъ источникомъ исчезаютъ всѣ сомнѣнія. Понятно, что этотъ инцидентъ, едва не окончившійся для Е. Е. Урюпина заключеніемъ въ домъ

*) Рус. Вѣст., 1895, іюнь стр. 9.

умалишенныхъ и потерей состоянія, долженъ былъ высоко поднять его авторитетъ въ глазахъ всего харьковскаго населенія. Извѣстно, что смѣлая защита городскихъ интересовъ другимъ городскимъ головою А. М. Рудаковымъ противъ ген.-губ. С. А. Кокошкина окончилась ссылкой его въ Уфу.

Охраняя себя отъ незаконныхъ требованій губернаторовъ дума, или точнѣе городской голова, въ то же время ревниво оберегали свое достоинство отъ притязаній городского магистрата. Этотъ послѣдній требовалъ вѣдомостей о городскихъ приходахъ и расходахъ, которыя дума по закону обязана была доставлять губернскому правленію и губернатору. Дума отвѣтила, что требованіе магистрата заключаетъ въ себѣ только несообразныя съ дѣломъ околичности, выдуманная затѣйнымъ досугомъ членовъ магистрата, и въ доказательство этого привела выписки

изъ законовъ о правахъ магистрата и думы (изъ нихъ видно, что дума не была подчинена магистрату); въ концѣ выражено было сожалѣніе, что магистратъ не желаетъ жить въ добромъ согласіи съ думой, какъ того требуетъ законъ.

Съ новымъ царствованіемъ, прилетѣли новыя птицы, запѣли новыя пѣсни. На мѣсто Артакова былъ назначенъ ревнитель просвѣщенія, заботливый хозяинъ города, гуманный и образованный Иванъ Ивановичъ Бахтинъ. Новое царствованіе, очевидно, требовало и дѣятелей новаго направленія, и такія лица, какъ Артаковъ, оказывались теперь уже неудобными. Вотъ гдѣ лежитъ основная причина успѣха Е. Е. Урюпина въ его борьбѣ съ Артаковымъ. Въ Харьковѣ въ это время господствовало сильное общественное движеніе, инициаторомъ и душою котораго былъ Василій Назаровичъ Каразинъ,

возбуждавшій мысль объ учрежденіи въ Харьковѣ университета, при матеріальной поддержкѣ всѣхъ сословій тогдашняго общества. Е. Е. Урюпинъ отнесся въ высшей степени сочувственно къ этой идеѣ и оказалъ большія услуги дѣлу основанія Харьковскаго университета. Не повторяя того, что мы говорили объ его участіи въ этомъ дѣлѣ раньше, въ своемъ „Опытѣ исторіи Харьковскаго университета“, мы здѣсь только вспомнимъ вкратцѣ объ этой сторонѣ дѣятельности Е. Е. Урюпина—на пользу просвѣщенія города Харькова. Если въ самомъ богатомъ, привилегированномъ и образованномъ слоѣ тогдашняго харьковскаго общества—дворянствѣ встрѣчалась весьма замѣтная оппозиція предложеніямъ В. Н. Каразина о пожертвованіяхъ на университетъ, который былъ въ высшей степени полезенъ и необходимъ этому сословию даже въ чисто практическомъ отношеніи, то что-же сказать о купечествѣ

и мѣщанствѣ, которыя прямо и непосредственно не были заинтересованы въ учрежденіи этого высшаго учебнаго заведенія, предназначавшагося, можно сказать, исключительно для дѣтей дворянства и пожалуй духовенства? И вотъ эту то въ высшей степени трудную, хотя и благодарную задачу (вызвать пожертвованія на университетъ въ средѣ купцовъ) принялъ на себя Е. Е. Урюпинъ, доказавшій этимъ и свою любовь къ просвѣщенію, и широту своего умственного кругозора.

Его заслуга усугубляется тѣмъ, что самъ онъ принадлежалъ къ средѣ, далекой отъ университета и ученыхъ стремленій—онъ былъ, какъ мы знаемъ, купцомъ 3-й гильдіи. Но онъ ясно сознавалъ, что матеріальное преуспѣяніе общества находится въ тѣснѣйшей связи съ образованіемъ и что на совѣсти городского головы, правильно и широко понимающаго свои обязанности, лежитъ забота объ увеличеніи

просвѣтительныхъ средствъ города. Онъ предвидѣлъ, что учрежденіе высшаго учебнаго заведенія для всего полуденнаго края Россіи сразу выдвинетъ Харьковъ изъ ряда другихъ южнорусскихъ городовъ, сдѣлаетъ его центромъ просвѣщенія для огромнаго района и, наконецъ, усилитъ даже самую торговлю и промышленность. И эти надежды блистательно оправдались впоследствии: Харьковъ выросъ и достигъ своего нынѣшняго положенія благодаря торговлѣ университету; оба фактора дѣйствовали могущественно, взаимно усиливая и дополняя другъ друга. Такіе доводы, очевидно, высказывалъ общему собранію гражданъ въ пользу учрежденія въ Харьковѣ университета Е. Е. Урюпинъ—и они оказали желанное дѣйствіе: харьковскіе граждане постановили сдѣлать огромное пожертвованіе для учрежденія въ Харьковѣ университета. Точный размѣръ его опредѣ-

лить невозможно, но оно во всякомъ случаѣ равнялось 50—70 тысячъ рублей, т. е. составляло сумму, *превышавшую въ 5—7 разъ весь годичный бюджетъ* тогдашній города; другими словами, это было бы все равно, если бы теперешняя городская дума рѣшила асигновать на подобное дѣло 5—6 милліоновъ руб.... Такимъ образомъ, Е. Е. Урюпинъ сыгралъ въ городскомъ обществѣ такую же роль, какую В. Н. Каразинъ въ дворянскомъ. Сохранился протоколъ общаго собранія гражданъ, которое происходило одновременно съ дворянскимъ засѣданіемъ (обстоятельство, заслуживающее также вниманія)—и въ немъ нашли себѣ выраженіе тѣ мысли, которыя проводилъ Е. Е. Урюпинъ въ собраніи. „Видя въ учрежденіи семъ (т. е. университетѣ) независимо отъ благихъ тѣхъ вліяній, какія произведетъ просвѣщеніе на жителей, явное благотвореніе сему городу, яко: ум-

ноженіе его населенности, распространеніе торговъ и промысловъ, необыкновенное приращеніе въ оборотъ денегъ и тому подобныя выгоды, гражданство почитаетъ съ своей стороны обязанностію соревновать благородному обществу дворянъ сей губерніи въ вѣрноподданической благодарности Всемилостивѣйшему Государю“. Любопытно заключеніе протокола: городское общество, пользуясь счастливымъ случаемъ, доставившимъ ему возможность непосредственно обратиться къ своему Монарху, ходатайствуетъ передъ нимъ о такомъ дѣлѣ, которое давно уже составляло предметъ его постоянныхъ заботъ—объ уничтоженіи воинскихъ постоевъ.

Сочувственное отношеніе къ дѣлу объ учрежденіи въ Харьковѣ университета доставило Е. Е. Урюпину рядъ непріятностей со стороны губернатора Артакова, относившагося непріязнен-

но къ предпріятію В. Н. Каразина. Артаковъ не хотѣлъ утверждать протокола и въ особенности его послѣдняго пункта объ отягощеніяхъ гражданъ военскими постоями. Въ засѣданіи губернскаго правленія онъ такъ кричалъ на Урюпина, что тотъ внесъ протестъ по этому поводу въ городскую думу. Но протоколъ въ его полномъ видѣ все таки получилъ дальнѣйшее движеніе и хотя Государь не уничтожилъ вполнѣ военныхъ постоевъ, но „въ уваженіе не обстроеннаго еще положенія сего города и во вниманіе къ заводимому въ немъ университету“ обѣщаль сдѣлать въ этомъ отношеніи льготы Харькову. Другую непріятность пришлось испытать Урюпину во время ревизіи, обнаружившей отпускъ авансомъ 2000 р. на университетъ, хотя объ этомъ авансѣ было постановленіе думы и онъ былъ вызванъ слабымъ поступленіемъ суммъ отъ горожанъ и купечества (все-

го собрано было къ этому времени 500 р.).*) Но за то дѣятельность Е.

*) Вотъ какъ описываетъ это дѣло самъ Е. Урюпинъ.

„Истекшаго августа 24 дня въ дополнительныхъ объясненіяхъ имѣлъ честь представить В. С. о притязаніяхъ, чинимыхъ доселѣ г. слоб. Укр. гражд. губ. Андр. Кондр. Артаковымъ. Вслѣдъ за тѣмъ 10 сентября Е. Пр. открылъ новый опытъ напряженій своихъ, противъ думы подвиговъ. Недовольствуясь вѣдомостью, поданною ему 2-го сентября, за прошедшій августъ изъ думы о приходѣ и расходѣ городскихъ доходовъ, присылаетъ въ думу гг. совѣтника правленія Цебрикова и губернскаго прокурора Евецкаго. Не могли по причинѣ болѣзни выходить изъ дома, я въ сіе время не присутствовалъ. Чиновники сіи являются въ думу, требуютъ словесно у случившихся тогда гласнаго и писаря книгъ о приходахъ и расходахъ городскихъ доходовъ, рассматриваютъ оныя, повѣряютъ на счетахъ суммы, а потомъ допрашиваютъ, гдѣ хранится городская сумма. Когда указаны были сундуки, въ коихъ хранится та сумма, то они потребовали ключей. Гласный отвѣтствовалъ, что ключи и печать отъ сундуковъ находятся у городского головы, а другая печать у одного изъ гласныхъ, отлучившагося по торговому промыслу изъ Харькова и когда на вопросъ ихъ гдѣ голова, отвѣтствовано, что я боленъ, то они, истребовавъ свѣчу и сургучъ, сундуки своею печатью запечатали. Слѣдующаго дня помянутые чи-

Е. Урюпина на пользу учрежденія въ Харьковѣ университета нашла себѣ высокосправедливую оцѣнку со сторо-

---

новники приходятъ въ думу паки, требуютъ словесно же и съ таковою же властію показать имъ городскую сумму. Бывшіе на сей разъ гласные, видя встрѣчу сію со времени учрежденія думы никогда не бывалую и не находя къ тому-жѣ никакого въ жалованной городамъ грамотѣ законоположенія, выпрашиваютъ у нихъ предписанія. Господа сіи отзываются, что есть предписаніе отъ г. губернатора, которое совѣтникъ Цебриковъ и показалъ; по прочтеніи коего, гласный отвѣчалъ, что это письмо одному совѣтнику Цебрикову губернатора, возлагающаго на него подлинно ревизію городской суммы и что содержаніе онаго совсѣмъ не вмѣщаетъ никакого предписанія думѣ. Тутъ присоединены были господъ сихъ чиновниковъ увѣренія ихъ по Харькову личной извѣстности и должностными ихъ значеніями. Но какъ сіе обстоятельство новое никогда и ни при одномъ изъ губернаторовъ бывшихъ небывалое, да и законоположенія на то въ жалованной городамъ грамотѣ не обрѣтается, то при показаніи ключей отъ сундуковъ и печатей, взятыхъ у меня, сказано было отъ думы, что безъ особаго предписанія думѣ требованіе сіе исполнено быть не можетъ. Послѣ сего слѣдовали отъ г. прокурора настоятельнѣйшія домогательства, угрозы, сужденія и много кратныя сношенія устные съ г. губернаторомъ изъ канцеляріи котораго сего

ны Верховнаго покровителя тогдашняго русскаго просвѣщенія—самого Императора Александра I-го, осча-

---

числа въ 4 часа уже пополудни приносится отпущенное 10 числа предложеніе, по содержанию котораго и опредѣлено учинить исполненіе. 12 числа, не взирая что былъ день торжественный, помянутые господа въ 10 часовъ по полуночи приходятъ уже съ уѣзднымъ стряпчимъ паки и въ повелительномъ видѣ требуютъ бумагъ, ревизуютъ сумму, истязываютъ писаря за сдѣланные наканунѣ малозначущія по городскимъ надобностямъ изъ своей расходной суммы выдачи и между прочимъ нашли росписку г. кол.-сов. Каразина въ 2000 руб., взятыхъ имъ 24 марта заимообразно изъ городскихъ доходовъ для необходимыхъ издержекъ по предмету учрежденія въ Харьковѣ университета и требовали, по какому положенію сіи выданы деньги Каразину и когда имъ показано опредѣленіе, то г. сов. Цебриковъ росписку принималъ за наличную сумму; прокуроръ же Евецкій, никакъ нато не соглашась, кричалъ на всѣхъ, какъ на своихъ людей: для чего сумма сія выдана безъ всякой прибыли и числится наличною и, отсутзивъ затѣмъ отъ предмета своего препорученія, мѣшался во всѣ дѣла думы и признавая производство оныхъ несогласнымъ съ его мнѣніемъ, грозилъ перемѣнить существовавшій доселѣ порядокъ, яко позволявшій, безъ ихъ вѣдома, оставаться городской суммѣ въ вѣдѣніи думы и потомъ со властію помогал-

стливившаго Е. Е. Урюпина величайшей и рѣдчайшей наградой, на какую только могъ разсчитывать скром-

---

ся, по какому закону отлучался гласный думы и когда ему на сіе сказано, что гласный, яко не получающій жалованья, отлучился изъ города съ вѣдома градского головы для снисканія себѣ пропитанія и для уплаты государственной подати торговымъ промысломъ, то онъ строжайше приказывалъ бывшему тутъ уѣздному стряпчему ходить всякій день въ думу, смотрѣть все и дѣла ея, хотя сего въ жалованной городамъ грамотѣ не изображено, а вмѣсто того бывшіе 1801 г. ноября 22 дѣя гг. сенаторы, тайные сов. и кавалеры Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ и Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій, коихъ имена въ памяти здѣшнихъ жителей всегда благословятся, съ свойственною великимъ душамъ кротостію обращаясь при ревизіи дѣлъ думы, порядкомъ оныхъ были довольны и свидѣтельствовали благодарность какъ всей думѣ вообще, такъ и мнѣ въ особенности; а потому шагъ сей непріязненнаго приѣма г. слоб. укр. гражд. губ. и преданнаго ему прокурора Евецкаго я почитаю свѣжимъ извлеченіемъ злобы и мщенія губернатора за взятая Ваш. Сіят. отъ него по моей просьбѣ отвѣты и конечно устроенъ оный съ намѣреніемъ единственно, чтобы озаботить, озлобить и стѣснить судьбу присутствующихъ думы, невольно спѣшу раскрыть оный я со всенижайшею покорностію

ный купецъ 3-й гильдіи. Государь пожаловалъ ему чинъ 8-го класса (т. е. коллежскаго ассесора), дававшій дворянское достоинство. Вотъ подлинный текстъ сенатскаго указа въ Слободскоукраинское губернское правленіе. „По именному Его Императорскаго Величества Высочайшему указу, данному правительствующему сенату минувшаго января въ 30 день за собственноручнымъ Его Величества подписаниемъ, въ которомъ изображено: „Харьковскаго имянитаго гражданина и градскаго голову Егора Урюпина за отличную его по выборамъ городскимъ службу и содѣйствіе въ предположенномъ заведеніи въ Харьковъ университета всемилостивѣйше пожаловали мы въ коллежскіе ассессоры“. Правительствующій Сенатъ приказалъ сіе всемилостивѣйшее Его

повергаю себя и гласныхъ въ высокую В. Сіят. защиту и милостивое покровительство. Гор. глава 8-го класса Егоръ Урюпинъ 14 сент. 1803 г.“.

Императорскаго Величества повелѣніе коллежскому ассессору Урюпину объявить съ приведеніемъ къ присягѣ отъ слободскоукраинскаго губернскаго правленія; взысканіе же за пожалованный ему чинъ учинить на основаніи законовъ и о томъ во оное правленіе послать указъ“.

Но и эта выходящая изъ ряда вонъ награда не вскружила головы Е. Е. Урюпину; онъ не тщеславился ею безъ нужды и остался тѣмъ, чѣмъ былъ раньше—скромнымъ честнымъ купцомъ и выдающимся общественнымъ дѣятелемъ. Доказательствомъ его скромности можетъ служить приводимый г. Устиновымъ фактъ, что онъ только два раза подписался своимъ новымъ чиномъ: одинъ разъ при объявленіи о немъ думѣ, а другой—при подачѣ жалобы губернатора на Артакова министру внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубею.

Чѣмъ въ свое время выразилъ Е.

Е. Урюпину свою признательность Харьковскій университетъ, мы не знаемъ, но свидѣтельствомъ глубокаго уваженія его къ Е. Е. Урюпину является портретъ этого послѣдняго, хранящійся въ музеѣ изящныхъ искусствъ и переданный туда въ 1872 году, какъ сообщаетъ неизвѣстная корреспондентка, по просьбѣ самаго университета. Теперь копія съ него будетъ помѣщена и въ залѣ городского дома. Лучше поздно, чѣмъ никогда. А при жизни Е. Е. Урюпину приходилось, вести борьбу даже для того, чтобы получить заслуженное имъ жалованье, которое, очевидно, являлось важнымъ ресурсомъ его матеріальнаго обезпеченія. Объ этомъ повѣствуетъ слѣдующая его челобитная, поданная на имя губернатора Г. К. Зильбергарниша. „По выборамъ харьковскихъ купцовъ и мѣщанъ, писалъ Е. Е. Урюпинъ, съ 1787 по 1790 годъ былъ я бургомистромъ городского магистрат-

та, а съ 1790 по 1796—въ немъ же засѣдателемъ и долженъ былъ получать штатное жалованье, которое и получалъ по 1791 годъ, а послѣ этого, въ теченіе пяти лѣтъ, мнѣ ничего не давали, такъ что составила сумма въ 767 руб. Я обращался съ просьбою о выдачѣ мнѣ этихъ денегъ и въ городскую думу, и въ губернское правленіе, но первая мнѣ отвѣтила, что безъ разрѣшенія высшаго начальства не можетъ выдать мнѣ этихъ денегъ, а второе объявило, что ни въ думѣ, ни въ магистратѣ нѣтъ денегъ (хотя въ дѣйствительности онѣ были). Во время пребыванія въ Харьковѣ сенаторовъ, я просилъ ихъ о выдачѣ мнѣ заслуженнаго жалованья изъ городскихъ доходовъ, на основаніи 152 статьи жалованной грамоты, но они отвѣтили, что не могутъ распорядиться объ этомъ, пока губернское правленіе не сдѣлаетъ соответственнаго представленія въ Сенатъ. Нако-

нець Сенать, получивъ всѣ справки отъ губернскаго правленія, предписалъ губернскому правленію 30 ноября 1800 года поступить по силѣ его указа отъ 13-го декабря 1787 года, т. е. удовлетворить мою просьбу. Въ виду всего изложеннаго прошу Ваше превосходительство разрѣшить выдать мнѣ изъ городскихъ доходовъ 767 р. Получилъ ли и послѣ этого свое жалованье Е. Е. Урюпинъ, мы не знаемъ.

IV.

Мы представили только нѣсколько эпизодовъ изъ общественной дѣятельности Е. Е. Урюпина, въ качествѣ представителя Харьковскаго городского управленія. Ими, конечно, далеко не исчерпывается его плодотворная работа на пользу роднаго ему Харькова. Но и ихъ, полагаемъ, достаточно, чтобы прійти къ заключенію, что это былъ далеко не заурядный дѣятель, въ особенности если принять во вниманіе условія *тогдашней*

жизни и характеръ окружавшей его среды. Умный, энергичный, всецѣло преданный служенію общественнымъ интересамъ, смѣлый поборникъ правды, не останавливавшійся ни передъ какими препятствіями и опасностями, когда дѣло шло о защитѣ правъ, предоставленныхъ его родному городу существующими законами, постоянно боронившійся противъ язвы тогдашняго времени—взяточничества, самъ съ чистой, незапятнанной ни малѣйшими подозрѣніями репутаціей, стоявшій цѣлою головою выше окружающей среды и своихъ ближайшихъ сотрудниковъ, отмѣченный и превознесенный начальствомъ, но въ то же время скромный до нельзя, не тщеславный, не кичившійся своими успѣхами и полученными наградами, всегда сохранявшій глубокое уваженіе къ своему учрежденію, которому онъ стужалъ доставить должную независимость, бывшій душою его и не только главою, но и самымъ

виднымъ, энергичнымъ, чуть ли не единственнымъ работникомъ, но въ то же время постоянно скрывавшій свое „я“ за коллегіей, принадлежавшій къ средѣ, далекой въ то время отъ университетскихъ наукъ, и въ то же время преданный имъ всѣмъ сердцемъ и сдѣлавшій много для насажденія ихъ въ Харьковѣ, Е. Е. Урюпинъ выступаетъ передъ нами такимъ общественнымъ дѣятелемъ, который бы сдѣлалъ честь и нашему времени.

Невольно является вопросъ: какъ на харьковской почвѣ могъ вырасти подобный дѣятель. Почва эта производила раньше постоянно только рыцарей меча, а не мирнаго труда. Прошло немного времени съ тѣхъ поръ, какъ замолкли бранные клики, звукъ оружія, прекратились татарскія набѣги на села и нивы Украйны, перестали уводить отсюда плѣнниковъ на невольничьи рынки Европы, Азіи и Африки. Новыя гражданскія учреж-

денія только недавно стали функціонировать и не успѣли еще пустить глубокихъ корней въ мѣстномъ обществѣ, которое раньше жило совсѣмъ иною жизнью, имѣло совсѣмъ иной строй и распорядки; они не могли еще создать традиціи, которая нерѣдко вырабатываетъ полезныхъ общественныхъ дѣятелей. И вдругъ въ такое время выступаетъ на сцену Е. Е. Урюпинъ, съ огромнымъ запасомъ нравственныхъ силъ, съ любовью къ просвѣщенію.

Гдѣ взялъ онъ и эти нравственные устои, и этотъ просвѣщенный умъ? Какія вліянія дѣйствовали на него? Къ сожалѣнію, мы не можемъ дать вполне определеннаго отвѣта на этотъ вопросъ; но у насъ есть все таки ключъ къ разгадкѣ этого страннаго явленія. Сохранилось два письма къ Е. Е. Урюпину знаменитаго украинскаго философа Григорія Саввича Сковороды, изъ коихъ видно, что укра-

инскій мудрецъ былъ въ дружбѣ съ Е. Е. Урюпинымъ, бывалъ у него въ домѣ и имѣлъ на него благотворное нравственное вліяніе. А извѣстно, что означала дружба Г. С. Сковороды къ тому или иному лицу; она указывала, во 1-хъ, на то, что это лицо раздѣляло основныя этическія воззрѣнія старчика Сковороды и, во 2-хъ, она свидѣтельствовала и о томъ, что человекъ этотъ будетъ непременно стремиться къ нравственному усовершенствованію и благому просвѣщенію. Въ первомъ письмѣ Г. С. Сковорода благодаритъ своего „возлюбленнаго друга“ Е. Е. Урюпина за гостепріимство, за то, что онъ „почилъ“ у него цѣлую недѣлю, „аки въ матернемъ домѣ“ и посылаетъ черезъ него поклоны и латинское письмо тѣмъ лицамъ, которыя бывали въ домѣ Урюпина и подружились со Сковородой (это былъ Петръ Ѳедоровичъ Аптекарь-Рощинъ, Стефанъ Никитичъ Курдюмовъ и Ар-

темъ Дорофеевичъ; послѣдніе два известны намъ, какъ друзья Г. С. Сковороды, и изъ другихъ источниковъ). Такимъ образомъ, въ домѣ Е. Е. Урюпина собиралась цѣлая группа лицъ, принадлежавшихъ къ его средѣ, и здѣсь происходили подѣ часъ и пирушки, приправленные наливкою и тихою назидательнсю бесѣдою старчика Григорія Варсавы. Гостепріимный хозяинъ и его гости, чтобы выразить свою признательность и любовь, давали потомъ и на дорогу своему пріятелю страннику Сковородѣ все нужное до боченочковъ съ наливкою включительно; это видно изъ второго письма Григорія Саввича къ Е. Е. Урюпину. Въ письмѣ этомъ даются нравственныя наставленія, примѣнительно къ занятіямъ Е. Е. Урюпина и взглядамъ самого Г. С. Сковороды. Тутъ между прочимъ мы читаемъ слѣдующія строки: „любезный друже, Георгій Георгіевичъ! Да будетъ миръ те-

бѣ и дому твоему... Не дремай! Жизнь наша есть море. Блюдите, како опасно ходите. Господь да хранить правая теченія твоя! Тако плови, да достигнеши въ гавань благоумашенныя старости оныя! Вѣнецъ хвалы старость. А кое то-есть масло, умащающее счастливую старость? Кій вѣнецъ? Послушай: помаза насъ Богъ духомъ, елеемъ радости помазалъ еси его... *Добрая слава* (по пословицѣ) *лучше мягкаго пирога!* Не думай же друже, что добрая слава есть то же, что пустозвонкій мірскій газетъ, гремящій по улицамъ о тѣлесной твоей премудрости, о силѣ и богатствѣ. Да не хвалится премудрый премудростію своею!... Омый прежде внутренность твоя скляницы.... Разбогатѣли де мы въ богатствѣ, украшающемъ и питающемъ сердце. Умѣй же различать ложную славу отъ истинныя, яко же воровскую монету, и будеши блаженный оный Христомъ похваляемый купецъ. Онъ надъ все свое

имѣніе предпочелъ дражайшій нѣкій маргаритъ, хотъ тратою всего, только бы достать оный. А кій той странный и чудный маргаритъ? Вотъ онъ: заповѣдь Господня свѣтлая... Страхъ Господень... Ей, лучше голый да правый, нежели богатый беззаконникъ. Не убоюся отъ обнажающихъ тѣло, души же обнажить не могущихъ“... *)

Е. Е. Урюпинъ въ своей жизни, какъ мы видѣли, осуществилъ эти нравственныя наставленія своего учителя: онъ создалъ себѣ „добрую славу“ умомъ, скромностью и дѣятельнымъ стремленіемъ къ правдѣ.

---

*) Укр. Вѣстн. 1817 г., ч. 6, апрѣль.

Два культурных дѣятеля изъ среды харьковскаго духовенства.

I.

Характеристическою особенностью харьковскаго духовенства XVIII и начала XIX в. нужно признать тѣсную связь его съ остальнымъ, свѣтскимъ обществомъ. Явленіе это имѣетъ свои историческія основанія. Прежде всего, конечно, тутъ дѣйствовала одна причина общаго характера: различные классы тогдашняго общества не успѣли еще разъединиться и обособиться въ такой степени, какъ это было въ послѣдствіи. Затѣмъ очень важное значеніе имѣли еще два мѣстныхъ обстоятельства — выборъ священниковъ прихожанами и одинаковые источники образованія у духовенства и свѣтскихъ лицъ. Выборъ священниковъ прихожанами широко практиковался въ Слободской Украинѣ (подобно Малороссіи) и — что очень важно — представлялъ изъ себя обы-

чай, узаконенный епархіальною властью и, получившій правовой характеръ. Рядомъ съ нимъ дѣйствовало еще и право наследственной передачи прихода отъ отца къ сыну, но это послѣднее все таки подчинялось ему. *)

*) Вотъ любопытный документъ, ярко иллюстрирующій взаимодействіе обѣихъ нормъ. Въ 1745 г. священникъ сл. Сѣвн-ной, Петръ, писалъ преосвященному: „ахтырскаго слободскаго полку въ мѣстечкѣ Сѣвномъ при церкви живоначальныя Троицы съ прошлыхъ съ давнихъ временъ по 1709 годъ было по два пона; а съ оного года отъ разныхъ расходовъ въ слободы обывателей бывшій попъ Захарій въ слободу сойшолъ, за малолѣтствомъ въ приходѣ, а другой попъ—дѣдъ мой Василій остался и по немъ сынъ его отецъ Василій же при означенной церкви по смерть свою священнодѣйствовалъ; а по смерти отца моего, за малолѣтствомъ дѣтей, *по прошенію прихожанъ*, попъ Іоаннъ Думскій въ викарія принять въ 1741 г. и жилъ одинъ же. По наследдію отца своего я низайшій по прошенію прихожанъ

Выборное начало держалось здѣсь крѣпко потому, что было принесено переселенцами-слобожанами еще изъ За-
днѣпровья, гдѣ оно имѣло весьма ши-
рокое развитіе и стояло въ тѣсной

сего 1745 г. апрѣля 26 Вашего Преосвященства рукоположеніемъ священниче-
скій санъ удостоился принять и въ оной церкви ставленная грамота выдана; а оному попу Думскому велѣно другой па-
рохѣи себѣ искать, которой искалъ отъ мая мѣсяца по сіе число. А нынѣ не-
вѣдомо съ какаго умыслу согласясь сот-
никъ Иванъ Шарій да Уманецъ Александръ подпрапорнѣй, *безъ вѣдома старин-
ныхъ людей*, приняли къ означенной цер-
кви онаго викарія ко мнѣ на половинную часть на Захаріино мѣсто; а мѣсто весьма малоллюдно не токмо двомъ, но и единому мнѣ не имущему другого какого пропитанія, не безъ скудости жить“. Потому сей священникъ „мѣстечка Сѣннаго церкви Живоначальныя Троицы Петръ“ просилъ не опредѣлять Думскаго на половинную часть Троицкаго прихода. (Филарета Ист. Стат. Опис. Харьк. Епархіи, III, стр. 212).

причинной связи съ виднымъ участіемъ мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ вообще. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ въ ряды духовенства нерѣдко вступали и представители свѣтскаго общества и тѣмъ устанавливали еще большую связь между духовною и свѣтскою средою. И въ священники, и въ монахи поступали лица казацкаго и старшинскаго (т. е. дворянскаго) званія. Вотъ тому примѣры *). Протопопъ Харьковской соборной церкви Яковъ Ревковскій (1707—1716 гг.) былъ раньше сотникомъ; священникъ с. Липецъ Филиппъ Чернякъ былъ сынъ полковника; священникъ сел. Тростянца Іоаннъ Гнѣдичъ—сынъ сотника; священники г. Лебедина Яковъ и сел. Большаго Исторопа Семенъ Яковлевичъ Джунковскіе — изъ дво-

---

*) Ibidem, II, 20, 178; III, 116, 455, 467, 602; IV, 208; I, 129, 131, 132, 165, 199, 226, 227, 256, 258, 273, 276, 281—285.

рянской фамиліи; священникъ с. Штеповки Мокій изъ рода дворянъ Романовскихъ, священникъ с. Соколова Андрей Григорьевичъ Скочко былъ раньше судьей Изюмскаго полка; изъ старшинскихъ родовъ вышли слѣдующіе представители чернаго духовенства: епископы Иоасафъ Горленко, Христофоръ Сулима (сынъ Переяславскаго полковника, гусарскій офицеръ), архимандритъ Куряжскаго монастыря Наркисъ (изъ рода Квитокъ), игуменіи Хорошевскаго монастыря—Афанасія (изъ рода Ковалевскихъ), Теофанія (изъ рода Квитокъ), Марія (бывшая въ замужествѣ за Гамалѣей, урожденная Квиткина), Елизавета (изъ рода Дуниныхъ), Марѳа (Авксентьева), Тавиѳа (Сошальская), Теофанія (Ковалевская), Евпраксія (Тимошенкова); монахини того же монастыря—Мануйлова, Моренкова, Ольховская, Саницкая, Скочковна, Двигубская, Тертичникова; игумень Святогорскаго монастыря Арсеній За-

рудный, игумень Ахтырскаго Троицкаго монастыря Корнилій (изъ рода Перекрестовыхъ), игумень упраздненнаго Сумскаго Успенскаго мон. Иоасафъ Новосельскій, другой настоятель того же монастыря архимандритъ Иоакимфъ (Боярскій) и третій Іаковъ Шубскій (бывшій бригадиръ), игумены упраздненной Михайловской пустыни Мелетій Гнѣдичъ и Иоасафъ Роменскій, игумень упраздненнаго Зміевскаго мон. Илларионъ Негребецкій, игумень упраздненнаго Краснокутскаго мон. Иоанникій (бывшій полковникъ Иванъ Степа), строитель упраздненнаго Сѣвнянскаго мон. Варлаамъ (бывшій сотникъ Василій Григорьевъ). Но не одни только представители привилегированнаго сословія вступали въ ряды духовенства: слѣдомъ за ними шло и рядовое казачество, которое тогда не было еще отгорожено китайской стѣной отъ своихъ предводителей и соратниковъ по военнымъ подвигамъ, и по быту свое-

му мало чѣмъ отличалось отъ этихъ послѣднихъ; посѣдѣвшіе въ бояхъ казаки нерѣдко оканчивали свою жизнь, подобно знаменитому герою старой Малороссіи Семену Палію, въ стѣнахъ украинскихъ монастырей, а сыновья ихъ, особенно прошедшіе курсъ наукъ въ Харьковскомъ коллегіумѣ, по просьбѣ громадъ, получали священническія мѣста. *) Что же касается дьячковъ и пономарей, то это были свѣтскіе лица, отправлявшіе свою должность по найму самихъ прихожанъ; **) они являлись связующимъ звеномъ между священниками и сельскимъ населеніемъ; по своему образу жизни и быту они ничѣмъ почти не отличались отъ этого послѣдняго.

Третьимъ связующимъ элементомъ духовнаго и свѣтскаго общества была тогдашняя школа. Школа находилась въ рукахъ духовенства, но не только

---

*) Ibidem, III, 451—453.

**) Ibidem, III, 454.

не была проникнута характеромъ какой либо исключительности, а наоборотъ являлась вполне всесловной или пожалуй бессловной. Высшее учебное заведеніе края—Харьковскій коллегіумъ, не смотря на то, что состоялъ при монастырѣ и былъ основанъ архіереями для образовательныхъ нуждъ духовенства, сдѣлался именно такой всесловной или бессловной школой, потому что гостепріимно раскрылъ свои двери для всѣхъ, и въ немъ, дѣйствительно, училось множество дѣтей казацкой старшины, казаковъ, мѣщанъ и т. п., которые потомъ занимали разныя должности по свѣтскому и *духовному* вѣдомству, также какъ и сыновья священниковъ, по окончаніи науки въ Коллегіумѣ, шли въ университетъ или поступали въ *гражданскую службу*. Но еще обучаясь въ классахъ, большая часть учениковъ Коллегіума поступала на кондиціи, въ качествѣ репетиторовъ,

къ помѣщикамъ, казакамъ и вообще обывателямъ и дѣйствовала объединяющимъ образомъ въ сферѣ учебной: у дѣтей свѣтскихъ лицъ и духовенства оказывалась одна и таже наука или, правильнѣе говоря, одинъ и тотъ-же источникъ науки, и даже одни и тѣ-же дѣятели и проводники просвѣщенія. Такъ обстояло дѣло съ высшей школой; но такъ-же стояло оно и съ низшей. Элементарныя школы находились въ рукахъ духовенства, но это опять таки не были духовныя сословныя училища; это были въ истинномъ смыслѣ этого слова *народныя* школы, т. е. *всесословныя* или *безсословныя*. Въ одной изъ своихъ прежнихъ работъ *) я уже выяснилъ вопросъ о количествѣ и характерѣ этихъ школъ и доказалъ статистическими данными,

---

*) См. мою актовую рѣчь „Заселеніе Харьковскаго края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета“.

мною же открытыми, что число ихъ относительно населенія въ 1732 году было не меньше, чѣмъ теперь; вопреки мнѣнію Г. П. Данилевскаго, я показалъ, что онѣ были не духовными, а народными, всесловными школами. Онѣ созданы были самимъ народомъ— по его иниціативѣ и на его средства; учились въ нихъ дѣти всѣхъ сословій—духовенства, старшины, казаковъ, мѣщанъ и посполитыхъ; программы и методы ихъ вполне соответствовали *тогдашнимъ* потребностямъ и запросамъ народа въ сферѣ образованія и находились въ тѣснѣйшей связи съ происхожденіемъ и причинами, вызвавшими ихъ къ жизни (имѣемъ въ виду борьбу южнорусскаго народа въ правобережной Малороссіи противъ уніи, приводящую къ учрежденію школъ при братствахъ). Учителями въ этихъ школахъ были дьяки, чаще всего „мандрованные“ дьяки, т. е. переходившіе изъ одной школы въ другую, изъ одного при-

хода въ другой. Одни изъ нихъ были питомцами этихъ же школъ, но только изучавшими еще, такъ сказать, методикѣ преподаванія подъ руководствомъ болѣе извѣстныхъ дьяковъ-учителей (отсюда и „мандрованія“ т. е. путешествія по образцу западно-европейскихъ ремесленниковъ, ибо школьное преподаваніе представляло изъ себя также своего рода цехъ); другіе проходили по нѣскольکو классовъ въ коллегіумѣ; во всякомъ случаѣ, и тѣ, и другіе скорѣе могли быть причислены къ свѣтскому, чѣмъ къ духовному сословію или, правильнѣе говоря, стояли на рубежѣ того и другого. Такимъ образомъ, какъ высшая школа (коллегіумъ), такъ и низшая въ то время вели не къ замкнутости и кастовой исключительности, а къ объединенію духовнаго и свѣтскаго элемента на почвѣ образованія.

Къ тому же приводило и еще одно живое и симпатичное общественное уч-

режденіе стараго времени—*шпиталь*, т. е. богадѣльня. Школа, церковное братство и шпиталь были тѣсно связаны другъ съ другомъ и имъ отдавали свои силы и средства въ одинаковой степени духовенство и народъ; отсюда отсутствіе касты, антагонизма, сословной исключительности; преобладаніе имѣлъ тотъ, кто больше работалъ на пользу общую; свѣтское общество было сильно проникнуто религіозными интересами; духовенство не представляло изъ себя замкнутаго круга и постоянно заботилось объ умственномъ и нравственномъ усовершенствованіи всего народа, далеко выходя за предѣлы собственно церковныхъ интересовъ своего сословія.

Среди харьковскаго духовенства стараго времени было не мало лицъ, которыя должны занять видное мѣсто въ исторіи нашей мѣстной культуры вообще. Сюда нужно отнести, напри- мѣръ, архіереевъ Епифанія Тихор-

скаго, Иоасафа Горленка, Θεоктиста Мочульскаго и Христофора Сулиму, протоіереевъ Андрея Прокоповича, Шванскаго и Василя Снѣсарева. Сюда же принадлежать несомнѣнно и тѣ ~~два~~ дѣятеля, которымъ посвящена настоящая статья—протоіереи *Василій Фотіевъ и Андрей Самборскій*. Отличительною чертою ихъ дѣятельности является та именно забота о совершенствованіи и преуспѣяніи свѣтскаго общества, о которой мы говорили выше, и которая получила особенно сильное развитіе въ первые года царствованія Императора Александра I-го. И одинъ, и другой были передовыми людьми своего вѣка и вели мѣстное общество по пути усовершенствованія и прогресса.

II.

Священникъ Василій Григорьевичъ Фотіевъ *) происходилъ изъ духовнаго

---

*) Въ основу настоящаго біографичес-

званія, но родоначальникомъ его фамиліи былъ плѣнный турокъ, принявшій православіе. Такъ рассказываетъ племянникъ его Павелъ Николаевичъ, сынъ штабъ-лекаря Николая Григорьевича Фотіева, родного брата о. Василія. „Отецъ Василія Фотіева Григорій Фотіевичъ Фотіевъ, мой дѣдъ, пишетъ онъ, былъ священникомъ помѣщичьяго села Григоровки, отстоящаго въ 4-хъ верстахъ отъ Харькова, который (Фотіевъ) по своему смиренію, при встрѣчѣ со своими знако-

---

каго очерка положены рукописныя черновыя замѣтки покойнаго помощника бібліотекаря Чирикова, хранящіяся въ Харьковскомъ историческомъ архивѣ; тутъ имѣются: 1) записка о Вас. Фотіевѣ его племянника Павла Фотіева, доставленная авторомъ 25 сентября 1878 г., 2) рассказъ о несчастномъ случаѣ съ о. Василіемъ въ царствованіе имп. Павла, записанный Чириковымъ со словъ старожилъ; 3) выписки изъ печатныхъ источниковъ.

ыми, когда тѣ не узнавали его и поэтому спрашивали, кто идетъ, обыкновенно отвѣчалъ: грѣшный человѣкъ; почему подъ этимъ прозвищемъ и былъ болѣе извѣстенъ между своими харьковскими сосѣдями, когда жилъ уже и въ Харьковѣ. Отецъ его, какъ я слышалъ отъ своего двоюроднаго брата Сократа Васильевича Фотіева (сына о. Василія), былъ плѣнный турокъ, который умеръ въ Россіи и послѣ котораго остался здѣсь 10-лѣтній сынъ его Махмудъ-Али, впоследствии дѣдъ мой Григорій, названный этимъ именемъ при крещеніи; воспріемнымъ отцомъ его былъ какой то полковникъ по имени Фотій и въ честь его дѣдъ мой и получилъ своего отчества и фамилію“. Образование свое получилъ Василій Григорьевичъ въ Харьковскомъ коллегіумѣ. Въ царствованіе императора Павла онъ былъ священникомъ Вознесенской церкви въ Харьковѣ (въ 1801 году напечатано въ

Москвѣ его „Слово на заложеніе храма Вознесенія Господня въ Харьковѣ“).

Существуетъ преданіе (правда нѣсколько темное и сбивчивое), которое приурочиваетъ дѣятельность Василя Григорьевича Фотіева еще къ царствованію Императрицы Екатерины II-й и сообщаетъ о непосредственныхъ сношеніяхъ его съ этой послѣдней. Оно записано въ 1859 г. авторомъ „Историко-статистическаго описанія г. Харькова“, С. И. Кованько со словъ почти столѣтняго старца-дворянина Ефимовскаго, который былъ первымъ учителемъ и открывателемъ учрежденнаго Екатериною въ Харьковѣ Малаго Народнаго училища. „Съ 1789 г., пишетъ С. И. Кованько, учреждены въ Харьковѣ главное народное училище, а какъ здѣсь, такъ и въ прочихъ городахъ намѣстничества еще малыя народныя училища. Харьковскія народныя училища помѣщались въ ба-

лаганахъ, гдѣ теперь домъ дворянскаго собранія. Первый учитель и открыватель малаго народнаго училища въ Харьковѣ дворянинъ Ефибовскій, бывшій (раньше) ученикомъ въ классахъ (въ духовномъ коллегіумѣ), при открытіи намѣстничества, находится теперь (въ 1859 г.) въ домѣ благотворительнаго общества. Ему подѣ 100 лѣтъ. Онъ очень маленькаго роста, съ умнымъ выраженіемъ лица и отличается благо нравіемъ передъ всѣми пансіонерами благотворительнаго дома. Онъ рассказывалъ, что, по открытіи народныхъ училищъ, Екатерина Великая, получивъ докладъ о помѣщеніи училища въ балаганѣ и объ опредѣленіи учителями молодыхъ людей, повелѣла, чтобы до пріобрѣтенія дома были въ балаганѣ построены печки и собственно-ручно писала къ (какому то) *отцу Василю*, чтобы онъ озаботился переженить всѣхъ педагоговъ. Повелѣніе исполнено: невѣстами были преимуще-

ственно поповны“ *). Въ слѣдующемъ 21-мъ номерѣ „Харьк. Губ. Вѣд.“ въ замѣткѣ, Александра Розельонъ-Сошальскаго, объясняется, кто былъ указанный Ефибовскимъ отецъ Василій: „это безъ сомнѣнія (говоритъ А. Розельонъ-Сошальскій) былъ протоіерей Василій Фотіевъ“. Самое содержаніе замѣтки Ефибовскаго внушаетъ намъ впрочемъ сомнѣнія. Едва ли Екатерина II могла написать тотъ указъ, о которомъ говоритъ Ефибовскій. Но трудно также предположить, чтобы Ефибовскій выдумалъ свой рассказъ: онъ, вѣроятно, спуталъ обстоятельства дѣла и (С. И. Кованько говоритъ, что онъ въ то время потерялъ уже память), забылъ подробности, однако не сочинялъ—нѣчто подобное дѣйствительно могло случиться; онъ забылъ фамилію о. Василя, но твердо помнилъ его имя, подъ ко-

---

*) Историко-стат. описаніе г. Харькова, С. И. Кованько (Прибавленіе къ „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1859, № 20).

торымъ тотъ и безъ того былъ извѣстенъ всему городу. Для насъ важно въ этомъ разсказѣ только то, что о. Василій Фотіевъ уже въ царствованіе Екатерины II имѣлъ прямое отношеніе къ школьному дѣлу въ г. Харьковѣ. Хронологической несообразности тутъ, по крайней мѣрѣ, нѣтъ никакой: по словамъ Павла Фотіева, о. Василій умеръ въ 1829 году, имѣя въ то время болѣе 80 лѣтъ отъ роду; слѣдовательно, онъ долженъ былъ родиться въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія, а окончить образованіе и занять священническую должность въ 80-хъ годахъ того же вѣка. Впрочемъ, мы имѣемъ еще болѣе точныя цифры—проф. Тимковскаго, который говоритъ, что въ 1803 г. о. Василю было 47 лѣтъ, (слѣдовательно родился онъ въ 1756 г.), а окончилъ коллегіумъ въ 1784 г.

III.

Въ царствованіе Имп. Павла надъ о. Василемъ стряслась большая бѣда,

которая едва не разразилась и надъ всѣми остальными жителями Харькова.

Объ этомъ происшествіи мы имѣемъ рассказъ современника Цебрикова и воспоминанія харьковскихъ старожиловъ. Оба источника, расходясь въ подробностяхъ, въ общемъ подтверждаютъ и пополняютъ другъ друга. Вотъ что говоритъ Цебриковъ, лично посѣтившій Харьковъ и встрѣтившійся тутъ съ о. Вас. Фотіевымъ. „Кстати, замѣчаетъ онъ, упомянуть здѣсь, какъ то мнѣ прежде оттуда писано было, о случившемся съ нимъ несчастіи во время царствованія въ Бозѣ почившаго Государя Императора Павла I. Мая первое число празднуютъ обыкновенно тамъ, какъ и во всѣхъ почти мѣстахъ, за городомъ, въ садахъ, рощахъ или на лугахъ прекрасныхъ. Я очень хорошо помню, что еще въ мое время первые чиновные люди того края дѣлали при семъ случаѣ угощенія, кои не рѣдко простирались до

пресыщенія въ яденіи и питіи. Та-
кимъ же образомъ торжествовавшіе
тогда сей майскій день чиновныя особы,
военныя и штатскія, подгулявшія об-
наружили прямыя свои другъ противъ
друга мысли и чувствованія, пере-
сорилися и наконецъ, какъ утверж-
дали, передрались. Въ слѣдующій по-
томъ день, шедшая на рынокъ женщина
рано по утру увидѣла на церковныхъ
дверяхъ въ своемъ приходѣ (въ томъ
именно, въ коемъ находится теперь
сей протопопъ,) прибитый большой
листъ бумаги, на коемъ изображены
были лица пьяныя, между собою ссоря-
щіяся и кулаками другъ другу грозя-
щія; а внизу надпись въ стихахъ
со слѣдующими заключительными сло-
вами: „нечего дивиться: каковъ попъ,
таковъ и приходъ“. Женщина сія до-
несла о томъ пономарю или дьячку, а
сей священнику, священникъ город-
ничему, а сей по командѣ губернатору,
который, почтя слова сіи, какъ бы

относившіяся къ Августѣйшему лицу Монарха, а не къ себѣ, слѣдовательно, за оскорбленіе Величества, разсудилъ за благо препроводить помянутый листъ съ нарочнымъ прямо къ покойному Государю, немедленно же отправившему туда двухъ сенаторовъ для ислѣдованія дѣла сего на мѣстѣ. Они розыскивали тамъ происшествіе сіе съ великою строгостію, и нашъ несчастный Фотіевъ также былъ допрашиванъ и, какъ иные говорили, пытанъ; онъ самъ послѣ отзывается, что изо всей исторіи сей ничего не помнитъ, кромѣ темной большой комнаты, куда его привезли ночью, кромѣ стоявшаго въ углу столика съ одною горѣвшею свѣчею подъ крышкою, и перваго вопроса: пишу ли я стихи? но болѣе ничего не припомнить отъ чрезвычайнаго страха, тогда имъ овладѣвшаго, даже до тѣхъ поръ, какъ опять въ своемъ домѣ очутился. За сіе то его страданіе, какъ многіе утверждаютъ, исходатайствовали ему,

по смерти Императора Павла I-го, покровительствующія ему особы крестъ и орденъ св. Анны, изъ коихъ многіе тамошніе священники не имѣютъ ни того, ни другаго. Сей ужасный анекдотъ и для меня самого отчасти памятенъ. Вамъ извѣстно, что при возшествіи на престолъ блаженныя памяти Императора Павла I-го, Академія Наукъ, издававшая до того времени политическія статьи о заграничныхъ происшествіяхъ въ своихъ Санктпетербургскихъ вѣдомостяхъ, извинясь предъ симъ Государемъ въ невѣдѣніи своемъ о политическихъ отношеніяхъ Европейскихъ дворовъ, просила Его возложить изданіе сего рода газетъ на иностранную коллегію нашу, которая и поручила мнѣ, въ тогдашнія, по истинѣ критическія времена, заниматься сею частью. На сей конецъ доставляемы мнѣ были разныя иностранныя газеты и журналы изъ здѣшняго почтамта по повелѣнію кол-

легіи нашей, отъ коей онъ тогда зависѣлъ. Однажды въ почтовый день, не получая оныхъ долго, вздумалось мнѣ самому пойти къ почтъ-директору. Я засталъ у него въ кабинетѣ особу въ Анненской лентѣ мнѣ неизвѣстную, которая очень дурно говорила о Слободско-Украинской губерніи и о вышеупомянутомъ произшествіи. Слыша столь непріятныя сужденія о своей отчизнѣ, не могъ я не сказать чего нибудь въ оправданіе ея и прямо отозвался, что народъ вездѣ, что губернаторы болѣе причиною какихъ либо неустройствъ, что при губернаторахъ прежнихъ и губернія та была въ хорошей славѣ, но что начала лишаться оной и повреждаться со времени простаго человѣка и старика Пшѣва, (т.-е. Пашкова) а наипаче со времени губернатора Кишкаго, (т.-е. Кишенскаго), заведшаго тамъ маскарады, частые балы, разныя увеселенія, слѣдовательно, волокитства, по-

дозрѣнія, ревность, ссоры и раздоры, что отъ сего то всѣ произошли безпорядки и нестроенія, что все сіе надобно приписывать не... Тутъ особа сія сказала: уже 8 часовъ, (это было въ ноябрѣ мѣсяцѣ послѣ обѣда): мнѣ пора ѣхать. „Куда“, спросилъ почтъ-директоръ? Въ свою тайную для продолженія мерзкаго слѣдствія по харьковскому гнусному дѣлу“, и тотъ часъ ушелъ. Почтъ-директоръ спросилъ меня: „для чего я вступился за эту губернію“? „Я тамошній уроженецъ“. Хорошо, присовокупилъ онъ, что это случилось у меня въ кабинетѣ, а то бы и вамъ досталось: это былъ Фсѣ. Государь весьма неблаговолитъ къ вашей губерніи за случившееся тамъ очень дурное происшествіе; оттуда привезено сюда нѣсколько человѣкъ, обличаемыхъ въ семъ дѣлѣ, и содержатся подъ строжайшимъ присмотромъ въ тайной. Послѣ сихъ словъ вы можете себѣ легко вообразить мой страхъ и ужасъ. Подлин-

но, происшествіе сіе злополучное и столь много шуму и чрезвычайныхъ бѣдствій многимъ тогда причинившее виноватымъ и безвиннымъ, могло бы быть утаено весьма удобно, если бы бывшій тогда губернаторъ Сбрвъ (т. е. Сабуровъ) имѣлъ сколько нибудь побольше здраваго разсудка и хотя искру челоуѣколюбія; но у него ни того ни другаго небыло, такъ какъ и у роднаго брата его сенатора, кои однако оба пользовались тогда милостію свыше своихъ талантовъ, добродѣтелей и заслугъ, по какому-то, можно сказать, слѣпому случаю, или року, либо по своеволю фортуны, вращающей людьми, какъ своимъ ничтожнымъ колесомъ“. *)

По разсказамъ многихъ харьковскихъ старожиловъ, — Т. И. Селивановъ

---

*) Рукопись, заключающая въ себѣ разсказъ Цебрикова о путешествіи изъ Петербурга въ Харьковъ, хранится въ Имп. Публичной библіотекѣ въ Петербургѣ; она списана мною и будетъ вскорѣ издана цѣликомъ.

ва, А. С. Венедиктова, В. М. Черныева, Е. С. Гордѣенка и др., дѣло было такъ: „Нѣсколько бабъ хохлушекъ, проходя рано утромъ на базаръ, мимо Вознесенской церкви, увидѣли что то, приклеенное на стѣнѣ колокольни. Скоро подошелъ къ нимъ дьяконъ церкви, снялъ со стѣны бумагу и, прочитавши при бабахъ, увидѣлъ, что то былъ пасквиль на Императора Павла. Дьяконъ передалъ пасквиль отцу Василю Фотіеву, котораго домъ находился близь церкви. Пораженный ужасомъ, Фотіевъ препроводилъ пасквиль губернатору, который въ неменьшемъ ужасѣ донесъ тотчасъ же обо всемъ въ Петербургъ. Пошла исторія. Повлекли въ Петербургъ всѣхъ, кого только сочли прикосновеннымъ къ этому дѣлу: и Фотіева, и бабъ—хохлушекъ, и одну барыню генеральшу Бердяеву, которой домъ находился на той же площади, гдѣ стоитъ Вознесенская церковь, и которая гдѣ то, какъ

донесли, читала тоже пасквиль. Генеральша Бердяева была известна уже Павлу по какой то исторіи, въ которой она принимала участіе, въ царствованіе Екатерины II: она вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими харьковскими дамами подверглась наказанію послѣ слѣдствія, которое производилъ присланный въ Харьковъ изъ Петербурга Нелединскій-Мелецкій съ дѣлопроизводителемъ Шишковымъ; старожилы указывали и домъ (на мѣстѣ котораго теперь 2-я гимназія), гдѣ производилось слѣдствіе. Раздраженный Павелъ самъ всѣхъ допрашивалъ: испуганныя хохлушки, своимъ нарѣчіемъ и простотою, заставили, какъ говорили, разсмѣяться Павла; онѣ, конечно, ничего не понимали: „чулы, щось читалы—та мы ничего не знаемо“. Отца Василія Фотіева высѣкли. Тѣмъ не менѣе автора пасквиля все таки не сыскали. Павелъ велѣлъ поставить въ Харьковѣ на площади висѣлицу для

отыскиваемого пасквилянта и объявить, что если къ назначенному сроку его не сыщутъ или не выдадутъ, то будутъ бить кнутомъ десятого харьковскаго обывателя и всѣхъ сошлютъ въ Сибирь, а городъ уничтожатъ“. И всѣ понимали, что это не простая угроза, что она можетъ быть приведена въ исполненіе. „Висѣлицу поставили, но черезъ ночь, на другой день, — о ужасъ! — на висѣлицѣ увидѣли повѣшенной чучело Павла. Харьковцы ожидали со дня на день своей страшной казни. Дѣло было въ великій постъ. Наступила страстная недѣля. Архіерей Христофоръ Сулима служилъ въ церкви, горожане молились и плакали. Вдругъ въ церковь входитъ только что пріѣхавшій фельдъегерь изъ Петербурга и направляется съ бумагой къ архіерею. Всѣ бывшіе въ церкви такъ и замерли, стоя на колѣнахъ. Сулима разворачиваетъ ужасную бумагу — и не можетъ читать ее

отъ волненія, передаетъ мужественному протодіакону, который и прочелъ торжественно.... манифестъ о восшествіи на престолъ Александра I. Всеобщую радость харьковцевъ въ тотъ моментъ нельзя выразить. Послѣ ожидаемаго кнута и Сибири, всѣ они почувствовали себя на седьмомъ небѣ—начали плакать и цѣловаться. Все дѣло о пасквилѣ было предано забвенію, какъ бы его и вовсе не было. Фотіевъ черезъ годъ получилъ Анну на шею за испытанную имъ непріятность. Всю описанную дерзкую продѣлку съ пасквилемъ и чучеломъ Павла, какъ говорили, устроилъ одинъ изъ тогдашнихъ молодыхъ помѣщиковъ, горбунъ Подгоричани, въ сообществѣ со своими пріятелями. Удивительно, какъ его не открыли. Впрочемъ, общая бѣда избавляла отъ допоса, также какъ и дѣлала отчаянно смѣлымъ *)“.

*) Харьковскій историческій архивъ. Бумаги Чирикова.

Въ своей извѣстной „Запискѣ о древней и новой Россіи“ Н. М. Карамзинъ говоритъ объ этомъ времени такъ: „замѣтимъ черту, любопытную для наблюдателя—въ сіе царствованіе ужаса, по мнѣнію иноземцевъ, россияне боялись даже и мыслить; нѣтъ! говорили и смѣло умолкали единственно отъ скуки частаго повторенія, вѣрили другъ другу и не обманывались. Какой то духъ искренняго братства господствовалъ въ столицахъ; общее бѣдствіе сближало сердца и великодушное острвенѣніе противъ злоупотребленій власти заглушало голосъ личной осторожности“. Такъ рассказываютъ старожилы—и въ этомъ рассказѣ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Подобный эпизодъ могъ дѣйствительно разыгратъ въ царствованіе Императора Павла Петровича. Въ рассказѣ этомъ нѣтъ видимыхъ анахронизмовъ: харьковскимъ архіереемъ былъ тогда дѣй-

ствительно Христофоръ Сулима. Новый государь вступилъ на престолъ 12-го марта 1801 года, слѣдовательно, около праздника Пасхи. Не совсѣмъ точны, можетъ быть, только нѣкоторыя подробности: о. Василій Фотіевъ дѣйствительно получилъ орденъ св. Анны 2-й степени на шею, но не за эту исторію, а за свою полезную дѣятельность въ дѣлѣ основанія Харьковскаго университета, хотя, впрочемъ, и невинное страданіе его могло оказать нѣкоторое вліяніе на полученіе столь высокой награды: Им. Александръ, какъ извѣстно, старался вознаграждать лицъ, пострадавшихъ при его отцѣ. Молва считала виновникомъ дерзкаго пасквиля Подгоричани; но было-ли это такъ въ дѣйствительности, судить не беремся, потому что въ нашихъ рукахъ нѣтъ для этого никакихъ данныхъ. Косвеннымъ подтвержденіемъ того, что пасквиль могъ возникнуть въ дворянской средѣ, является

впрочемъ извѣстіе Цебрикова о маевкѣ, устроенной харьковскимъ бомондомъ и послужившей сюжетомъ стихотворной сатиры неизвѣстнаго автора. Противорѣчіе между рассказомъ Цебрикова и старожилловъ заключается только въ хронологическихъ датахъ: первый приурочиваетъ это событіе къ маю мѣсяцу, а вторые къ марту. Кроме того, Цебриковъ ничего не говоритъ о повѣшеніи чучела; но это умолчаніе, само по себѣ, не служитъ къ опроверженію извѣстія, потому что Цебриковъ не зналъ подробностей дѣла, а потому, быть можетъ, и вступилъ въ споръ со страшнымъ представителемъ тайной канцеляріи. Впрочемъ рассказъ о немъ могъ возникнуть уже въ качествѣ фантастической прибавки къ основному повѣствованію, дабы еще болѣе усилить впечатлѣніе ужаса отъ ожидавшей городъ Харьковъ кары хотя нельзя также исключить и того предположенія, что какой нибудь зло-

умышленникъ задумалъ это дерзкое предпріятіе, чтобы вызвать еще большую панику и ужасъ среди горожанъ. Какъ бы то ни было, надъ о. Василиемъ Фотіевымъ, какъ надъ невинно пострадавшимъ, послѣ этой исторіи остался ореолъ мученичества и его личность должна была сдѣлаться очень популярной среди всего харьковскаго населенія, а особенно среди дворянства, которое могло сознательно всѣхъ остальныхъ группъ отнести къ этому дѣлу и наиболее ярко выразить свое сочувствіе потерпѣвшему.

IV.

Объ огромной популярности о. Василия Фотіева въ средѣ харьковскаго дворянства свидѣтельствуется та важная роль, какую игралъ онъ въ дѣлѣ основанія Харьковского университета. Онъ былъ правою рукою и помощникомъ В. Н. Каразина, особенно въ первый моментъ, когда нужно было пропагандировать мысль о поль-

зѣ университета среди дворянства и подвинуть это послѣднее на крупное денежное пожертвованіе. В. Н. Каразинъ, во время пребыванія своего въ Петербургѣ, избралъ о. Василю своимъ довѣреннымъ лицомъ по этому дѣлу, какъ это можно видѣть изъ одного письма *) его къ этому послѣднему. Мы приведемъ это письмо съ нѣкоторыми пропусками, касающимися подробностей той идеи, которою въ то время занятъ былъ В. Н. Каразинъ. *„Здравствуйте, душевночтимый, любезнѣйшій отецъ Василій! писалъ Василій Назарьевичъ 2 мая 1802 года. Сожалею, что не бесѣдовалъ съ вами такъ давно; въ полной мѣрѣ чувствую мою вину, но въ тоже время я за нее и наказанъ вашимъ безмолвіемъ. Прекращая оное*

---

*) Оригиналъ этого письма хранится въ библіотекѣ Харьковскаго университета; напечатано оно было впервые въ „Украинской старинѣ“ Г. П. Данилевскаго (стр. 135 — 139).

съ моей стороны, при случаѣ представленія вамъ искренняго пріятеля моего Моисея Григорьевича Ушинскаго, скажу вамъ, моему почтенному другу, что я ему далъ важное порученіе. Будьте ему подпорю и совѣтомъ: вы по самимъ свойствамъ вашимъ, которыя напослѣдокъ имѣютъ должную цѣну свою, можете много. Признаюсь охотно, что на васъ у меня величайшая надежда. Не представляю вамъ дальнѣйшихъ побужденій, вы—другъ добра и о добрѣ идетъ дѣло.

Не знаю, въ какомъ положеніи у васъ теперь важный предметъ общественнаго воспитанія. Что значать напримѣръ по существу своему казенныя училища и народное? Соединены ли они съ первымъ? И на какомъ основаніи хотятъ располагать кадетскій предварительный корпусъ? Сдѣлано ли уже съ сей стороны представленіе, куда слѣдуетъ, что получено въ отвѣтъ, какой составленъ планъ, какая пред-

положена собратся сумма и сколько ея собрано? Все это мнѣ несовершенно извѣстно. Но бывъ удостоенъ вскорѣ по возвращеніи своемъ въ Петербургъ бесѣды добраго Государя, осмѣлился я сказать ему идею о заведеніи въ Харьковѣ университета, который былъ бы образованъ лучше Московскаго и достоинъ бы называться средоточіемъ просвѣщенія полуденной Россіи. Идея моя принята съ благоволеніемъ и я принялся было уже за начертаніе плана къ нему, въ которомъ величайшее пособіе могу я здѣсь заимствовать отъ нѣсколькихъ любящихъ меня добрыхъ людей, какъ другія упражненія отвлекли меня. Я сто разъ собирался писать къ вамъ, но ожидалъ свѣдѣній о новыхъ кадетскихъ корпусахъ, которые мнѣ обѣщали доставить, ожидалъ также и рѣшительнаго случая, который я предвидѣлъ. Теперь настигъ сей случай, занимающій меня самымъ пріятнымъ образомъ, именно: угодно

было всемилостивѣйшему Государю учредить особый комитетъ для разсмотрѣнія уставовъ двухъ академій и Московскаго университета; въ семъ комитетѣ съ членами, тайными совѣтниками Муравьевымъ, графомъ Потоцкимъ и академикомъ Фусомъ, разсудилъ Е. И. В. поручить мнѣ писмоводство. Къ намъ вступило множество бумагъ, содержащихъ планы и соображенія разнаго рода по симъ заведеніямъ. Между прочимъ нашли мы, что еще въ 1786 г. покойная Государыня Императрица имѣла намѣреніе учредить въ Россіи на первый случай три университета, и на сей конецъ поднесенъ ей былъ превосходный и сообразный мѣстнымъ свѣдѣніямъ государства и народному характеру прожектъ. Можно воспользоваться имъ и еще усовершенить со стороны, о которой тогдашнія обстоятельства думать не позволяли. Сія мысль заняла всю мою душу, и я ожидаю только согласія общества дворянъ, чтобъ

дѣйствовать. Не для чего распространяться описывать пользу сего учрежденія и славу, которая отъ сего дня нашей отчизны Украины простиетъ имѣть. *Вы далье моего все сіе видите и можете другимъ представить съ тою убѣдительностью, которая вамъ свойственна.* Скажу только, что издержекъ—была бѣ на самое дѣло благая воля—бояться нечего. Онѣ будутъ весьма непримѣтны. Ежели дворянство, положивъ собрать 200 тысячъ рублей, т. е. по одному рублю съ души помѣщичьей, пригласить къ тому городскихъ жителей разныхъ состояній, хотя по малому количеству, или если часть винныхъ городскихъ доходовъ и другихъ общественныхъ суммъ на сіе обратится, то составитъ съ избыткомъ сумма на ежегодное содержаніе университета процентами. Я говорю—*положивъ собрать*, ибо скапливать вдругъ никакой суммы не надобно. Довольно, если

каждый обяжется пристойнымъ залогомъ вносить ежегодные проценты съ причитающейся ему на часть суммы. Сіе будетъ весьма легко. На предварительныя жъ издержки и заведеніе обязываюсь я испросить должныя дворянству казною 70000 руб., а можетъ быть и сверхъ того, какъ удостовѣренъ я въ участіи, какое Геній Россіи беретъ во всемъ, что до блага его подданныхъ касается. При университетѣ можно учредить и богословскій факультетъ по примѣру иностранныхъ, *котораго вамъ первымъ богословомъ быть прилично.* Сердце радуется, представляя вліяніе, какое произведетъ сіе учрежденіе на край нашъ во всѣхъ отношеніяхъ—моральныхъ, физическихъ и политическихъ. Харьковъ процвѣтетъ въ самое короткое время и будетъ имѣть честь доставлять просвѣщеннѣйшихъ сыновъ отечеству, которые во всѣ состоянія разольютъ пользу, счастье и ту дѣятельность духа, которая

творить прямыхъ гражданъ“. Далѣе В. Н. Каразинъ отмѣчаетъ важнѣйшія черты будущаго университета и между прочимъ слѣдующую: „въ семъ учрежденіи не будетъ никакихъ раздѣленій, отъ состояній или богатства зависящихъ, каждый студентъ будетъ равенъ другому, кто бы ни былъ его отецъ. Одни таланты и прилежаніе доставятъ преимущество; сіи только свойства, при выпускѣ въ аттестатъ обнаруженныя, доставятъ чинъ по мѣрѣ достоинства, но не менѣе 14-го класса и до 12-го. Сіе равенство родитъ соревнованіе и произведетъ рано или поздно въ общемъ понятіи равенство состоянія, недостатокъ котораго есть причиною, что духовенство ни мало не уважено (*какъ вы въ прекрасныхъ своихъ бумагахъ примѣтили*). Однако вы сами видите необходимость сохранить сіе въ тайнѣ до произведенія въ дѣйство. Такимъ образомъ, видя одинакое уваженіе, присвоенное

тому или другому классу людей, одинакія выгоды по мѣрѣ лишь услугъ, оказанныхъ обществу, дворяне безъ разбору будутъ поступать въ духовенство и бѣдные изъ нихъ не возгнущаются принять на себя почтеннаго званія наставника или прославлять край рожденія своего изящными художествами. *Обнимите патриотическимъ духомъ вашимъ все, что я пропустилъ въ семъ бѣгомъ начертаніи, и согрѣйте мои идеи жаромъ вашего сердца. Вы можете прежде всего побесѣдовать съ Василіемъ Михайловичемъ и Григоріемъ Романовичемъ. Я буду писать къ нимъ съ первою почтою; а можетъ быть еще и теперь успѣю. Ваши мысли сообщилъ моему Благотворителю, который будетъ (Богъ свидѣтель глубокой моей въ томъ увѣренности!) Благотворителемъ своего отечества; вы, кажется мнѣ, получите Его собственный отзывъ.*

Продолжайте мыслить такъ ангельски, какъ вы мыслите, и будьте дѣятельны и тверды; лучшіе люди въ государство почтутъ за честь быть съ вами въ связи: камергеръ Витовтовъ получилъ было порученіе отъ Г. вызвать васъ для своей части, которая, чаю, по газетамъ вамъ известна, но я удержалъ это до свиданія нашего. Простите! Съ живѣйшими чувствованіями преданности и почитанія обнимаетъ васъ вѣрно усердный слуга В. Каразинъ". Изъ приведеннаго здѣсь письма и въ особенности подчеркнутыхъ нами мѣстъ читатель можетъ ясно видѣть, что о. Василій Фотіевъ, былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ В. Н. Каразинымъ, велъ съ нимъ переписку, доставлялъ ему свои проекты, касающіеся положенія духовенства; В. Н. Каразинъ считалъ его умнымъ, вліятельнымъ человѣкомъ въ мѣстномъ обществѣ (преимущественно дворян-

скомъ: упоминаемый въ письмѣ Васи-
лій Михайловичъ—это губернской пред-
водитель дворянства Донецъ-Захаржев-
ской, а Григорій Романовичъ—пользо-
вавшійся огромнымъ значеніемъ, помѣ-
щикъ Шидловскій) и сообщалъ даже
его мысли Государю (подъ инициаломъ
Г., очевидно, нужно разумѣть слово
Государь), который, по словамъ Васи-
лія Назарьевича, имѣлъ намѣреніе
лично отвѣчать ему и вызвать его на
службу въ Петербургъ; въ предпола-
гавшемся къ открытію Харьковскомъ
университетѣ В. Н. Каразинъ хотѣлъ
дать о. Василию мѣсто главнаго про-
фессора богословскаго факультета и,
наконецъ, не безъ сильнаго преувели-
ченія, ему впрочемъ обычнаго, заяв-
лялъ, что „лучшіе люди въ государ-
ствѣ почтутъ за честь быть съ нимъ
въ связи“.

Нужно думать, что о. Василій Фо-
тѣевъ въ значительной степени оправ-
далъ надежды В. Н. Каразина—т.

е., старался, по мѣрѣ силъ своихъ, вліять на мѣстное общество, чтобы побудить его принести жертвы на открытіе въ Харьковѣ университета. Это видно между прочимъ и изъ того, что Василій Назарьевичъ въ числѣ прочихъ лицъ, наиболѣе содѣйствовавшихъ успѣху дѣла, выхлопоталъ награду и ему *) и при томъ—что очень важно въ данномъ случаѣ—награду чрезвычайную: именно орденъ св. Анны 2-й степени съ драгоценными камнями, какового будто бы не имѣлъ въ то время, по словамъ Павла Фотіева, и самъ архіерей. Однимъ словомъ, это была почти столь же необычная награда, какъ и та, которую получилъ Харьковскій городской голова Егоръ Егоровичъ Урюпинъ за свои услуги въ дѣлѣ основанія Харьковскаго уни-

---

*) См. объ этомъ въ статьѣ Фил. Вас. Каразина, посвященной В. Н. Каразину въ „Рус. Старинѣ“.

верситета. Можно сказать, что и роли ихъ въ этомъ дѣлѣ были сходныя. О живомъ участіи о. Вас. Фотіева въ дѣлахъ университета свидѣтельствуется его письмо къ В. Н. Каразину, отправленное къ этому послѣднему послѣ торжества открытія университета. „Милостивый государь и любезнѣйшій благодѣтель мой Василій Назаровичъ, писалъ о. Василій, 17-го января исполнилось наше желаніе и ревностнѣйшее ваше попеченіе о благѣ общемъ. Великое собраніе дворянъ и гражданства изъ другихъ губерній было поражено удовольствіемъ и радостію; самые зоиы въ восторгѣ духа искали васъ, спрашивали и признавались, что счастіемъ симъ, сверхъ всякаго чаянія, Украина вамъ единственно обязана. Тѣжъ, кои вамъ преданы, коимъ сердечныя чувства и намѣренія ваши извѣстнѣе прочихъ, съ восхищеніемъ благословляли ваше имя. И такъ, если упрямая судьба

воспрепятствовала вамъ насладиться торжественнымъ открытіемъ предпріятій вашихъ, яко первому виновнику, то, конечно, не зазорная совѣсть утѣшитъ васъ не токмо въ послѣдующее время, но и нынѣ исполненіемъ такого намѣренія, которое сдѣлаетъ славу и честь отдаленнѣйшему потомству. При семъ доложу вамъ, что, по письму вашему, говорилъ я съ профессорами объ эстампахъ: всѣ три русскіе согласны были оставить оныя для университета; но какое мнѣніе графское (Потоцкаго—попечителя университета) воспослѣдовало послѣ, я неизвѣстенъ, для того, что по причинѣ болѣзни не былъ цѣлую недѣлю у Ивана Степановича (Рижскаго — ректора университета). Графъ благодарилъ меня за училище (училище это по замѣчанію издателя письма—сына Василія Назарьевича Филадельфа Васильевича—заведено было также по просьбѣ Василія Назарьевича и съ

его пособіемъ) и просилъ какъ можно увеличивать и продолжать. Пять человекъ изъ моихъ питомцевъ приняты въ студенты съ отличною похвалою. Я пригласилъ еще и г. Шмерфельда для преподаванія уроковъ. Пасторомъ же крайне доволенъ. О чемъ извѣщаю васъ, будучи всѣмъ моимъ благосостояніемъ вамъ обязанъ. Что-же прежде не писалъ, тому причиною ежедневное васъ ожиданіе и надежда въ скорости увидѣть. Примите, любезнѣйшій благодѣтель, сіе искреннее мое признаніе и вѣрьте, что доколѣ жизнь во мнѣ продлится, съ особливимъ высокопочтеніемъ и благодарностію всегда пребуду, милостивый государь и любезнѣйшій благодѣтель, вашъ покорнѣйшій слуга Василій Фотіевъ. Января 24 дня 1805 года. 23-го числа графъ отправился въ Кіевъ *).

„Отсюда видно, какую благодарность и признательность пи-

*) Сѣверная пчела, 1860, № 92.

талъ о. Василій къ В. Н. Каразину даже тогда, когда этотъ послѣдній палъ и потерялъ все свое прежнее вліяніе, когда его отстранили отъ любимаго дѣла и онъ не могъ даже присутствовать при открытіи созданнаго по его иниціативѣ Харьковскаго университета. Это очень хорошо рекомендуетъ о. Василія Фотіева, какъ чело-вѣка, способнаго къ прочной, крѣпкой при-вязанности. Со всѣми университетскими дѣятелями, въ томъ числѣ и съ по-мечителемъ округа графомъ С. О. По-тоцкимъ, о. Василій поддерживалъ живыя, дѣятельныя связи. Должности старшаго профессора богословскаго фа-культета о. Василій не получилъ, но потому что не былъ учрежденъ богословскій факультетъ, мало того —каѳедра богословія не была заня-та до 1819 года (первымъ профессо-ромъ богословія былъ Аѳанасій Могилевскій). Тѣмъ не менѣе о. Василія Фотіева представляли кандидатомъ на

эту кафедру; это ясно свидѣтельствуешь объ уваженіи, которое питали къ его учености. Въ пользу ея говоритъ также то обстоятельство, что онъ состоялъ преподавателемъ приготовительнаго класса въ университетѣ.

V.

Вообще о. Василій Фотіевъ имѣлъ репутацію блестящаго педагога: онъ состоялъ преподавателемъ главнаго народнаго училища и основалъ лучшій во всемъ городѣ пансіонъ для обученія дворянскихъ дѣтей. Мы знаемъ уже (изъ приведеннаго выше письма о. Василя къ В. Н. Каразину), какого высокаго мнѣнія объ этомъ пансіонѣ былъ попечитель округа гр. С. О. Потоцкій, живо интересовавшійся школьнымъ дѣломъ и хорошо его понимавшій. Но мы имѣемъ еще другой отзывъ замѣчательнаго педагога и специалиста въ области средняго и низшаго народнаго образованія проф. И. Θ. Тимковскаго, объ о. Вас. Фотіевѣ и

его пансіонѣ. Въ отчетѣ проф. Тимковскаго объ осмотрѣнныхъ имъ училищахъ, въ октябрѣ 1803 года, сказано: „Фотіевъ—изъ священническихъ дѣтей, 47 лѣтъ, женатъ и имѣетъ дѣтей, жалованья получаетъ 250 р., обучался въ Харьковской семинаріи съ 1769 по 1784 годъ, учителемъ состоитъ съ 1796 г.; преподаетъ въ Харьковскомъ главномъ народномъ училищѣ логику по Баумейстеру, законъ Божій—по православному ученію Платона, риторикѣ—по Рижскому. Онъ не учился иностраннымъ языкамъ, кои большимъ были бы ему пособіемъ въ преподаваніи стила и основаній философіи, а латинскій языкъ давно оставилъ: Харьковская семинарія не могла снабдить его философскимъ искусствомъ. Но онъ остръ въ понятіяхъ, любитъ свою должность, охотно упражняется для нея, и педагогическія его способности изъ того видны, что его ученики, которыхъ часть и живетъ у

него, судятъ порядочно, сочиняютъ съ успѣхомъ и въ поведеніи образцовы. Пансіонъ его лучшій и самый дорогой; съ нихъ онъ беретъ по 300 и 350 р., а съ нѣкоторыхъ и гораздо меньше. Онъ имѣетъ для пансіонеровъ смотрителя иностранца и платитъ танцмейстеру за уроки имъ въ декламациі на французскомъ языкѣ и танцеванье“. *) А вотъ что сообщаетъ о Вас. Фотіевѣ и его пансіонѣ А. Розельонъ Сошальскій: самъ о. Василій, по его словамъ, славился тогда своею ученостью. „Домъ его былъ надъ рѣкою Харьковомъ, гдѣ теперь (писано въ 1859 г.) около дома Н. Н. Бахметьева незастроенное мѣсто, кажется, складъ лѣсныхъ матеріаловъ, и въ этомъ домѣ у него находился первый въ Харьковѣ дворянскій пансіонъ, изъ котораго почти всѣ старшіе воспи-

---

*) Н. А. Лавровскаго. В. Н. Каразинъ и открытіе Харьковскаго университета (Ж. Мив. Нар. Просв. 1872, январь).

танники, при открытіи въ 1804 г. университета, вступили въ него. Въ томъ числѣ было два брата Розельонъ—Сошальскіе (Иванъ и Ѳедоръ), Иванъ Евграфовичъ Хлоповъ, если не ошибаюсь, Петръ Еремѣевичъ Перекрестовъ—Осиповъ и другіе. Еще нѣсколько времени по открытіи университета, отецъ Василій преподавалъ логику, метафизику, риторику и поэзію въ харьковской гимназіи, въ 1808 или 1809 году замѣненъ былъ воспитанниковъ университета Любовскимъ. Священнодѣйствовалъ Фотіевъ въ Вознесенской церкви; у него былъ одинъ сынъ по имени Сократъ, воспитывавшійся въ харьковскомъ университетѣ по медицинскому факультету. Онъ былъ, сколько припомню, товарищемъ по курсу кн. Цертелева*). Въ 1813 г. извѣстный намъ Цебриковъ посѣтилъ Вознесенскую церковь въ Харьковѣ,

---

*) Приб. къ „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1859 г., № 21.

гдѣ продолжалъ священствовать о. Василій, и встрѣтился тамъ съ этимъ послѣднимъ. „Когда разошлись люди, пишетъ онъ, я началъ осматривать иконостасъ и другіе мѣстные образа: все было еще ново, привлекательно и благолѣпно. Обратясь, наконецъ, къ алтарю, чтобы помолясь выдти изъ церкви, увидѣлъ я выходящаго оттуда весьма малорослаго іерея, украшеннаго крестомъ и орденомъ св. Анны 2-го класса. Онъ, подошедши къ брату (Цебриковъ былъ со своимъ роднымъ братомъ — совѣтникомъ губернскаго правленія), спросилъ его: „не братца ли вашего имѣю честь видѣть“? „Не могу васъ узнать“. „Я—Фотіевъ“. Извините по истинѣ—не могу припомнить“. „Я—тотъ самый, который изъ духовной семинаріи ходилъ въ то училище, гдѣ вы воспитывались, учиться по французски, математикѣ, архитектурѣ и живописи и имѣлъ честь сидѣть въ однихъ съ ва-

ми классахъ“. „Да, теперь я вспомнилъ“. „А я думаю, присовокупилъ братъ, что ты долженъ помнить и батюшку его, который извѣстенъ былъ въ городѣ по проименованію Грѣшнаго“. „И росту, сказалъ я къ іерею, еще менѣе вашего“. Я нашелъ сего священника или, какъ послѣ услышалъ, протопопа весьма ловкимъ, развязнымъ, обходительнымъ и въ прямомъ смыслѣ человѣкомъ свѣтскимъ. На вопросъ мой, какой архитекторъ строилъ эту церковь, онъ мнѣ отвѣчалъ, что храмъ сей воздвигнутъ по собственному его плану и старанію; потомъ повелъ насъ въ алтарь; я не могъ не удивиться, увидя внутреннее расположеніе онаго точно такое, каково здѣсь (т. е. въ Петербургѣ) въ артиллерійской церкви Св. Сергія: тотъ же престолъ, такія-же вокругъ его колоны, одинакое убранство и величїе. „Вы, конечно, сказалъ я ему, имѣли планъ съ нашей С.-Петербург-

ской Сергіевской церкви“. „Совсѣмъ нѣтъ и ничего о ней не слыхалъ, а все, что видите въ семь Божьемъ домѣ, есть дѣло собственнаго моего изобрѣтенія и распоряженія“. Правда онъ учился самъ очень хорошо и прилежно и имѣлъ особое дарованіе къ рисованію, живописи и архитектурѣ“. Въ заключеніе Цебриковъ сообщаетъ еще объ одной непріятности, постигшей Фотіева за годъ до пріѣзда его (автора) въ Харьковъ: въ числѣ воспитанниковъ Фотіевскаго пансіона былъ сынъ мѣстнаго губернатора, попавшійся въ поддѣлкѣ фальшивыхъ ассигнацій. Это, конечно, было очень непріятно Фотіеву, но ни онъ самъ, ни его пансіонъ въ этомъ были, само-собою разумѣется, неповинны.

Въ заключеніе приведемъ еще нѣкоторыя свѣдѣнія о Фотіевѣ изъ записки его племянника, которою мы пользовались уже и раньше. „Отецъ Василій, пишетъ онъ, послѣ семилѣтней службы

въ званіи священника вышелъ за штатъ по непріятностямъ съ мѣстнымъ архіереемъ, который гналъ его за то, что онъ, по ходатайству Каразина, получилъ орденъ св. Анны 2-й степени, украшенный драгоценными камнями, котораго не имѣлъ еще тогда и самъ архіерей... О. Василій Фотіевъ пользовался при жизни своей уваженіемъ въ кругу аристократовъ Харьковской губ. и уже, бывши глубокимъ старикомъ, ѣздилъ каждую недѣлю въ село Салтовъ Волчанскаго уѣзда, гдѣ давалъ уроки сыну владѣльца этого села Хорвату... У Сократа Васильевича Фотіева были и портреты его отца и дѣда, довольно художественно написанные масляными красками, перваго въ молодыхъ лѣтахъ, съ Анной на шеѣ". Здѣсь оказывается невѣрнымъ только извѣстіе о раннемъ выходѣ въ отставку о. Василя Фотіева (будто-бы послѣ 7-ми лѣтняго служенія). Цебриковъ видѣлъ о. Василя священникомъ Воз-

несенской церкви еще въ 1813 г., а священнослужительствовалъ онъ въ ней уже во всякомъ случаѣ въ 1801 г., во время того непріятнаго эпизода, о которомъ мы рассказывали выше. Въ этомъ же 1801 году, замѣтимъ кстати, было напечатано въ Москвѣ „Слово на заложеніе храма Вознесенія Господня въ Харьковѣ“, повидимому, его единственное литературное произведеніе. Павелъ Николаевичъ Фотіевъ сообщаетъ о существованіи портрета о. Василя Фотіева. Желательно было-бы знать, не сохранился ли онъ у кого нибудь изъ потомковъ его до настоящаго времени.

VI.

Другой дѣятель—протоіерей Андрей Аѳанасьевичъ *Самборскій*—представляетъ несравненно болѣе видную личность, чѣмъ о. Василій Фотіевъ; но его дѣятельность принадлежитъ Россіи, она входитъ въ общерусскую исторію и только въ самой незначительной сте-

пени касается Харьковскаго края; и такъ какъ мы здѣсь можемъ оцѣни- вать почти исключительно то, что онъ сдѣлалъ для своей родины—Слобод- ской Украйны, то естественно, что мы его ставимъ какъ мѣстнаго дѣятеля позади протоіерея Василя Фотіева. Для того же чтобы понять и уяснить себѣ начало и происхожденіе его куль- турныхъ начинаній для нашего рай- она, необходимо знать хотя важнѣй- шія данныя его біографіи вообще *).

---

*) А. А. Самборскій заслуживаетъ об- стоятельной біографіи, въ качествѣ вы- дающагося дѣятеля трехъ царствованій, тѣмъ болѣе, что о личности его въ лите- ратурѣ высказывались противорѣчивые взгляды и сужденія. Его дѣятельность въ качествѣ законоучителя Имп. Александра I подверглась рѣзкому осужденію двухъ ис- ториковъ нашего времени—Морошкина (въ сочиненіи „Іезуиты въ Россіи“) и пр. В. К. Надлера (въ его трудѣ „Идея свя- щеннаго союза и религіозно-нравственное воспитаніе Имп. Александра I-го“). Въ за- щиту Самборскаго выступили его потом-

Андрей Аѳанасьевичъ родился въ 1732 г. въ д. Сыроваткѣ Харьковск. губ.; отецъ его былъ священникъ, но

ки, издавшіе въ 1888 году брошюру „О жизни протоіерея А. А. Самборскаго“ (76 стр.), въ которой находится много документовъ о немъ, и свящ. В. Жмакинъ, напечатавшій недавно въ журналѣ „Христіанское чтеніе“ цѣлый рядъ писемъ Самборскаго къ Имп. Александру и оберъ-прокурору Св. Синода, князю А. Н. Голицыну, и снабдившій ихъ предисловіемъ, гдѣ старается (и на нашъ взглядъ, весьма удачно) оправдать Самборскаго отъ неосновательныхъ обвиненій, возводимыхъ на него Морошкинымъ. Еще раньше краткій очеркъ жизни Самборскаго сообщилъ въ своемъ „Ист. Стат. опис. Харьк. еп.“ преосв. Филаретъ; онъ же далъ намъ любопытное описаніе храма, воздвигнутаго его потомками въ принадлежавшей Самборскому деревнѣ Стратилатовкѣ. Свой очеркъ мѣстной харьковской культурной дѣятельности А. А. Самборскаго мы основываемъ, главнымъ образомъ на письмахъ его, изданныхъ свящ. В. Жмакинымъ. Считаемъ полезнымъ познакомить

изъ старшинскаго званія; въ м. Царь-борисовкѣ мы находимъ сотника Андрея Самборскаго (очевидно, его родственника). Воспитывался Андрей Аонасьевичъ первоначально въ Вѣлгородской семинаріи, а потомъ въ Кіевской духовной академіи. Въ это время Императрица Екатерина II-я задалась цѣлью распространить посредствомъ ду-

---

съ личностью А. А. Самборскаго харьковское общество, такъ какъ письма эти были помѣщены въ специальномъ духовномъ органѣ и едва ли были замѣчены даже всѣми специалистами; брошюра была издана не для публички, въ количествѣ всего 100 экз., и не поступала въ продажу, а сочиненія Морошкина и В. К. Надлера имѣли широкій кругъ читателей вездѣ, въ томъ числѣ и въ нашей мѣстности. Быть можетъ, наша замѣтка вызоветъ на свѣтъ Божій какія нибудь свѣдѣнія о современномъ состояніи тѣхъ благотворительныхъ учрежденій, которыя въ началѣ текущаго столѣтія заведены были въ с. Стратилатовкѣ и Изюмскомъ уѣздѣ А. А. Самборскимъ.

ховенства научныя агрономическія свѣдѣнія среди населенія и обратилась въ академію, съ тѣмъ, чтобы она указала на лучшихъ своихъ питомцевъ, которые бы пожелали отправиться для изученія земледѣлія въ Англію. Въ эту то группу избранниковъ попалъ и Самборскій, получившій, такимъ образомъ, возможность обстоятельно изучить сельское хозяйство и англійскій языкъ. Въ это же самое время онъ состоялъ причетникомъ нашей посольской церкви въ Лондонѣ и женился на англичанкѣ, убѣдивъ ее принять православіе; въ 1768 г. онъ былъ посвященъ въ іерейскій санъ и назначенъ священникомъ въ Лондонѣ и оставался тамъ до 1782 г., оказывая всяческую помощь и услуги русскимъ людямъ, попадавшимъ въ Англію. Затѣмъ, Самборскій назначенъ былъ духовникомъ Цесаревича Павла Петровича во время путешествія его съ супругой Маріей Ѳеодоровной за границей. Въ

1784 году ему было поручено дѣло чрезвычайной важности, ясно свидѣтельствовавшее объ огромномъ довѣрїи, которое питала къ нему Императрица: онъ былъ назначенъ законоучителемъ и преподавателемъ англійскаго языка къ Великимъ Князьямъ Александру и Константину Павловичамъ; въ такомъ же званїи онъ состоялъ потомъ и при Великихъ Княжнахъ. Съ 1797 г. къ этсму присоединилась еще новая обязанность, вполне соответствовавшая его познаніямъ и вкусамъ: онъ былъ назначенъ директоромъ земледѣльческой школы, помѣщавшейся на дачѣ Бѣлозеркѣ близъ Царскаго Села. Съ 1799 по 1804 годъ Самборскій состоялъ духовникомъ при Великой Княгинѣ Александрѣ Павловнѣ (вышедшей замужъ за австрійскаго эрцгерцога и венгерскаго палатина Іосифа) и проживалъ въ Буда-Пештѣ. Въ 1804 году онъ вернулся въ Петербургъ и удалился, по старости и дряхлости, на

покой. Матеріальное положеніе его было вполнѣ обезпечено царственными щедротами: Императоръ Павелъ пожаловалъ ему въ собственность село Стратилатовку (въ Изюмскомъ уѣздѣ Харьковской губ.) съ 500 д. крѣпостныхъ; при отставкѣ онъ получилъ пенсію въ 11260 р. (изъ коихъ 7600 бралъ изъ кабинета Государя и 2000 р. отъ венгерскаго палатина) и казенную квартиру въ Михайловскомъ замкѣ. Передъ смертію онъ написалъ письмо Государю, гдѣ просилъ о милостяхъ для своего семейства—и эта просьба была исполнена во всѣхъ ея частяхъ: внукамъ (Малиновскимъ) оставлена была его пенсія (въ размѣрѣ 7600 р.) и квартира въ Михайловскомъ дворцѣ; съ имѣніа снятъ долгъ заемному банку (въ размѣрѣ 36000 р.). Сверхъ того, Самборскій получалъ еще высокіе знаки отличія, въ томъ числѣ орденъ Анны 1-й степени и крестъ, осыпанный

бриллиантами. Умеръ онъ въ 1815 году 82 лѣтъ отъ роду; отпѣваніе надъ нимъ производилъ самъ митрополитъ. Таковы внѣшніе факты его біографіи. Что касается внутреннихъ интересовъ его жизни, то они сводятся къ тремъ важнѣйшимъ: его священно-служительству, духовно-религіозному наставничеству Высочайшихъ Особъ и агрономическимъ занятіямъ. О любви его къ священно-служительству свидѣтельствуется тотъ фактъ, что онъ, придя въ старость, удрученный болѣзнями, испросилъ себѣ Высочайшее разрѣшеніе служить въ устроенныхъ имъ домовыхъ церквяхъ въ Михайловскомъ дворцѣ и сел. Стратилатовкѣ. Самборскаго обвиняютъ въ томъ, что онъ не сумѣлъ внушить религіозныхъ началъ своему Царственному Питомцу Императору Александру I, и говорятъ, что это будто бы произошло отъ того, что онъ самъ не былъ достаточно ученымъ и обра-

зованнымъ наставникомъ. Но на самомъ дѣлѣ, Самборскій былъ очень образованнымъ человѣкомъ и, несмотря на свое знакомство съ энциклопедистами, въ то же время, весьма преданнымъ православной вѣрѣ. У него не было только религіознаго суевѣрія и нетерпимости, о чемъ онъ самъ говоритъ въ своихъ письмахъ къ Государямъ. Не мало порицали его также за то, что онъ брилъ бороду и носилъ свѣтскую одежду, по примѣру другихъ православныхъ священниковъ, проживавшихъ долго за границей. Своему питомцу (будущему Императору Александру I-му) онъ старался дать основы религіи и воспитать его въ христіанской этикѣ: его стремленія, главнымъ образомъ, сводились къ тому, чтобы внушить ему любовь къ Богу и любовь къ ближнему. „Выше и драгоцѣннѣе самой жизни моей представляю, писалъ онъ самъ, сей торжественный случай, которымъ могу

возвѣститъ любезнѣйшему отечеству, что ихъ Высочествъ сердца суть расположены ко всякой благодѣтели, что благоугодно есть предъ Богомъ“.

„Старайтесь находить, внушалъ онъ будущему монарху, во всякомъ человѣческомъ состояніи своего ближняго, тогда никого не обидите и тогда исполните Законъ Божій“. Ему же онъ совѣтовалъ всячески избѣгать ласкателей, угнетающихъ правду: „проходя всѣхъ прошедшихъ вѣковъ событія, находимъ, что почти всѣ земные владыки больше или меньше сдѣлались жертвою онаго ласкательства, и кто больше предавался оному, тотъ въ страшнѣйшее превратился чудовище“. Говоря о системѣ своего духовнаго наставничества у княженъ, Самборскій заявляетъ: „сердца Ихъ Высочествъ образовывались главно къ благотворенію ближнему, а по превосходству христіанскаго закона и къ любленію вра-

говъ“. *) Неудивительно, что при такомъ пониманіи своей высокой задачи, Самборскій сѣумѣль заслужить любовь и расположеніе своихъ царственныхъ питомцевъ: Имп. Александръ питалъ къ нему теплыя чувства до самой его смерти; великая княжна Александра Павловна была такъ предана ему, что взяла его, какъ мы видѣли, своимъ духовникомъ въ Венгрію; очень уважали его и довѣряли ему Екатерина II-я и Имп. Павелъ. Свою любовь къ земледѣлію, природѣ и земледѣльцу Самборскій старался внушить и своему питомцу: онъ гулялъ съ нимъ по полямъ и знакомилъ наглядно съ земледѣліемъ; вводя его въ крестьянскія хижины и указывая на ихъ бѣдность. „Ваше Императорское Величество, писалъ онъ ему, могли весьма ясно познать мою прямую систему религіи евангельской и религіи сельской,

---

*) О жизни прот. А. А. Самборскаго, стр. 50.

изъ которыхъ происходятъ благонаравіе и трудолюбіе, которыя служатъ твердымъ основаніемъ народнаго благоденствія; когда монархъ успѣетъ поставить свой народъ на сію степень блаженства, тогда онъ не устрашится предстать съ отвѣтомъ въ будущей жизни предъ нелицепріятнымъ и праведнымъ Судією-Богомъ“. *) Яркимъ доказательствомъ агрономическихъ познаний и занятій Самборскаго является разбитый имъ паркъ близъ Павловска (на дачѣ Александровой), который существуетъ и доселѣ. Въ 1783 г., проѣзжая черезъ Малороссію, онъ интересовался состояніемъ въ ней сельскаго хозяйства и пришелъ къ неутѣшительнымъ заключеніямъ, которыя и высказалъ въ письмѣ къ кн. Безбородко. Такъ же усердно занимался онъ сельскимъ хозяйствомъ въ своемъ сел. Стратилатовкѣ всякій разъ, когда только представлялась ему возможность по-

*) Ibidem., стр. 57.

сѣтитъ этотъ сельскій уголокъ его родной Украины. Въ характеристикѣ этой стороны его дѣятельности мы теперь и переходимъ.

VII.

Пожалованное Имп. Павломъ Самборскому селеніе Стратилатовка (иначе Камянка) находилось на берегахъ рѣчки Камянки, вблизи Донца, на дорогѣ изъ Изюма въ Славянскъ, въ нынѣшнемъ Изюмскомъ уѣздѣ Харьковской губ. Нужно замѣтить, что тогда уже и въ Слободскоукраинской губ. существовало крѣпостное право (введенное, впрочемъ, недавно—въ началѣ 80 годовъ); поэтому и Самборскій вмѣстѣ съ помѣстьемъ получилъ 500 душъ крѣпостныхъ крестьянъ. И вотъ лѣтомъ Андрей Аѳанасьевичъ жилъ въ своей усадьбѣ, гдѣ усердно занимался улучшеніемъ быта крестьянъ; такъ, онъ устроилъ судъ изъ крестьянъ-стариковъ, по приговору коихъ награждали и на-

казывали, завелъ школу для обученія крестьянскихъ дѣтей грамотѣ и церковному пѣнію, устроилъ больницу и опредѣлилъ доктора; въ то же время онъ старался о распространеніи среди крестьянъ здравыхъ понятій о земледѣліи и съ этою цѣлью выписалъ изъ Англіи нѣсколько земледѣльческихъ орудій (нѣкоторые изъ крестьянъ стариковъ помнятъ, какъ Андрей Аѳанасьевичъ показывалъ имъ употребленіе новаго плуга и самъ пахалъ имъ, снявъ наперсный крестъ свой и ордена и повѣсивъ ихъ на дерево. Мѣсто это и дерево помнили и показывали крестьяне внукамъ о. Самборскаго, а плугъ до сихъ поръ хранится у его правнука). Не мало положилъ заботъ и стараній о. Самборскій и на пользу усовершенствованія во всѣхъ другихъ отрасляхъ хозяйства *). О его гуманныхъ

---

*) „О жизни прот. А. А. Самборскаго“, стр. 13—14.

и благотворительныхъ предпріятіяхъ было доведено до свѣдѣнія Государя, который повелѣлъ выразить ему за это свое благоволеніе. Въ 1811 г. Харьковскій губернаторъ Иванъ Ивановичъ Бахтинъ, извѣстный своимъ покровительствомъ всякимъ общеплезнымъ начинаніямъ, писалъ министру полиціи: „прошлаго 1808 г. имѣлъ я честь представить г. бывшему министру внутреннихъ дѣлъ князю Алексѣю Борисовичу Куракину о богоугодныхъ заведеніяхъ Высочайше ввѣренной управленію моему губерніи, изюмскаго уѣзда, помѣщика г. протоіерея и кавалера Самборскаго, устроенныхъ имъ въ селѣ его Стратилатовкѣ, какъ то: 1) о домѣ для больницы, въ коемъ можетъ помѣщаться 8 чел. больныхъ и близь онаго выстроенномъ другомъ для сего же предмета, 2) о домѣ для вдовъ и сиротъ, 3) о домѣ для училища малолѣтнихъ поселянъ, въ коемъ находится 18 учениковъ, и что больные

пользуются; и какъ оныя, а равно вдовы, сироты и учащіеся содержатся на его, г. Самборскаго, коштѣ, присовокупя къ тому и то, что онъ, Самборскій, въ 1807 г. принадлежавшій ему въ г. Изюмѣ домъ съ строеніемъ отдалъ для помѣщенія штатной и приходящихъ командъ больныхъ воинскихъ чиновъ, снабдя оный отъ себя нѣкоторыми нужными вещами“... Монаршее благоволеніе подѣйствовало на него ободряющимъ образомъ. „Г. Самборскій, будучи ободренъ Монаршимъ благоволеніемъ, прилагалъ стараніе о распространеніи тѣхъ заведеній; почему нынѣ получилъ я донесеніе отъ изюмскаго земскаго исправника, что онъ, между другими занятіями по должности его, входилъ и въ разсмотрѣніе чѣловѣколюбивѣйшихъ заведеній г. Самборскаго. въ селѣ его Стратилатовкѣ устроенныхъ, и нашелъ домъ для сиротъ и вдовъ, также третій для удрученныхъ старостію, и больницу, со-

держимыхъ соотвѣтственно названію сему, при больницѣ особый домъ съ лекарствами и для прививанія оспы довольно видный, а наипаче домъ, выстроенный для пораженныхъ любо-страстною болѣзною простолюдиновъ, становится въ нихъ явнымъ обуздани-емъ къ воздержности отъ пороковъ; при семъ онъ, исправникъ, замѣтилъ, что поработившіе себя тоlikой слабости поселяне очевидно начали посте-пенно обращаться болѣе къ трезвости, трудолюбію и хорошему поведенію, не-жели какъ до сего времени обладала ими неоздержность. Сверхъ сихъ бого-угодныхъ заведеній одобряетъ онъ и сельское народное училище, гдѣ, подъ руководствомъ хорошаго священника, крестьянскія дѣти, навывая къ чтенію, письму и ариѳметикѣ, довольно пріят-ности доставляютъ стройнымъ въ хра-мѣ Божіемъ пѣніемъ; кромѣ сего онъ, г. Самборскій, завелъ гишпанской по-роды овецъ и развелъ шелковичную

плантацію“ *). Въ этомъ свидѣтельствѣ оффиціального лица болѣе всего любопытны тѣ мѣста, гдѣ говорится о расширеніи учрежденій Самборскаго и о благотворномъ вліяніи ихъ на народъ; глубокую симпатію вызываетъ къ себѣ также попытка Самборскаго бороться съ такимъ ужаснымъ бичемъ сельскаго населенія, какъ „любострастная болѣзнь“, т. е. сифилисъ. Изъ разныхъ источниковъ мы знаемъ, что эта „французская болѣзнь“ была сильно распространена въ Малороссіи уже въ концѣ XVIII вѣка—и Самборскому принадлежитъ едва-ли не первый опытъ рационально задуманнаго средства борьбы противъ нея. Въ письмѣ на имя государя Самборскій самъ рассказываетъ о своихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ и мотивируетъ свой рассказъ желаніемъ найти себѣ подражателей; пользуясь случаемъ, онъ кста-

---

*) Христ. чтеніе, 1894, ноябрь—декабрь, стр. 432—433.

ти выступаетъ съ ходатайствомъ передъ Государемъ за своего сосѣда-помѣщика Денисенкова, который также стремился создать у себя общепользное учрежденіе—минеральныя воды для леченія разныхъ болѣзней. „Что я и нынѣ не тщетно питаюсь трудами В. Имп. Вел. подданныхъ, ввѣренныхъ моему попеченію, долгомъ поставляю донести, что я, съ Божіею помощью и содѣйствіемъ искуснаго врача, исполнилъ священныя обѣты, данныя въ плачевный для меня часъ, когда послѣдній разъ имѣлъ счастье лобызать Вашу десницу, данной Вашему Величеству во врачеваніи поселянъ отъ жестокихъ и опасныхъ болѣзней; и на случай всегда случающихся разныхъ болѣзней въ народѣ, устроилъ я больницу въ уѣздномъ городѣ Изюмѣ для пользованія уѣздныхъ людей, больныхъ бѣдныхъ и для прохожихъ больныхъ солдатъ, а другую въ Высочайше дарованномъ мнѣ достояніи—тутъ же устроилъ бога-

дѣльню для вдовиць и сиротъ, училище для наставленія молодыхъ поселянъ въ Законъ Божіемъ и другихъ полезныхъ упражненіяхъ, и что вообще неуспшно. стараюсь привести къ благо нравію и трудолюбію всякаго возраста и пола находящихся въ развратѣ поселянъ. Дабы такovyя дѣянія, принадлежащія всякому человѣку и христіанину, воспріяли свое теченіе, просилъ я харьковскаго губернатора, мужа во всей строгости справедливаго, дабы онъ, освидѣтельствовавъ такovyе мои подвиги, представилъ министру внутреннихъ дѣлъ не тщеславія ради или возмездія, но для побужденія другихъ къ дѣламъ богоугоднымъ и человѣколюбивымъ. Испытавъ я многожды страшное гоненіе суетвѣрія и зависти, долженъ былъ бы пребыть въ молчаніи и не возстановлять противу себя новаго неудовольствія, но чувствую, что по числу дней моихъ и по изнеможенію долженъ я скоро пе-

реселиться въ вѣчность и предстать съ отвѣтомъ предъ нелицепріятнымъ судіею, который речетъ: „вѣдый волю Господа своего и не творяй біенъ будетъ много“! (Лук. XII, 47). Въ великомъ пространствѣ Россійской Имперіи, конечно, премногіе суть человѣколюбивые и сострадательные владѣльцы. На оное пространство не простираю моего умозрительнаго вѣдѣнія, отъ коего остерегался я во всякихъ случаяхъ, а единственно отношусь къ округу моего мѣстопробыванія и съ тягчайшимъ сокрушеніемъ моя душа безпрерывными и трогательными опытами понуждаюсь рещи: изсяче любовь къ ближнему! Ближній, снѣденный немилосердою болѣзною, лишенный человѣческаго подобія, представляется жалкимъ, лютѣ страждетъ и нѣсть исцѣляй его. Чада, рождающіяся отъ сѣмени его, суть слабыя, умираютъ безвременно, и нѣсть спасаей ихъ. Безчисленная гибель народа! Изсяче бо

любовь къ ближнему. Владѣльцы не
внемлютъ таковому ихъ злосчастному
состоянію, а стараются токмо о при-
ращеніи своихъ доходовъ и собствен-
ной пользѣ. О единомъ исключительно
долженъ я упомянуть здѣсь, который,
открывъ въ своемъ владѣніи цѣлитель-
ныя воды, испытанныя химіи профес-
соромъ Харьковскаго университета и
въ дѣйствиіи уже нѣкоторымъ произ-
ведшія исцѣленіе, открылъ всѣмъ при-
ходящимъ употребленіе оныхъ водъ
безденежно съ нѣкоторыми при томъ
угодіями. Но какъ онъ есть мно-
гобѣденъ и многочаденъ, то и не
можетъ устроить всего надлежа-
щаго безъ пособія В. И. Вел., о
которомъ онъ недавно просилъ для
блага общаго и щедролубіе Ваше запре-
щаетъ мнѣ о семъ паки просить. Да
и начальствующіе въ казенныхъ селе-
ніяхъ главы ниже понятія имѣютъ о
исцѣленіи и благоуравіи народа. Сего
народа гласомъ со слезами воцію къ

тебѣ, Божій помазанниче, вонми гласу моленія моего и не вниди въ судъ съ рабомъ твоимъ (Псал. 142, 1—2). Вторая заповѣдь закона Божія: возлюбиши ближняго своего, яко самъ себе (Мѣ. XII, 39), да не поставится мнѣ въ вину. Самъ бо ты, благоутробнѣйшій отче, во всякихъ случаяхъ, на всякомъ мѣстѣ, всякому безъ изъятія ближнему являешь любовь. Сія есть твоя главная душевная пища. Ты проникаеши даже въ самыя глубокія и мрачныя пропасти земныя, въ которыхъ осужденные на смерть томятся голодомъ, холодомъ и тяжкими работами. Изъ темницъ изводиши сихъ страдальцевъ на свѣтъ и дарствуеши имъ вторую жизнь. Тако подобися самому Богу. Богоподобный обладатель несчетныхъ и разнообразныхъ племенъ и языковъ, да благоугодно будетъ тебѣ обратить благоутробіе твое на здѣшнюю страну, въ ней же влачатъ жизнь многіе живые мертвецы. Едино

помазаніе твое довлѣетъ къ ихъ оживо-
творенію. Рцы токмо владѣльцамъ и
властемъ предержащимъ: возлюбиши
ближняго своего, яко самъ себе, то
вѣрно любовь въ нихъ воспламенится,
посредствомъ которой всѣ прокаженные
исцѣлятся и съ бодростью тѣла и духа
потекутъ на дѣла своя. Непостижимая
и безконечная вѣчность, мнѣ ненадолзѣ
предлежащая, якоже и всѣмъ земнород-
нымъ, принудила меня представить сію
нагую истину Тебѣ, великодушный
Самодержецъ, къ стопамъ коего, повер-
гая себя и теплыми орошая оныя сле-
зами, молю: да всѣ Высочайшія твоя
милости и самую мою жизнь запечат-
лѣши печатію челоуѣколюбія, да съ
миромъ почію. Я же до послѣдняго
моего дыханія горячайшія буду при-
носить молитвы Царю вѣковъ и царей,
Всемогущему Богу, да никакое же къ
Тебѣ придетъ зло, да посреди огня и
мечей не приблизится рана тѣлеси
Твоему, да сохранятьъ тя ангелы во

всѣхъ путехъ твоихъ, наконецъ, да на аспида и василиска наступиши и попереши льва и змія (Пс. XC, 7—13). Сіи бо суть враги нашего любезнѣйшаго отечества. Нѣтъ сомнѣнія, что ты, благочестивый монархъ, надѣятся на Бога, не точію сохраниши оное во всей цѣлости, величествѣ и славѣ, но и распространиши. Аще бо Богъ съ нами, то кто на ны? Все сіе заключивъ моею всесовершенною преданностію, предаю себя Вашему отеческому благоволенію. 1809, мая 29, Стратилатовка *)“. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить заботу Самборскаго о своемъ краѣ — Харьковской губерніи, любовь его къ простолюдинамъ, указаніе на отсутствіе такой любви къ нимъ со стороны помѣщиковъ и ближайшаго начальства и наконецъ, твердую вѣру въ то, что если бы Государь указалъ имъ на заповѣдь любви къ ближнему, то этимъ бы могъ воспламенить ихъ на подвиги чело-

---

*) Ibidem, стр. 439—441.

колюбія. И нельзя не сознаться, что Самборскій былъ правъ въ значительной степени даже въ послѣднемъ пунктѣ. Многочисленные факты доказываютъ намъ, что общества и лица, дѣлавшія въ началѣ царствованія Имп. Александра пожертвованія на разныя просвѣтительныя и благотворительныя цѣли, руководствовались тутъ, главнымъ образомъ, расположеніемъ и любовью къ просвѣщенію и благотворенію юнаго человѣколюбиваго Государя. Яркимъ доказательствомъ этого являются пожертвованія харьковскаго общества на устройство университета. В. Н. Карзинъ прекрасно понялъ эту черту времени и сумѣлъ воспользоваться ею для своихъ благородныхъ общественныхъ цѣлей. Самборскій, близко стоявшій къ Имп. Александру, самъ направлявшій его, какъ мы видѣли, на путь любви къ ближнему, глубоко вѣрилъ въ возможность широкаго развитія благотворительныхъ учрежденій

на Руси подъ вліяніемъ распространенія въ обществѣ любви къ ближнему и эта любовь, по его мнѣнію, могла перейти отъ царя къ начальству и дворянству. Онъ думалъ, что и другіе, также легко какъ и онъ самъ, въ угоду Государю, будутъ заботиться о своихъ крѣпостныхъ, забывая, что эти другіе находились совсѣмъ въ иномъ положеніи относительно прямого воздѣйствія на нихъ личности Императора. Вообще онъ, вмѣстѣ съ В. Н. Каразинымъ и массою другихъ передовыхъ тогдашнихъ дѣятелей, ошибался, когда все сводилъ къ внѣшнему одобренію или даже вознагражденію дѣятельности тѣхъ или иныхъ лицъ. Гдѣ нѣтъ внутренняго побужденія и сознанія, тамъ не можетъ быть и прочной длительной общественнополезной дѣятельности. Поощреніе и покровительство полезны на первыхъ порахъ, какъ приготовительныя ступени для созданія въ ближайшемъ будущемъ

сознательной работы отдѣльныхъ лицъ на общее благо, но ихъ нельзя поставить „во главу угла“. Русское общество того времени, по отзыву самого Самборскаго, было очень скудно человѣколюбивыми людьми. Въ видѣ исключенія онъ могъ указать только на помѣщика Денисенкова, но и этотъ Денисенковъ впоследствии оказался совершенно недостойнымъ такой лестной рекомендаціи, ибо просто на просто обманулъ Самборскаго; такъ по крайней мѣрѣ, пишетъ самъ Самборскій въ своихъ письмахъ къ кн. Голицыну. Эти письма весьма характерны, ибо съ одной стороны рисуютъ намъ личность самаго Самборскаго, а съ другой современное ему слободскоукраинское общество.

VIII.

Самборскій, повидимому, не отличался практичностью и особымъ искусствомъ узнавать людей. Агрономъ теоретикъ, онъ оказался не совсѣмъ практичнымъ хозяиномъ-землевладѣль-

цемъ. Довѣрившись Денисенкову и, быть можетъ, увлекшись блестящею будущностью его „Минеральныхъ водъ“, Самборскій отдалъ ему за нихъ свой великолѣпный лѣсъ—и потомъ горько раскаялся въ этомъ. Что касается Денисенкова, то это былъ повидимому одинъ изъ помѣщиковъ новаго типа; онъ зорко присматривался ко всему, изъ чего можно было извлечь выгоду, и попалъ въ ряды прогрессистовъ, потому что это обѣщало ему пользу. Такое впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ, выносится изъ писемъ Самборскаго къ А. Н. Голицыну. Въ одномъ изъ нихъ онъ пишетъ: „послѣ сего удовлетворять долженствую собственное вашего сіятельства любопытство о цѣлительныхъ Александрійскихъ водахъ. Симъ именемъ назвалъ оныя владѣлецъ отставной ротмистръ Иванъ Денисенковъ потому, что я близъ оныхъ совершалъ священнослуженіе во храмѣ, посвященномъ священномученицѣ Александрѣ

въ то время, когда я самъ пользовался сими водами. Обстоятельное оныхъ описаніе при семъ прилагаю, коего я, по прошенію Денисенкова, былъ первоначальнымъ попечителемъ, какъ и испытанія водъ, къ которому пригласилъ я Харьковскаго университета профессора химіи Гизе, поелику Денисенкову никакого вниманія не было сдѣлано. Разстояніемъ же воды сіи отъ города Изюма болѣе срока версть, на степныхъ возвышенныхъ мѣстахъ. Теперь долженъ я сказать нѣчто и о Денисенковѣ. Хотя онъ и крестьянскаго происхожденія, однако воспитанъ былъ преискуснымъ законовѣдомъ, который умѣлъ священные народные законы обращать ко своимъ пользамъ направо и налѣво. Сей преострый воспитанникъ, напитанный до избытка таковыми правилами, учинился и самъ судія Изюмскаго уѣзда. По сему случаю онъ и сдѣлалъ тѣсное со мною знакомство. Имѣя даръ приспособляться

къ характеру людей, скоро онъ вѣд-
рился въ мое сердце, внутри церкви
онъ молился съ великимъ благоговѣ-
ніемъ, воздыхалъ, а иногда и слезы
испускалъ, внѣ церкви непрестанно
бесѣдовалъ онъ о благѣ общемъ—о
народномъ непросвѣщеніи, о неправо-
судіи судей. Вы, прозорливый мужъ,
знаете, что сія суть мои владычеству-
ющія и неліцемѣрныя строки. Сими
съ своей стороны по тонкому своему
искусству онъ меня такъ сильно ос-
лѣпилъ, что я непреложнымъ почелъ
долгомъ участвовать въ его горестномъ
состояніи, часто имъ представляемомъ.
И когда онъ получилъ отказъ въ по-
собіи денежномъ для открытія водъ,
о которомъ онъ просилъ Всемилости-
вѣйшаго Государя, къ чему и меня
было склонилъ, то, представивъ себя,
почти въ отчаяніи, наиубѣдительнѣй-
ше просилъ меня, чтобы я взялъ въ
промѣнъ его деревню съ цѣлительны-
ми водами на Всевысочайше пожало-

ванный мнѣ лѣсъ, въ которомъ, по своему искусству въ винокурени, предполагалъ онъ поправить свое бѣдственное состояніе. Послѣдую моему слѣпому легковѣрію, я на его предложеніе согласился и тѣмъ самымъ учинился попечителемъ цѣлительныхъ водъ. При первомъ моемъ туда пріѣздѣ, я пораженъ былъ до зѣла, нашедши больныхъ и прокаженныхъ лежащихъ на открытомъ воздухѣ или въ хлѣвахъ, разрушенныхъ вѣтромъ, безъ всякаго прикрѣненія. Тутъ я первый разъ началъ сомнѣваться въ челоуѣколюбіи уѣзднаго судьи и со всевозможною поспѣшностью построилъ больницу, въ которой могутъ помѣщаться болѣе 30 челоуѣкъ, потомъ пригласилъ изъ Харькова искуснаго врача. Нѣкоторые исцѣлились отъ болѣзней и ранъ, изъ которыхъ одной благородной персоны прилагаю при семъ свидѣтельство. Когда въ продолженіи времени началъ я по условію,

сочиненному Денисенковымъ, разсматривать деревню и жителей, то нашелъ оную пустою, а людей между ревизскими бѣглыхъ и принадлежащихъ Государю. Я, не желая быть участникомъ сего неправеднаго суди похищенія людей Государевыхъ, такожь и преступникомъ законовъ и открывъ всѣ худыя его дѣянія, принужденнымъ себя нашелъ просить защиты у его превосходительства Ивана Ивановича Бахтина, г. губернатора харьковскаго. Сей мужъ, преисполненный чести, честности и самаго строгаго правосудія, хотя и защищаетъ меня, но Денисенковъ весьма многихъ имѣетъ единомышленниковъ между здѣшними по имени токмо дворянами, которымъ онъ внушилъ, что *я шпіонъ государевъ* и что я пишу къ Его Величеству о ихъ дѣянїяхъ, чрезъ что самое сей крамольникъ сдѣлалъ мою жизнь въ моемъ отечествѣ не точію непрїятною, но и, откровенно вамъ

сказать, подвергнулъ опасности. Горе, горе мнѣ несчастному! Я сверхъ моего чаянія, при старости лѣтъ и изнеможеніи моего здоровья имѣю процессъ съ отчаяннымъ ябедникомъ, котораго копію мой добрый родственникъ Павелъ Ѳедоровичъ Малиновскій для прочтенія вамъ представитъ. Вы—великодушный и единственный мой благодѣтель, можете спасти меня отъ самомучительныхъ безпокойствій, отъ опасности коварныхъ людей и отъ крайняго разоренія моего семейства, если исходатайствуете отъ Всемилостивѣйшаго Государя повелѣніе о скоромъ рѣшеніи моего дѣла. Сіе самое прибавитъ важность и силу правосудливому Государю, который меня горячо защищаетъ. Препоручивъ себя вашего сіятельства попеченію, чаю себѣ скорого спасенія; и съ найглубочайшимъ моимъ къ вашей благотворительной особѣ почтеніемъ, истинною благодарностію и всесовершенною преданностію

пребуду до послѣдняго моего дыха-
нія. 1810 г.. ноября 5, Страти-
латовка, близъ г. Изюма *)“. Не
ожидаю отвѣта на это письмо, Сам-
борскій послалъ вслѣдъ за нимъ
новое, въ которомъ писалъ. „Преж-
де я уже упомянулъ, что оныя
воды состоятъ на степныхъ возвышен-
ныхъ мѣстахъ, которыя, не имѣвъ въ
окружности своей никакихъ болот-
ныхъ влажностей, содержатъ въ себѣ
чистый и здоровый воздухъ. Въ 8 вы-
рытыхъ на сихъ солончакахъ колоде-
зяхъ находится вода различнаго свой-
ства и силы, но въ недостаточномъ
изобиліи. Близъ сихъ колодезей или
копанокъ есть тамъ же и прѣсная во-
да, годная для обыкновеннаго упо-
требленія. Описаніе сихъ водъ и вра-
чеваніе оныхъ отъ разныхъ болѣзней
довольно ясно изображено въ отпра-
вленной къ вамъ тетрадь. Теперь ос-
талось донести вашему сіятельству, ка-

*) Ibidem, стр. 447—449.

вѣмъ образомъ оныя воды открылись. На сихъ степяхъ кочевали своевольные грабители, старинные запорожцы, кои подѣлали многіе курганы, а по здѣшнему нарѣчію могилы, въ которые они зарывали свою награбленную добычу, состоящую въ разныхъ монетахъ и въ разной серебряной и золотой утвари, что все называется здѣсь скарбъ или кладъ, который нѣкоторымъ удалось открыть, а чрезъ то и обогатиться. Уѣздный изюмскій судья Денисенковъ, будучи весьма бѣденъ и многочаденъ, упросилъ помѣщика Ерсиванова, родомъ грузина, уступить сіе ему урочище съ 50 ревизскими душами и съ долгомъ банку въ 25 лѣтней экспедиціи и при продажѣ просилъ продавца, дабы онъ мертвыхъ и бѣглыхъ числомъ близъ 100 причислилъ къ 50 на лицо состоящимъ. Сіе онъ, Денисенковъ, какъ послѣ открылось, сдѣлалъ для собственной пользы займа изъ банковской экспедиціи; въ

числѣ сихъ 50 наличныхъ душъ явилось 14 и болѣе престарѣлыхъ и неспособныхъ къ работѣ. Съ прочими же онъ, судья изюмскій, по нѣкоторымъ примѣтамъ и суевѣрнымъ явленіямъ, въ видѣ блистающаго огня, рыжаго теленка и пр. въ большіе церковные праздники искалъ среди ноши въ тѣхъ могилахъ скарбу нарочно сдѣланными для того буравами или щупами, долго томя своихъ подданныхъ исканіемъ сокровищъ и не обрѣвши напоследокъ попалъ со своими щупами на солончаки, на которыхъ удалось ему открыть минеральныя воды, которыхъ употребленіе, какъ я прежде упоминалъ, первоначально и постарался произвести въ дѣйствіе. Вотъ вашего сіятельства любопытству есть точное удовлетвореніе. Какимъ образомъ я учинился попечителемъ тѣхъ водъ, въ прежнемъ письмѣ обременялъ ваше терпѣніе повѣствованіемъ, такожь почему не могу удержатъ тѣхъ цѣли-

тельныхъ водъ. Для моего оправданія и для представленія точнаго портрета изюмскаго судіи Денисенкова, кромѣ представленныхъ вашему сіятельству бумагъ, представляю еще показаніе атамана деревни Быковки и Государева малороссійскаго казака, въ рабство присвоеннаго Денисенковымъ. Для изслѣдованія сего противозаконнаго дѣла присланъ былъ на мѣсто губернской совѣтникъ отъ его превосходительства харьковскаго губернатора, который нашелъ все въ показаніи справедливымъ и утвержденнымъ многими свидѣтелями подъ присягою. Для дальнѣйшаго обличенія изюмскаго судіи и для уничтоженія купчей, имъ Денисенковымъ противъ законовъ совершенной, предписалъ нынѣ г. губернаторъ пріѣхать изъ другого уѣзда судіи и засѣдателю; поелику уѣздный изюмскій судія со своими подсудками и его соучастникъ засѣдатель явно законопреступники, не должны по сему

дѣлу присутствовать. При всемъ семь Денисенковъ имѣеть многихъ своихъ единомышленниковъ и весьма богатыхъ, изъ коихъ одному заложилъ уже мой лѣсъ въ 90000 рублей и въ столь важную суммою старается и мнить ослѣпить правосудіе, меня же лишить Всемилостивѣйше пожалованнаго и Высочайше утвержденнаго грамотою лѣса, который я полагаю для уплаты извѣстныхъ вамъ моихъ долговъ, кои я нажилъ, какъ всѣмъ извѣстно, не какимъ мотовствомъ, но жертвуя во многихъ случаяхъ общему благу и которые долги по истинѣ зѣло мой духъ угнетаютъ и обременяютъ. Сколь я ни старался себя избавить отъ сего тяжкаго бремени, но доселѣ не могъ, ибо коварное и завистливое сословіе моихъ сосѣдей всѣ возможности своими скрытыми совѣщаніями къ сему отнимаютъ и если, сверхъ всякаго чаянія, я не получу сего лѣса, то дѣти мои оста-

нутя въ неоплатныхъ долгахъ и въ крайней бѣдности во всю свою жизнь. Денисенковъ съ того времени, какъ незаконно введенъ во владѣніе моего лѣса, истребилъ онаго уже на нѣсколько тысячъ рублей, разныя угрозы мнѣ пересылаетъ и съ величавымъ духомъ мнѣ говоритъ, что онъ въ отчаяніи готовъ все противу меня сдѣлать“.

Далѣе Самборскій говоритъ о проискахъ Денисенкова противъ него, о разореніи, которое угрожаетъ ему съ потерей лѣса, объ опасности, грозящей отъ того созданнымъ имъ въ Стратилатовкѣ благотворительнымъ и просвѣтительнымъ учрежденіямъ, и въ заключеніе проситъ князя Голицына исходатайствовать у Государя заступничество въ его дѣлѣ съ Денисенковымъ.

Въ дополненіе къ этимъ даннымъ о минеральныхъ водахъ Денисенкова мы можемъ сообщить еще нѣкоторыя подробности о нихъ, заключающіяся въ официальномъ описаніи ихъ проф.

Гизе и Шумлянскаго. *) Гизе изслѣдовалъ эти воды и на мѣстѣ, и въ химической лабораторіи Харьковскаго университета. Онѣ оказались, по составу своему, похожими на минеральныя воды близъ дер. Дубовыя Гряды; главная составная часть ихъ—глауберова и горькая соль (*magnesia sulfurica*). Проф. Шумлянскій указалъ на тѣ болѣзни, въ которыхъ онѣ могли оказывать помощь, и на способъ употребленія ихъ. Въ концѣ брошюры помѣщено два письма Денисенкова къ ректору университета И. С. Рижскому. Въ первомъ говорится, что, не смотря на недостаточность своего состоянія, онъ, Денисенковъ, предоставляет пользоваться своими водами всѣмъ желающимъ; затѣмъ прибавляетъ, что вблизи ихъ есть его собственные лѣски,

---

*) „Извѣстіе о испытаніи минеральной воды, находящейся въ дачахъ ротмистра Денисенкова, Слоб. Укр. губ., Изюм. уѣзда при дер. Быковѣ Харьковъ. 1809 г.“!

въ коихъ будутъ сдѣланы дорожки и тѣнистыя аллеи для прогулокъ больнымъ; при этихъ лѣскахъ, на возвышенномъ и открытомъ мѣстѣ, впредь до устройства особаго зданія поставленъ будетъ изъ офицерскихъ палатокъ лагерь и все необходимое для житья. Въ другомъ письмѣ Денисенковъ описываетъ Рижскому случай исцѣленія его водою антонова огня и прилагаетъ письма Егора Башилова (изъ сел. Башиловки) и Григорія Калиновскаго (изъ г. Славянска); одинъ благодаритъ за исцѣленіе многихъ его людей, а другой проситъ цѣлебной воды у Денисенкова для отсылки бахмутскому предводителю дворянства Ив. Род. Депрерадовичу.

Мы нарочно почти цѣликомъ привели эти два письма Самборскаго, изъ которыхъ одно служить дополненіемъ другому, потому что въ нихъ заключается много любопытныхъ данныхъ для характеристики взаимныхъ отно-

шеній между Самборскимъ и окружающею его средой. Въ 1804 году Самборскій писалъ Государю изъ Одессы письмо, въ которомъ выражалъ желаніе сдѣлаться миссіонеромъ и инструкторомъ сельскаго хозяйства въ Новороссійскомъ краѣ. „Я есмь готовъ, писалъ онъ, остатокъ моей жизни посвятить какъ для евангельской проповѣди, такъ и для показанія имъ, какимъ образомъ можно обратить дикія степи въ хлѣбородные поля и учредить хозяйство. Сего я не дерзнулъ бы представить, если бы не было совершенно согласно съ благоутоднымъ узаконеніемъ вашимъ о просвѣщеніи народа“ *). Но такъ какъ этотъ планъ почему то не осуществился, то Самборскій, очевидно, желалъ хотя въ маломъ видѣ примѣнить его у себя въ Стратилатовкѣ. И мы видѣли, что онъ дѣйствительно примѣнялъ его

---

*) „О жизни прот. А. А. Самборскаго“, стр. 59.

тамъ. Побужденіями для него служили съ одной стороны искреннее увлеченіе агрономіей, на изученіе которой онъ потратилъ юные годы своей жизни, а съ другой желаніе сдѣлать угодное своему питомцу - Государю; содѣйствуя распространенію новыхъ агрономическихъ познаній въ обществѣ, онъ тѣмъ самымъ продолжалъ свою вѣрную службу Царю, выставившему лозунгомъ своимъ просвѣщеніе народа. Побужденіями для устройства разныхъ благотворительныхъ учрежденій являлись для него чувство человеколюбія и опять таки желаніе сдѣлать пріятное гуманному Императору Александру I; объ этомъ свидѣтельствуетъ содержаніе и тонъ его переписки съ Государемъ и кн. Голицынымъ. Но сойтись съ представителями мѣстнаго общества ему не удалось. Онъ сразу занялъ особое привилегированное положеніе въ краѣ. Пожалованіе обширнаго помѣстья съ 500 душъ крѣпостныхъ крестьянъ

дѣлало его однимъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ въ губерніи, хотя онъ въ то же время былъ все таки священникомъ, а не дворяниномъ. Близкія отношенія Самборскаго къ Высочайшимъ особамъ и разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ еще болѣе выдѣляли его изъ ряда мѣстныхъ обывателей. Самъ онъ повидимому не только не ступшевывалъ, а старался подчеркнуть, что онъ довѣренная особа государя: сосѣди или ему завидовали, или заискивали у него, или боялись его, или не довѣряли ему. При такихъ условіяхъ и добрыя начинанія Самборскаго не могли привиться, найти себѣ подражателей. Къ несчастью судьба свела его еще съ Денисенковымъ, который съумѣлъ обойти непрактичнаго и неопытнаго въ житейскихъ дѣлахъ Самборскаго; этотъ послѣдній промѣнялъ ему свой великолѣпный лѣсъ на малоцѣнное имѣніе, прельстившись находившимися тамъ минеральными во-

дами. Очевидно, онъ рассчитывалъ, что онъ будутъ приносить пользу больнымъ, а ему доходъ; но онъ не зналъ условій русской дѣйствительности, онъ дѣйствовалъ какъ теоретикъ, воспитанный при томъ на культурномъ Западѣ; тамъ бы, конечно, полезныя минеральныя воды не могли бы оставаться въ забвеніи—ихъ бы взяли въ свои руки частные предприниматели, онъ бы давали доходъ; на помощь къ нимъ пришло бы правительство, а главное ихъ бы поддержало само общество, сознавшее ихъ пользу для здоровья. Совсѣмъ иначе было у насъ—и обо всемъ этомъ забылъ Самборскій также точно, какъ и другіе теоретики—піонеры новой культуры, въ родѣ, на примѣръ, В. Н. Каразина, который въ это время старался о развитіи своего филотехническаго общества, преслѣдовавшаго только въ гораздо болѣе обширныхъ размѣрахъ тѣже цѣли, какія поставилъ себѣ единолично Сам-

борскій. Отсюда происходило сильное увлеченіе предпріятіями, неудача ихъ на практикѣ и быстрое охлажденіе къ нимъ со стороны инициаторовъ, возлагавшихъ на нихъ преувеличенныя надежды и потомъ, по силѣ реакціи, совершенно разочаровавшихся въ нихъ. Это именно повторилось съ Самборскимъ. Онъ обманул-ся въ расчетахъ—и рѣшилъ пустить въ ходъ всѣ свои связи, чтобы поправить свою собственную ошибку; говоримъ „свою собственную“, потому что, по его же сознанію, онъ согласился промѣ-нять лѣсъ на имѣніе и минеральныя воды, не осмотрѣвъ предварительно ихъ. Правда онъ потерпѣлъ отъ этого об-мѣна; продавецъ оказался недобросо-вѣстнымъ (по его словамъ); но все-таки это былъ актъ, заключенный съ общаго согласія обѣихъ сторонъ, доб-ровольная гражданская сдѣлка. И ра-сторгнута она могла быть только тѣми учрежденіями, которыя ее узаконили. Самборскій же какъ бы не понимаетъ

этого и обращается къ покровительству высокихъ лицъ, старается найти помощь себѣ у самого государя, указывая при этомъ на свои заслуги, порицая своихъ противниковъ, которые не знали, что онъ писалъ о нихъ, и потому не могли оправдываться; такимъ образомъ, не выполнялось основное требованіе права—*audiatur et altera pars*; приходилось вѣрить ему исключительно на слово въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ онъ былъ одной изъ заинтересованныхъ сторонъ; а онъ допускалъ въ этомъ дѣлѣ очень страстный тонъ и рѣзкіе отзывы и самъ чувствовалъ, что его конфиденціальные письма могли быть приняты за доносъ даже тѣмъ лицомъ, къ которому они были адресованы, не говоря уже о мѣстномъ обществѣ, которое прямо считало его шпиономъ государевымъ. Самборскій, очевидно, сознавалъ всю затруднительность своего положенія и потому пустилъ въ ходъ всѣ аргументы

и, не дождавшись отвѣта на свое первое письмо, отправилъ кн. Голицыну второе. Между тѣмъ и первое письмо произвело неблагопріятное впечатлѣніе на государя и вызвало съ его стороны исполненный глубокой государственной мудрости и достоинства отвѣтъ, доставленный Самборскому кн. Голицынымъ. „Письмо Вашего Высокопреподобія, отвѣчалъ кн. Голицынъ, о производимомъ въ слободскоукраинскомъ правленіи тяжёбомъ дѣлѣ вашемъ съ ротмистромъ Денисенковымъ я докладывалъ Государю Императору. Его Величество, соизволивъ усмотрѣть, что дѣло сіе предано законному теченію, Высочайше поручилъ мнѣ увѣдомить Васъ, Милостивый Государь мой, что Его Величество за правило себѣ поставить изволилъ—въ дѣла, гласъ о себѣ имѣющія и въ законномъ порядкѣ сужденію преданныя, никогда не вмѣшиваться.“*)

*) Христ. чтеніе, 1894, ноябрь—декабрь, стр. 449.

Чѣмъ окончилась тяжба Самборскаго съ Денисенковымъ, неизвѣстно.

Посмертнымъ памятникомъ Самборскаго въ сел. Стратилатовкѣ является каменный трехъ-престольный храмъ во имя Софіи, построенный въ его память и во исполненіе его воли дочерью Анной Андреевной и внукомъ Иваномъ Васильевичемъ Малиновскимъ. Сюда было перевезено 6 иконъ, писанныхъ извѣстнымъ художникомъ Боровиковскимъ и находившихся нѣкогда въ церкви, устроенной надъ могилой вел. Кн. Александры Павловны въ Венгріи; а именно—образъ Спасителя, Входъ въ храмъ Пресв. Богородицы, Апостола Павла, Благовѣщенія, Богородицы, священномученицы Александры; *) всѣ онѣ помѣщаются въ придѣлѣ муч. Андрея Стратилата; въ двухъ остальныхъ находится цѣлый рядъ иконъ работы художника Венеціанова. Изъ церковной утвари слѣдуетъ отмѣтить:

*) Ibidem. стр. 436.

дарохранительницу въ видѣ Іерусалимскаго гроба Господня съ золотыми изображеніями страданій Христовыхъ, дарохранительницу съ бриліантовымъ крестомъ, подареннымъ Екатериною II Самборскому въ 1783 г., серебряный крестъ съ частью животворящаго древа — даръ Константинопольскаго патріарха. Одна изъ иконъ на церковной стѣнѣ писана въ Италіи въ 1592 году. *) Всѣ эти предметы представляютъ кромѣ церковнаго, еще археологическій и художественный интересъ и заслуживаютъ полнаго вниманія туристовъ, такъ же точно, какъ и семейный архивъ Самборскаго, принадлежащій нынѣ его внучкѣ Марьѣ Васильевнѣ Вальховской. Какова была судьба правительственныхъ и благотворительныхъ учрежденій Самборскаго, объ этомъ пусть расскажутъ другіе, ибо намъ о ней ничего неизвѣстно.

---

*) Филарета. Ист. стат. опис. Харьк. еп., V, стр. 85—86.

Въ книжныхъ магазинахъ, „Новаго Времени“ (г. Суворина) —

въ Харьковѣ, Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ,

Глазунова въ Москвѣ и „Южнаго Края“ въ Харьковѣ.

КРОМЪ НАСТОЯЩАГО,

имѣются въ продажѣ слѣдующія сочиненія и изданія

Проф. Д. И. Багалъя:

1) Очерки изъ исторіи колонизаціи южной окраины. (Удостоены Уваровской преміи отъ академіи наукъ). Ц. 3 р., на вел. бумагѣ 4 р.

2) Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта Харьковской, Курской и Воронежской губ., т. 1-й, ц. 2 р., т. 2-й, ц. 2 р. 50 к.

3) Замятки и матеріалы по исторіи Слободской украины. Цѣна 1 р.

4) Топографическое описаніе Харьковскаго намѣстничества. Ц. 50 коп.

5) Очеркъ торговли въ Харьковскомъ краѣ въ XVII—XVIII вв. Цѣна 30 коп.

6) Описаніе Харьковской губ. 1802 г. Цѣна 30 к.

7) Общій очеркъ древностей Харьковской губ. Цѣна 25 коп.

8) Сочиненія, матеріалы, статьи и замятки по исторіи слоб. украины (библиогр. очеркъ). Цѣна 25 к.

9) Изъ прошлаго Святогорскаго монастыря. Цѣна 20 коп.

10) Къ исторіи хозяйственнаго быта Курскаго и Воронежскаго края. (Рецензія на книгу И. Н. Миклашевскаго „Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго гос.“, составленная по порученію Имп. Академіи наукъ). Цѣна 50 коп.

11) Новый историкъ Малороссіи (рецензія на книгу А. М. Лазаревскаго „Описание старой Малороссіи“, составленная по порученію Императорской академіи наукъ). Цѣна 1 р.

12) Генеральная опись Малороссіи. Цѣна 30 коп.

13) Займанщина въ лѣвобережной украинѣ. Ц. 30 к.

14) Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры. Цѣна 80 коп.

15) Къ исторіи ученій о бытѣ древнихъ славянъ. Цѣна 50 коп.

16) Сочиненія Г. С. Сковороды, съ портретомъ, видомъ могилы, образцами почерка и вступительной статьей критико-библіографическаго характера. Ц. 4 р.

17) Григорій Саввичъ Сковорода (рѣчь). Цѣна 20 к.

18) Просвѣтительная дѣятельность В. Н. Каразина. Цѣна 30 коп.

19) Н. А. Каразинъ и его колоколь. Цѣна 30 коп.

20) Опытъ исторіи Харьковскаго университета, т. 1-й (1802—1815), выпускъ 1-й, цѣна 1 р. 20 к., выпускъ 2-й, цѣна 1 р. 70 к.

Лица, выписывающія всѣ эти труды отъ автора (Харьковъ, Подгорная ул., домъ № 4), за пересылку не платятъ.

Печатаются и скоро выйдутъ въ свѣтъ: 1) Опытъ исторіи Харьковскаго университета, т. 1-й, вып. 3-й; 2) Ученіе, жизнь и значеніе украинскаго философа Гр. Сав. Сковороды (монографія).

25